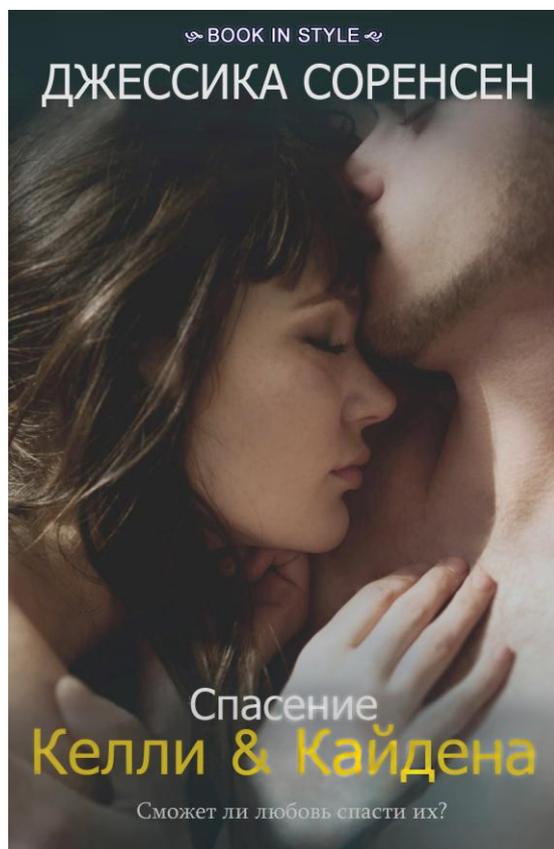

*Данная книга предназначена только для предварительного ознакомления.
Просим Вас удалить этот файл с жесткого диска после прочтения.
Спасибо.*

Джессика Соренсен
СПАСЕНИЕ

Оригинальное: “The Redemption of Callie and Kayden” «The Coincidence #2» 2013

Перевод: Альбина Анкудимова, Анна Ли, Айгуль Аралбаева

Редактирование: Александра Одинцова

Переведено для группы:

http://vk.com/book_in_style

Любое копирование без ссылки на переводчиков и группу ЗАПРЕЩЕНО!

Аннотация:

Темный секрет Кайдена, скрываемый в течение многих лет, выходит наружу.

Хуже того, ему предъявляют обвинения в избиении. Единственный способ отчистить его имя - если Келли начнет говорить, а это то, о чем он никогда ее не попросит. Вместо этого он будет делать все, чтобы защитить ее... даже если это значит отпустить единственную девушку, которую когда-либо любил.

Келли знает, что Кайден собирается вновь окунуться в свой темный мир и отчаянно хочет спасти его. Но это означает встать перед лицом ее величайшего страха и рассказать о своих, причиняющих боль, секретах. Мысль о том, чтобы нарушить молчание пугает ее, но не так как мысли о потере Кайдена навсегда.

Глубоко в сердце, Келли понимает, что настало время для нее и Кайдена забыть о боли прошлого. При помощи своих друзей, Сета и Люка, она придумывает план – показать Кайдену жизнь, которую они могли бы иметь. Но сможет ли она убедить его, что они смогут начать новую жизнь вместе или уже слишком поздно?

Оглавление

Пролог

Глава 1 #62 Не развалиться на части

Глава 2 #22 Принять решение, что пугает тебя

Глава 3 #46 Измениться

Глава 4 #67 Встретиться с кем-то, кого, как тебе казалось, ты потерял

Глава 5 #41 Съесть много блинов

Глава 6 #35 Прогуливаться, не торопясь

Глава 7 #2 Не думать долго о многих вещах

Глава 8 #16 Заставить кого-то почувствовать, что ты понимаешь их, чего бы это ни стоило

Глава 9 #6 Сбежать... сбежать к пляжу.

Глава 10 #14 Дать волю веселью

Глава 11 #45 Не дай парню расстроить себя

Глава 12 #88 Не сдерживаться. Выпустить все наружу

Глава 13 #89 Признать правду и принять ее

Глава 14 #10 Взглянуть правде в лицо и отпустить ее

Глава 15 #26 Столкнуться с неизбежным, что бы ты, черт возьми, не делал

Глава 16 #15 Перестать мучить себя

Глава 17 #1 Преодолеть свой худший страх

Глава 18 #65 Смотреть на фейерверк с тем, кого любишь

Глава 19 #11 Попрошиться и двигаться дальше

Глава 20 #6 Сделать смелый и решительный шаг, #38 Выбраться куда-нибудь с крупными планами, #44 Есть шоколад, заниматься сексом и наслаждаться Днем Святого Валентина, днем ЛЮБВИ!

Эпилог

Пролог

Келли

Я хочу дышать.

Хочу почувствовать себя снова живой.

Не хочу чувствовать боль.

Хочу вернуть все назад, но это в прошлом.

Я слышу каждый звук, каждый смех, каждый крик. Люди неистово двигаются мимо комнаты, но я не могу оторвать взгляда от раздвижных стеклянных дверей. Снаружи сильный шторм, и дождь молотит по бетону, грязи и засохшим листьям. Лампочки скорой помощи, заехавшей в ворота, мигают, отражаясь красным свечением в лужах, словно кровь. Словно кровь Кайдена. Словно кровь Кайдена на полу. Так много крови.

Мой желудок опустошен. Сердце ноет. И я не могу даже пошевелиться.

— Келли, — говорит Сет. — Келли, посмотри на меня.

Отвожу взгляд от дверей и смотрю в его карие глаза полные беспокойства.

— Что?

Он берет мою руку в свою, его кожа теплая и успокаивающая.

— С ним будет все хорошо.

Смотрю на него, прогоняя слезы, потому что должна быть сильной.

— Хорошо.

Он вздыхает и поглаживает мою руку.

— Знаешь что? Я пойду гляну, не пускают ли еще к нему посетителей. Это была отстойная неделя. Узнаем, разрешат ли они навещать его в ближайшее время. — Он поднимается со стула и направляется из комнаты ожидания к регистрационному столу.

Он будет в порядке.

Должен быть.

Но в глубине души, знаю, что это не так. Конечно, его раны и переломанные кости заживут снаружи. Но внутри, думаю, исцеление будет длиться намного дольше, и мне интересно, каким будет Кайден, когда я увижу его снова. Кем он станет?

Сет заговаривает с дежурной за стойкой, но она едва обращает на него внимание, потому что разрывается между телефонными звонками и компьютером. Однако, это не важно. Я знаю, что она скажет... то же самое, что и до этого говорила. Что к нему не пускают посетителей, кроме членов семьи. Его семья, люди, которые делают ему больно. Ему не нужна такая семья.

— Келли. — Голос Мази Оуэнс вырывает меня из оцепенения.

Я смотрю на мать Кайдена с хмурым лицом. Она одета в юбку-карандаш в полоску, ее ногти маникюренны, а волосы собраны в большой пучок на макушке.

— Что ты здесь делаешь? — спрашивает она.

Я чуть было не спрашиваю ее о том же.

— Пришла увидеть Кайдена.

Я сажусь в кресло.

— Келли, милая, — говорит она, словно ребенку, и хмурясь, смотрит на меня сверху вниз. — Кайден не может принимать посетителей. Я говорила тебе это несколько дней назад.

— Но я скоро возвращаюсь в университет, — произношу, сжимая подлокотники кресла. — Мне нужно увидится с ним до отъезда.

Она покачивает головой и садиться в кресло рядом со мной, скрещивая свои ноги.

— Это невозможно.

— Почему? — Мой голос становится громче, чем надо.

Она оглядывается, беспокоясь, что я закачу сцену.

— Пожалуйста, понизь свой тон, милая.

— Извините, но я должна знать, что с ним все в порядке. — Упираюсь я. Внутри меня клокочет гнев. Я раньше никогда не злилась так сильно, и мне не нравится это. — И мне нужно знать, что произошло.

— Дело в том, что Кайден болен, — отвечает она спокойно, и начинает вставать.

— Подождите. — Поднимаюсь вместе с ней. — Что вы имеете в виду под «Кайден болен»?

Она наклоняет голову в сторону и показывает свое самое грустное лицо, но все о чем я могу думать, как эта женщина позволяла отцу Кайдена избивать его все эти годы.

— Милая, я не знаю, как сказать тебе это, но Кайден причиняет боль сам себе.

Я трясую головой, и пячусь от нее.

— Нет, он не делает этого.

Ее лицо становится еще печальней, и она выглядит, как пластиковая кукла со стеклянными глазами и нарисованной улыбкой.

— Милая, у Кайдена проблемы с резанием самого себя уже очень долгое время и это... нам казалось, что ему стало лучше, но видимо мы ошибались.

— Нет, это неправда! — кричу я. По-настоящему кричу. Я в шоке. Она в шоке. Вся толпа в комнате ожидания в шоке.

— И мое имя Келли, а не милая!

Сет торопиться ко мне, его глаза расширены и полны беспокойства.

— Келли, с тобой все хорошо?

Смотрю на него, потом на людей в комнате. Становится тихо, и все пялятся на меня.

— Не... не знаю, что со мной. — Поворачиваюсь на пятках и бегу к раздвижным стеклянным дверям, задевая локтями их края от того, что они не успевают открыться полностью. Я бегу до тех пор, пока не нахожу кусты позади больницы, а после падаю на колени, и меня рвет прямо на землю.

Мои плечи поддеваются, желудок сжимается, а слезы жгут глаза. Когда мой желудок опустошается, встаю на корточки и сажусь в грязь.

Не может быть, чтобы Кайден делал это с собой. Но в глубине души, я продолжаю думать обо всех шрамах на его теле и не могу не задаться вопросом: «Что если это правда?»

Кайден

Я открываю глаза, и первое что вижу – это свет. Свет обжигает мои глаза и делает все вокруг искаженным. Машина пиликает, и, кажется, звук соответствует ритму моего сердца, что бьется в моей груди, но он звучит слишком медленно и неравномерно. Тело кажется холодным и онемевшим, как и все внутри меня.

— Кайден, ты слышишь меня? — Звучит голос моей матери, но я не вижу ее из-за яркого света.

— Кайден Оуэнс, открой глаза, — повторяет она, пока ее голос не становится мучительным гулом в моей голове.

Я открываю и закрываю свои веки несколько раз, а потом вращаю закрытыми глазами. Моргаю снова, и свет начинает превращаться в пятна, а потом в лица людей, которых я не знаю, и в их выражениях проскальзывает страх. Я ищу среди них, высматривая только одного человека, но нигде не вижу ее.

Я открываю рот и заставляю губы двигаться.

— Келли...

Моя мать появляется около меня. Ее глаза холоднее, чем я ожидал, а губы сжимаются в тонкую линию.

— Ты хоть понимаешь через что заставляешь пройти семью? Что с тобой не так? Тебе не дорога твоя жизнь?

Я гляжу на доктора и медсестер около моей кровати и осознаю, что это не страх, а жалость и раздражение.

— Что... — Мое горло сухое, как песок, и я заставляю мышцы горла двигаться, сглатывая несколько раз. — Что случилось?

Начинаю вспоминать: кровь, насилие, боль... желание, чтобы все это закончилось.

Мама кладет руки рядом с моей головой и наклоняется ко мне.

— Я думала с этой проблемой покончено. Думала, ты перестал это делать.

Слегка наклоняю в сторону голову и смотрю на свои руки. Мои запястья перемотаны, кожа бледная с выступающими голубыми венами. Капельница прикреплена к тыльной стороне руки и зажим на конце пальца. Я помню. Все.

Наши взгляды пересекаются.

— Где отец?

Ее глаза сужаются, и голос понижается, когда она наклоняется еще ближе.

— Уехал в командировку.

Я изумленно смотрю на нее. Она ничего не предпринимала против насилия, когда я рос, хотя в каком-то роде надеялся, что может быть это заставит ее избавиться от всех секретов и от потребности защищать его.

— Он в командировке? — спрашиваю медленно.

Мужчина в белом халате с ручкой в кармане, в очках, и седыми волосами говорит что-то матери и выходит из комнаты, неся планшетку. Медсестра подходит к пиликающей машине, около кровати, и начинает записывать результаты в моей карте.

Мама наклоняется еще ближе, отбрасывая тень на меня, и шепча низким голосом, который несет в себе много предупреждений.

— Твой отец никуда не поехал. Доктор знает, что ты режешь себя, и весь город знает, что ты избил Калеба. Сейчас ты не в самом лучшем положении и будешь в еще худшем, если впутаешь сюда отца.

Она отклоняется немного назад, и впервые я осознаю, какие у нее большие зрачки. Из-за них едва видно цвет радужки, за исключением тоненькой полоски. Она выглядит одержимой, может быть дьяволом, или моим отцом, в любом случае это одно и то же.

— Ты будешь в порядке, — говорит она. — Все повреждения не смертельны. Но ты потерял много крови, и тебе сделали переливание.

Упираясь руками в кровать, пытаюсь сесть, но мое тело тяжелое, и конечности ослабели.

— Как долго я был в отключке?

— Несколько дней. Врачи говорят это нормально. — Она начинает подтыкать одеяло вокруг меня, как будто бы я внезапно стал ее ребенком. — О чем они волновались больше, так это то, почему ты режешь себя.

Я мог бы прокричать всему миру, что это не только моих рук дело. Что мой отец так же виноват, что он и я – вдвоем травмируем меня. Но, когда я осматриваю комнату, понимаю, что здесь нет ни одного, кого заботило бы это. Я одинок. И режу сам себя. Тогда, на одну долю секунды, я понадеялся, что это мог бы быть мой конец. Вся эта боль, ненависть, чувство ничтожности, наконец, после девятнадцати лет, закончатся.

Она гладит мою ногу.

— Ладно, я вернусь завтра.

Ничего не отвечаю. Просто отворачиваюсь и закрываю глаза и рот, позволяя себе провалиться в спасительную темноту, из которой я выплыл. Потому что сейчас, это лучше, чем быть в свете.

Глава 1.

#62 Не развалиться на части

Келли

Я много времени уделяю ведению дневника. Это своего рода терапия для меня. Сейчас глубокая ночь, но я не сплю, с ужасом ожидая завтрашнего возвращения на кампус без Кайдена. Как можно просто оставить его, сбежать, забыть? Все твердят, что я должна, будто это так просто, как подобрать наряд. Хотя я никогда не умела выбирать себе одежду.

Я в комнате над гаражом, одна, прячусь в тишине, компанию мне составляют лишь ручка и дневник. Вздохнув, смотрю на Луну, моя рука движется по бумаге практически неосознанно.

Как ни пытаюсь, не могу выкинуть ту картину из головы. Каждый раз, закрывая глаза, я вижу Кайдена, лежащего на полу. Кровь покрывает его тело, пол, трещины в кафельной плитке, а вокруг ножи. Он сломлен, в крови, разбит на мелкие осколки. Возможно, кто-то считает, что ему уже не помочь. Но я не могу так думать.

Когда-то я сама была разбита на осколки, уничтожена чужими руками, но сейчас чувствую, что начинаю вновь обретать целостность. По крайней мере, мне так казалось. Но когда увидела Кайдена на полу, почувствовала, словно часть меня снова раскололась.

Еще больше сокрушили слова его матери, когда она сказала, что он сам это сделал. Кайден сам себя порезал, и возможно, делал так годами.

Я этому не верю.

Не могу поверить. Особенно зная его отца.

Просто не могу.

Моя рука останавливается, и я жду продолжения. Но, похоже, я написала все, что нужно. Ложусь на кровать и смотрю на Луну, размышляя – как продолжать жить дальше, если все, что мне дорого – неподвижно.

~ ~ ~

— Сотри эту печальную мину со своего лица, Мисси, — Сет держит меня за руку, когда мы идем по территории кампуса. На улице холодно. Дождь моросит из угрюмых туч, тротуар покрыт мутными лужами. С крыш исторических зданий университета едва ли не реки стекают. Подошвы кроссовок скользят по мокрой траве, мерзкая погода под стать моему настроению. Люди бегут домой или на занятия, и мне хочется закричать: «остановитесь, подождите, пока мир догонит!»

— Я пытаюсь, — отвечаю ему, но хмурое выражение не исчезает. Оно не сходит с моего лица с того момента, как я нашла Кайдена чуть более двух недель назад. Воспоминания о том дне ранят мой разум и сердце, словно осколки стекла. Я знаю, отчасти это моя вина. Я позволила Кайдену узнать о Калебе. Даже толком не попыталась все отрицать, когда он спросил. Какая-то часть меня хотела, чтобы он узнал, и была рада, когда Люк рассказал, что Кайден избил Калеба.

Сет подталкивает меня локтем и крепче сжимает мою руку, потому что я спотыкаюсь, пошатнувшись в сторону.

— Келли, тебе пора прекращать все время беспокоиться, — он помогает мне восстановить равновесие. — Я знаю, это трудно, но постоянная печаль ни к чему хорошему не приведет. Не хочу, чтобы ты опять стала той грустной девочкой, которую я встретил вначале.

Я останавливаюсь прямо посреди лужи. Холодная вода затекает мне в обувь, пропитывает носки.

— Сет, я к этому не вернусь, — высвободив ладонь из его руки, плотнее укутываюсь в куртку. — Я просто не могу перестать думать о нем... как он выглядел. Тот образ застрял у меня в голове.

Мои мысли только об этом. Я не хотела уезжать из Афтона, но мама пригрозила, что не пустит меня домой на Рождественские каникулы, если завалю семестр. Мне некуда будет податься.

— Я скучаю по нему и чувствую себя отвратительно, потому что оставила Кайдена там с его семьей.

— Ничего бы не изменилось, останься ты дома. Они все равно не позволят тебе увидеться с ним, — Сет откидывает со лба золотистые пряди, его медово-карие глаза смотрят на меня сочувственно, капли дождя стекают по его волосам и лицу. — Келли, я

знаю, тебе тяжело, особенно после того, как они сказали, что он сам сделал... что он сам это с собой сделал. Но тебе нельзя расклеиваться.

— Я не расклеиваюсь.

Морось неожиданно превращается в ливень, и мы бежим к деревьям, чтобы укрыться, защищая лица ладонями. Я заправляю влажные пряди своих каштановых волос за уши.

— Он не идет у меня из головы, — я вздыхаю, вытирая воду с лица. — И я не верю, что он сам это сделал.

Плечи Сета опускаются, когда он тянет рукава своей черной куртки вниз.

— Келли, мне неприятно так говорить, но... что, если это правда? Знаю, его отец мог быть причастен, но что, если это не он? Что, если доктора правы? То есть, его же не без причины в ту клинку отправили.

Капли дождя бьют в лицо, мои ресницы трепещут под их тяжестью.

— Если Кайден сам себя поранил, от этого ничего не меняется.

У всех есть секреты, как и у меня. С моей стороны было бы лицемерием осуждать Кайдена за самотравмирование.

— К тому же его туда не отправили. Больница просто перевела Кайдена, чтобы он находился под наблюдением во время восстановления. Только и всего. Он не обязан там оставаться.

Сет сострадательно улыбается, но в его взгляде заметна жалость. Он наклоняется и быстро целует меня в щеку.

— Знаю, и именно поэтому ты такая, какая есть, — он отходит назад, разворачивается, предлагая мне свой согнутый локоть. — А теперь пошли, иначе опоздаем на пару.

Вздыхнув, я беру его под руку, и мы вновь выходим под дождь, направляясь к учебному корпусу.

— Может, развлечемся, — предлагает Сет, открывая дверь. Он пропускает меня в теплое помещение, отпускает мою руку и стряхивает дождь с куртки, разбрызгивая капли повсюду. — В кино сходим, или еще куда-нибудь, — Сет щелкает пальцами несколько раз. — Не помню, как тот фильм называется, но ты говорила про него до каникул.

Я пожимаю плечами, и отжимаю волосы, заплетенные в хвостик, так, что вода капает с кончиков.

— Я тоже не помню. И мне не хочется идти в кино.

Он хмурится.

— Перестань хандрить.

— Я не хандрю, — отвечаю, прижимая руку к сердцу. — У меня сердце все время болит.

Сет тяжело вздыхает, его плечи приподнимаются и опускаются.

— Келли...

Подняв руку, качаю головой.

— Сет, я знаю, ты всегда пытаешься мне помочь, и люблю тебя за это, но иногда болезненные переживания – часть жизни, особенно если тому, кого ты лю... кто тебе не безразличен, тоже больно.

Он приподнимает брови, потому что я едва не сболтнула лишнего.

— Ладно, в таком случае, пошли на пару.

Кивнув, иду следом за ним через холл. Моя одежда промокла из-за дождя, обувь тоже. Несмотря на холод и липнущую к коже ткань, это напоминает мне о прекрасном моменте, полном волшебных поцелуев. Я должна держаться за эти воспоминания.

Потому что сейчас у меня нет ничего, кроме них.

~ ~ ~

Время тянется бесконечно долго. Занятия подходят к концу, приближаются зимние каникулы. Я пялюсь в учебник английского языка уже так долго, что создается ощущение, будто у меня глаза кровоточат, и все слова выглядят одинаково. Потираю глаза пальцами, притворяясь, что в комнате не воняет травкой, что моя соседка Вайолет не спит беспробудно на своей кровати напротив. Она в таком состоянии уже десять часов. Я бы испугалась, что она умерла, если бы не ее бессвязное бормотание во сне.

Помимо подготовки к экзамену по английскому, мне нужно написать эссе. В начале года я присоединилась к клубу писательского мастерства, и теперь должна сдать три проекта: поэму, короткий рассказ и документальную зарисовку. Как бы я ни любила писать, иногда мне сложно перенести правду на бумагу, чтобы другие люди могли ее прочитать. Я боюсь того, что может случиться, если по-настоящему откроюсь. А может, мне кажется глупым писать о правде жизни, в то время как Кайден проживает эту правду, находясь в клинике. Пока я напечатала только заголовок: «Куда уносят листья», автор – Келли Лоуренс. Не уверена, что из этого в итоге получится.

Дождь превратился в пушистые снежинки, которые парят с неба, а на земле блестит серебристый налет льда. Я постукиваю пальцем по учебнику, думая о доме – там уже, наверно, снега почти метр навалило, и мамина машина наверняка застряла у подъездной дорожки. Мне с легкостью представляются снегоуборочные машины, колесящие по улицам города. А папа проводит тренировки в спортзале, ведь снаружи слишком холодно. Кайден по-прежнему в больнице под наблюдением, потому что все думают, будто он пытался себя убить. С того дня прошло несколько недель. Ему уже давно не требуется переливание крови, а порезы заживают. Когда Кайден очнулся, к нему не пускали посетителей, потому что он входил в "группу повышенного риска" и "нуждался в надзоре" (слова его матери, не мои).

Мой мобильник лежит на кровати, рядом со стопкой учебных материалов и разноцветными маркерами. Я беру телефон, набираю номер Кайдена и жду сообщение автоответчика.

— Привет, это Кайден, я сейчас слишком занят и не могу ответить на ваш звонок, поэтому, пожалуйста, оставьте сообщение, может, вам повезет, и я перезвоню.

В его голосе улавливается сарказм, как будто он думает, что остроумен, и я улыбаюсь, тоскуя по нему так сильно, до боли в сердце.

Слушаю сообщение снова и снова, до тех пор, пока не начинаю различать скрытую за сарказмом боль, несущую в себе его секреты. В конечном счете, я сбрасываю звонок, откидываюсь на кровать, желая перенестись назад во времени и не позволить Кайдену узнать, что меня изнасиловал Калейб.

— Боже, который час? — Вайолет садится на кровати, моргая налитыми кровью глазами в попытке рассмотреть свои наручные часы на кожаном ремешке. Она трясет головой, убирая черно-красные пряди с лица, смотрит в окно, потом на меня. — Я надолго вырубилась?

Пожав плечами, смотрю в потолок.

— Думаю, часов на десять?

Вайолет откидывает одеяло и вылезает из постели.

— Твою мать, я пропустила пару по химии.

— Ты изучаешь химию? — не хотела показаться грубой, но шок от того, что она занимается химией, явно проскальзывает в моем голосе. Мы с Вайолет делим комнату уже три месяца, и, судя по тому, что я видела, ей нравятся вечеринки и парни.

Она смотрит на меня злобно, продевая руки в рукава своей кожаной куртки.

— Что? Думаешь, я не могу тусить, и при этом быть умной?

Качая головой, отвечаю:

— Нет, я не то имела в виду. Я просто...

— Я знаю, что ты имела в виду, что ты обо мне думаешь, что все думают, — Вайолет подхватывает сумку, нюхает свою рубашку и пожимает плечами. — Но дам один совет: может, тебе не следует судить людей по их облику.

— Я не сужу, — говорю ей, чувствуя себя неловко. — Извини, если тебе кажется, что я тебя осуждаю.

Она берет свой телефон со стола и кидает его в сумку, затем направляется к двери.

— Слушай, если придет парень по имени Джесси, можешь сделать вид, что не видела меня целый день?

— Зачем? — спрашиваю я, поднимаясь.

— Затем, что я не хочу, чтобы он знал, что я тут была, — Вайолет открывает дверь, оглядываясь через плечо. — Боже, ты стала такой раздражительной. Когда мы с тобой познакомились, я думала, ты размазня. Но в последнее время ты постоянно огрызаешься.

— Знаю, — говорю тихо, опустив подбородок. — Извини. Трудные несколько недель выдались.

Она останавливается в дверном проеме, разглядывая меня.

— Ты... — Вайолет переступает с ноги на ногу, словно ей неудобно. Ей нелегко дается то, что она собирается сказать. — Ты в порядке?

Я киваю, что-то мелькает в выражении ее лица, возможно, боль, и на мгновение мне думается, в порядке ли сама Вайолет. Но потом она пожимает плечами и выходит из комнаты, захлопывая за собой дверь. Шумно выдохнув, ложусь обратно на кровать. Потребность засунуть пальцы в горло, чтобы избавиться от тяжелого, противного ощущения в животе, душит меня. Черт. Мне нужна терапия. Не вставая, я тянусь за телефоном, набираю номер своего психолога, так же известного под именем Сет, и моего лучшего друга во всем мире.

— Я люблю тебя до смерти, Келли, — отвечает он после третьего гудка. — Но мне вот-вот повезет, поэтому тебе лучше звонить по важному поводу.

Сморщив нос, чувствую, как вспыхивают мои щеки.

— Ничего срочного... Просто хотела узнать, чем занимаешься. Но если ты занят, не буду тебя отвлекать.

Сет вздыхает.

— Извини, это прозвучало резче, чем я планировал. Если я тебе нужен, мы можем поговорить. Тебе известно, что ты для меня важнее всего.

— Ты с Грейсоном?

— Конечно, — отвечает он шутливым тоном. — Я же не какая-то неразборчивая шлюха.

Смех срывается с моих губ, и я удивляюсь, насколько лучше себя чувствую, лишь поговорив с ним.

— Честное слово, я в порядке. Мне просто скучно и я искала повод отвлечься от учебника по английскому, — скинув книгу с кровати, переворачиваюсь на живот, приподнимаясь на локтях. — Я тебя отпускаю.

— Ты уверена, точно-точно?

— Уверена на все сто. Теперь иди и повеселись.

— Ох, поверь, именно это я и собираюсь сделать, — отвечает Сет, и я смеюсь, но живот пронзает от боли. Я уже собираюсь сбросить вызов, когда он добавляет: — Келли, если хочешь с кем-нибудь пообщаться, можешь позвонить Люку... Вы оба сейчас переживаете одно и то же. В смысле, вы скучаете по Кайдену, не понимая, что на самом деле произошло.

Я прикусываю ноготь. Мы с Люком уже не раз вместе проводили время, но мне по-прежнему некомфортно оставаться с парнями наедине, если не считать Сета. К тому же, между нами все как-то странно, потому что мы с ним официально не говорили о том, что случилось дома у Кайдена. Эта проблема, словно белый слон в комнате, на которого никто не обращает внимания, огромный, печальный, убитый горем слон.

— Я подумаю.

— Хорошо. Если надумаешь, обязательно спроси у него о вчерашней лекции профессора МакГеллона.

— Почему? Что случилось?

Сет озорно хихикает.

— Просто спроси.

— Ладно... — отвечаю я, неуверенная, что хочу выяснить, о чем он. Если случившееся кажется ему забавным, значит, рассказ может меня смутить. — Приятного вам с Грейсоном вечера.

— Тебе тоже, малышка, — говорит Сет, и кладет трубку.

Я нажимаю кнопку сброса, затем листаю список контактов, пока не добираюсь до номера Люка. Мой палец нависает над кнопкой вызова целую вечность, но в итоге трусость меня одолевает, и я бросаю телефон на кровать. Поднявшись, надеваю свои Конверсы – те самые, заляпанные зеленой краской – потому что они напоминают мне о счастливом моменте моей жизни. Застегнув куртку, кладу телефон в карман, подхватываю ключи и дневник, прежде чем выйти из комнаты.

На улице холоднее, чем в морозилке, но я бесцельно бреду по пустому кампусу, после чего наконец-то усаживаюсь на одну из обледенелых скамеек. Идет снег, но ветви дерева образуют навес у меня над головой. Я открываю дневник, натягиваю воротник куртки себе на нос, и начинаю записывать свои мысли, изливая сердце и душу на пустые страницы, потому что это помогает не хуже терапии.

Я отлично помню свое шестнадцатилетие. Воспоминания о нем спрятаны у меня в голове на случай, если понадобятся, но я не часто к ним возвращаюсь. В тот день я научилась водить машину. Мама всегда реагировала странно, не позволяя нам с братом сесть за руль, пока не повзрослеем достаточно. Она говорила, это чтобы защитить нас от самих себя и от других водителей. Помню, я не понимала ее желания нас защитить, потому что вокруг так много вещей – колоссальных, способных изменить жизнь – от которых она не в состоянии нас уберечь. Например, от того, что мой брат курил травку, начиная с четырнадцати лет. Или от того, что Калев изнасиловал меня в моей же собственной комнате, когда мне исполнилось двенадцать. В глубине души я знала, это не ее вина, но одна мысль все равно постоянно приходила на ум: «Почему она меня не защитила?».

Итак, в шестнадцать я наконец-таки впервые села на место водителя. Мне было жутко страшно, ладони потели так, что я с трудом могла удержать руль. Мой папа водил очень высокий пикап, в котором мне едва было видно дорогу за приборной панелью.

— А мы не можем поехать на маминой машине, пожалуйста? — спросила я у отца, поворачивая ключ зажигания.

Он пристегнул ремень и покачал головой.

— Лучше всего научиться ездить на большой машине, тогда водить любую другую будет раз плюнуть.

Я тоже пристегнулась и вытерла пот с ладоней о джинсы.

— Да, но мне практически ничего не видно из-за руля.

Папа улыбнулся, хлопав меня по плечу.

— Келли, я знаю, что водить страшно, как и жить. Но ты без сомнений способна с этим справиться, иначе я бы тебе не позволил сесть за руль.

Тогда я чуть не сорвалась и не рассказала ему, что случилось в мой двенадцатый день рождения. Чуть не рассказала, что я не могла справиться. Не могла справиться ни с чем. Но мной овладел страх, и я нажала педаль газа, направив машину вперед.

В конечном итоге я сбила соседский почтовый ящик, доказав неправоту своего отца. Мне запретили садиться за руль на следующие несколько месяцев, чему я была рада. Потому что водить машину – значит повзрослеть, а мне не хотелось взрослеть. Я хотела быть ребенком. Я хотела, чтобы мне было двенадцать лет, чтобы впереди меня ждали радости жизни, мальчишки, поцелуи, влюбленность.

— Черт, ну и холод.

Я резко поднимаю голову, услышав голос Люка, и быстро захопываю дневник. Он стоит недалеко от меня, засунув руки в карманы джинсов и натянув на голову капюшон своей темно-синей куртки.

— Что ты тут делаешь? — спрашиваю я, просовывая ручку в спираль дневника.

Люк пожимает плечами, потом садится рядом со мной, вытянув ноги перед собой и скрестив лодыжки.

— Я получил неожиданный звонок от Сета, он сказал, что я должен прийти сюда и проверить, как ты. Что тебя надо развеселить.

Мой взгляд скользит по кампусу.

— Иногда мне кажется, что у него по всей территории расставлены шпионские камеры. Такое ощущение, что он в курсе всего происходящего, знаешь.

Люк согласно кивает.

— Похоже на то.

Я тоже киваю, после чего между нами опускается тишина. Снежинки падают на землю, дыхание кружит паром перед нашими лицами. Мне интересно, почему он на самом деле пришел? Сет сказал ему, что за мной надо присмотреть?

— Хочешь сходить куда-нибудь? — Люк разводит ноги и садится прямее. — Не знаю, как тебе, а мне бы не помешало отвлечься от этого места.

— Да, — я ни секунды не колеблюсь, что меня удивляет. Значит ли это, что я начинаю справляться со своими проблемами в плане доверия?

Он искренне улыбается, но в его взгляде заметна некая интенсивность, которая, похоже, всегда тут присутствует. Раньше меня это пугало, но теперь я знаю – Люк просто такой, какой есть. К тому же, мне кажется, он за ней что-то скрывает – возможно, страх, одиночество или жизненную боль.

Я засовываю дневник под руку, и мы поднимаемся на ноги, после чего бредем по кампусу в неизвестном направлении, но, наверно, это нормально на данный момент. Я узнаю, куда направляюсь, когда туда доберусь.

Глава 2.

#22 Принять решение, что пугает тебя

Кайден

Каждый раз, закрывая глаза, всё, что я вижу – это Келли. Келли. Келли. Келли. И практически ощущаю мягкость ее волос и кожи, вкус, запах ее шампуня. Я с кучаю по ней так сильно, что порой не могу даже вздохнуть. Если бы у меня была возможность спать вечно, то я бы держался лишь за одну вещь, которая делает меня счастливым. Но, в конечном счете, мне приходится открыть глаза и посмотреть в лицо реальности, которую я сам создал для себя.

Мучения.

Боль.

Это все, что осталось в моей жизни.

Наверное, я не заслуживаю того, чтобы думать о Келли, не после того, что я натворил и не после того, как она нашла меня... таким. Теперь она знает мой секрет, самый темный, что я скрывал внутри себя еще с детства и который является слишком большой частью меня. И самое плохое заключается в том, что она не услышала правды от меня. Она узнала ее от моей матери.

Хотя, оно и к лучшему. Келли может продолжать жить своей жизнью и стать счастливой, не успев погрязнуть в моих проблемах. А я останусь здесь, с закрытыми глазами, и буду удерживать ее в памяти так долго, как только смогу, потому что это именно то, что заставляет меня дышать.

~ ~ ~

Я никогда не боялся смерти. Отец начал выбивать из меня дерьмо еще в детстве, и скорая смерть всегда казалась неизбежным фактором. Потом Келли вошла в мою жизнь, и мое смирение с ранней смертью было сломлено. Теперь мне страшно умирать, и понял я это после того как порезал руки. Помню, как смотрел на капли крови, падающие на пол, а затем пялился на окровавленный нож в руке. Все сомнения и страх накатили на меня, и я пожалел об этом. Но все уже было сделано. Заваливаясь на пол, всё, что я мог видеть – печальное лицо Келли, после того, как она услышит новости о том, что я мертв. Там не будет никого, чтобы защитить ее от мира, если я уйду. Она нуждается в защите, и заслужила ее больше, чем кто-либо. А я просто гребанный мудака, который не может дать ей даже этого.

Примерно через две недели после происшествия меня направляют в клинику Бреймена, которая не на много лучше больницы. Она расположена на окраине города, недалеко от мусорной свалки и старого трейлерного парка. Скучная комната, с гладкими белыми стенами без каких-либо украшений, на полу потемневший линолеум. Воздух здесь не такой простерилизованный, как в больнице, и вонь со свалки иногда проникает в мою комнату. Хоть здесь и не так много людей, которые хотят убить себя, они все равно любят говорить об этом. Я пробыл здесь уже несколько дней, и не уверен, когда буду готов поговорить об этом. И вообще не уверен во многих вещах.

Я лежу в постели, на которой провожу большую часть времени, и смотрю в окно, гадая, чем Келли занимается прямо сейчас. Надеюсь чем-нибудь веселым, тем, что делает ее счастливой и заставляет улыбаться.

Вот-вот наступит время моего осмотра, поэтому я медленно сажусь на кровати, кладя руку на то место, где меня залатали. Нож чудесным образом не задел жизненно важные органы, поэтому травма была не такой серьезной. Мне повезло. Именно это все кругом твердят мне. Еще повезло, что я не порезал крупные артерии на запястье. Повезло. Повезло. Повезло. Это слово кружит по кругу, когда все пытаются напомнить мне, как

драгоценна жизнь. Я не верю в удачу, и к тому же не уверен, что считаю выживание везением.

Несколько раз, что я был в больнице, думал о том, чтобы рассказать кому-то, что произошло на самом деле, но я был так накачан болеутоляющими и никак не мог разобраться в своих мыслях. Когда же туман в моей голове рассеялся, то смог взглянуть на ситуацию в целом. Я только что отпинал задницу Калеба, меня считают неуравновешенным, а шрамы на теле вызвали подозрение о самоувечивании. Я пойду против отца и проиграю, как это было всегда. Нет смысла рассказывать кому-то о том, что случилось на самом деле. Люди видят только то, что хотят.

Медсестра входит в комнату с моей картой, на ее лице играет радостная улыбка. Она довольно взрослая, со светлыми волосами и темными корнями, и у нее постоянно отпечатывается красная помада на зубах.

— Как у тебя дела сегодня, милый? — спрашивает она громко, словно я ребенок. Этот же тон врачи используют на мне, потому что я – подросток, что вскрыл вены, а после пырнул себя кухонным ножом.

— Нормально, — отвечаю ей и беру маленькие белые таблетки, что она мне дает. Не знаю, зачем они нужны, но думаю что это какое-то успокоительное, потом что каждый раз, когда я проглатываю их, то словно выпадаю из сознания. И все замечательно. Боль притупляется, а это все, что я когда-либо хотел.

Через десять минут, после принятых таблеток, сонливость берет верх, и я укладываюсь на кровать. Я почти засыпаю, когда знакомый запах дорогих духов опалает мои ноздри. Держу глаза закрытыми. Не хочу разговаривать с ней и притворяться, что все хорошо, и что отец не бил меня. Не хочу делать вид, будто она ни о чем не знает и беспокоится обо мне.

— Кайдэн, ты не спишь? — спрашивает она спокойным тоном, который означает, что она под чем-то. Она грубо пихает мою руку, оцарапывая ее ногтями. Я крепче зажмуриваю глаза, скрещивая руки и желая, чтобы она сильнее прошлась по моей коже и срезала ее, стерев все, что я чувствую.

— Кайдэн Оуэнс. — Ее голос так резок, словно когтями провели по классной доске. — Послушай, знаю, что ты не хочешь это слышать, но пора бы уже разобраться со своими проблемами. Вставай, начни питаться лучше, и докажи докторам, что с тобой все в порядке и можно вернуться домой.

Я не отвечаю и не открываю глаз. Просто слушаю стук своего сердца. Тук, тук. Тук, тук.

Ее дыхание ускоряется.

— Кайдэн Оуэнс, я не позволю тебе разрушить репутацию семьи. А теперь исправь все. — Она хватает одеяло и швыряет его подальше от меня. — Встань, сходи на терапию, и докажи, что не опасен для себя.

Мои веки постепенно открываются, и я поворачиваю голову в ее сторону.

— А как же отец? Он тоже не опасен для меня?

Она выглядит дерьмово: темные круги под глазами, и куча косметики на лице – попытка скрыть все это. Она по-прежнему при параде: причудливое красное платье, драгоценности и шуба – весь этот роскошный прикид для того, чтобы замаскировать все уродство в ее жизни.

— Твой отец не сделал ничего плохого. Он просто был расстроен из-за того, что ты сделал.

— Ты имеешь в виду выбивание дерьма из Калеба, — уточняю я, кладя руки на кровать, отталкиваясь вверх и прислоняясь к спинке кровати.

Ее взгляд становится холодным.

— Да, именно так. Драка — это не приемлемо. Тебе повезло, что Калек в порядке. Хотя он все еще решает, выдвигать ли против тебя обвинения. Отец пытается договориться с ним.

— Что? — такое чувство, словно тысяча острых, как бритва, иголок прокалывают мою кожу. — Почему?

— Потому что мы не собираемся позволять тебе спускать репутацию семьи в канализацию из-за твоей никчемной жизни. И постараемся уладить все, как можно тише.

— Так вы подкупите его деньгами, — произношу я сквозь зубы. Ебать. Я хочу ударить что-нибудь, двинуть кулаком в металлическую стену, разбить костяшки пальцев, и смотреть на то, как они кровоточат. Не хочу, чтобы отец разбирался с этим. Не хочу быть чем-то ему обязанным. Он будет трясти этим над моей головой всю оставшуюся жизнь. Твою мать. Все слишком запутанно.

— Да, деньгами, — она открывает сумочку и вытаскивает косметичку. — С трудом заработанными деньгами твоего отца, которому ты должен быть очень благодарен.

— Пускай Калек выдвигает обвинения. — Меня правда это больше не заботит. Почти каждая частица во мне умерла, а то что еще живо, лишь жаждет очередного надреза. — Мне плевать. Так будет лучше, нежели позволить отцу заплатить ему.

Она смотрит в зеркало, поджав губы, а затем закрывает косметичку.

— Ты такой неблагодарный. — Она направляется к двери, впиваясь каблуками в грязный линолеум. — Ты самый вредный ребенок в мире. Даже твои братья не создавали мне таких проблем.

Потому что они не спасались от бури и ушли еще до появления торнадо.

— Я не ребенок. — Поворачиваюсь на бок и закрываю глаза. — Я вообще никогда не был ребенком.

Стук ее каблуков прекращается. Она ждет, рассчитывая на то, что я продолжу говорить или сама хочет что-то сказать, но затем стук возобновляется и вскоре она выходит в коридор. Я позволяю действию таблеток охватить меня и затянуть в темноту. Последнее что вижу, прежде чем отключиться это самая красивая голубоглазая шатенка, которую я когда-либо видел. Единственная девушка, завладевшая моим сердцем, и я из последних сил держусь за ее образ. Иначе, я наверное, просто потерял бы желание дышать.

Келли

— У меня вопрос, — говорю я Люку. Мы стоим перед входом на маленький каток, собираясь покататься на коньках, причем никто из нас не делал этого прежде (об этом мы признались друг другу в машине, когда ехали сюда). Каток не слишком заполнен, есть несколько пар, катающихся на льду и держащихся за руки, а в центре девушка, учащаяся катанию. — Что случилось на паре профессора МакГеллона?

Люк качает головой, проводя рукой по своим коротким каштановым волосам.

— Разве Сет еще не рассказал тебе?

Я наклоняюсь, чтобы затянуть шнурки на коньке.

— Он сказала по телефону, чтобы я спросила у тебя.

Он закатывает глаза, пока я поднимаюсь.

— Ты действительно хочешь это знать?

Я колеблюсь из-за предостережения в его голосе, но решаюсь побыть немного сорвиголовой и киваю.

— Да. Наверное.

— Меня поймали занимающимся... кое-чем в кабинете. — Он решается выйти на каток, и наступает на кончик конька так, что лезвие режет лед. — С девушкой.

Черт бы побрал Сета и его потребность вытолкнуть меня из зоны комфорта. Я краснею, но делаю вид будто это из-за холода, подкрепляя это дрожью.

— Это был профессор?

Он идет вперед, с дрожащими коленями, и медленно движется в середину катка, где вращается девушка с руками над головой.

— Нет, Сет.

Я, держась за стену, выхожу на лед, и решаю сменить тему прежде, чем мои щеки воспламенятся.

— Значит, вот люди занимаются, чтобы взбодриться? — Расставив руки в сторону, чтобы сохранить равновесие, двигаю ногами по катку.

Люк разводит руками в сторону, и сгибает колени, пока катится на коньках как-то зигзагообразно.

— Так я слышал, — отвечает он и двигается к стене, при этом спотыкаясь.

— От кого? — цепляюсь за бортик для поддержки, а колени начинают дрожать, и я остаюсь там на некоторое время, чтобы позволить бедным людям позади меня кататься.

Он ухмыляется, когда его ноги разъезжаются на льду.

— От цыпочки, что я подцепил прошлой ночью. Она настаивала на том, что мы просто обязаны покататься на коньках.

Я делаю глубокий вдох и сопротивляюсь румянцу, расплзающемуся по щекам.

— Тогда почему ты не привез ее сюда?

Он посмеивается.

— И что бы в том было веселого? Мне нравится тусоваться с тобой, Келли. Это расслабляет.

Он двигает ногами по льду и пытается катиться назад, но спотыкается и врезается спиной в стену. Он вскидывает руку и хватается за пластмассовый бортик.

— Ты в порядке? — я сдерживаю смех, пока он таращится на меня широко открытыми глазами.

— Думаешь это смешно? — Он подгибает ноги, а после, с явно нарушенной координацией катится ко мне, размахивая руками.

Я душу смех внутри себя, двигая ногами взад и вперед, чтобы уйти от него.

— Мне казалось, что футболисты должны быть более скоординированы.

Его губы искривляются в улыбке, и он подмигивает мне.

— На траве, Келли. Футболисты не проводят кучу времени на льду.

— Как насчет балетной студии, — дразню его. — Я слышала, что вы, ребята иногда любите покружиться на носочках (я делаю воздушные кавычки и улыбаюсь) в "спортивных целях".

Он качает головой, сдерживая усмешку.

— Знаешь, Кайден прав на счет тебя. Ты можешь быть дерзкой, когда хочешь.

Мое сердце падает куда-то вниз и выражение лица Люка меняется. Мы стоим, не двигаясь, а мои мысли уплывают к Кайдену.

Я ковыляю к воротам, чтобы сесть на скамью.

— Думаю, мне нужен перерыв. Я не очень хороша в этом, — говорю я, меняя тему.

— Я тоже. — Люк катится к выходу, и лезвия его коньков скрипят напротив резинового порога, когда он следует за мной. Он садится рядом и вытягивает ноги перед собой.

Какое-то время мы сидим в замешательстве, наблюдая за другими, как они смеются, улыбаются, веселятся. Похоже, они отлично проводят время, и я завидую им. Мне тоже хочется веселиться, вместе с Кайденом. Я хочу, чтобы он был здесь, со мной.

— Ты слышала что-нибудь от него? — Невзначай спрашивает Люк, глядя на каток.

Смотрю на него, морща лоб.

— От кого? От Кайдена?

Он кивает головой один раз, не смотря на меня.

— Да.

Я выдыхаю, и перед лицом образует облако серого дымка. Хоть каток и крытый, тут все равно холодно так же, как и снаружи. На мне куртка и перчатки, на голове шапка, и все равно я продрогла до костей. Или, возможно, этот холод из-за поднятой темы.

— Нет, — бормочу я, зацепившись взглядом за молодую пару, катающуюся рука об руку. Они выглядят счастливыми, и если смотреть довольно долго, я могу представить вместо их лиц наши с Кайденом. — Я ничего не слышала, кроме последней сплетни от моей мамы.

Люк предчувствуя неладное, тянется к шнурку на одном из коньков.

— И что там за последняя сплетня?

Я сглатываю большущий комок в горле.

— Что Кайден в клинике под наблюдением.

Он поднимает голову и смотрит на меня.

— Потому что они думают, что он сам сделал это с собой? — В его голосе намек. Он знает тоже, что и я: отец Кайдена злобный монстр, который чуть не зарезал собственного сына.

Я пыталась поговорить с мамой об этом, но она сказала, что это не наше дело. Она рассержена на Оуэнсов, потому что Кайден избил Калеба. Я должна была рассказать ей почему... я хотела, но иногда одного желания недостаточно.

Как-то я все-таки набралась смелости рассказать ей обо всем, это случилось сразу после того, как мать Кайдена рассказала мне, что он сам себя порезал. Мама сидела на кухне, ела хлопья и читала газету.

— Мам, я должна рассказать тебе кое-что, — сказала я, дрожа с головы до пят. Я только пришла с улицы, поэтому сделала вид будто это из-за холода, но на самом деле это были нервы.

Она оторвалась от хлопьев, положив ложку в чашку.

— Если речь идет о Кайдене, то я уже знаю.

Я села за стол напротив нее.

— Знаю, что ты скорее всего слышала, но не думаю что он сам сделал это с собой.

Она взволнованно размешивала хлопья ложкой, а вокруг ее глаз появились морщинки.

— Что ты имеешь в виду, Келли?

— Я о том... Я о том что случилось с Кайденом. — Я сложила руки на стол и сжала их в кулаки. — И почему он в больнице.

Морщинки вокруг ее глаз исчезли из-за того что она начала хмуриться.

— Меня это не волнует. Я имела в виду то, что он сделал с Каледом.

Мое сердце сжалось при звуке имени Калеба, и мне захотелось накричать на нее за эти слова.

— Это была не его вина.

Она покачала головой и встала, прихватив с собой чашку.

— Послушай, я знаю, ты заботишься о нем, Келли, но очевидно, что он довольно вспыльчив. — Она подошла к раковине и поставила туда тарелку. — Тебе нужно держаться от него подальше.

Я встала из-за стола, при этом мои колени дрожали.

— Нет.

Она развернулась, и холод в ее глазах напомнил мне, почему я не могу поделиться с ней многими вещами, ведь у нее всегда и на все собственная точка зрения.

— Келли Лоуренс, перестань разговаривать со мной в таком тоне.

Я покачала головой, попятившись к двери.

— Я буду разговаривать с тобой так, если ты будешь не права.

Она потрясенно округлила глаза. Я еще никогда не разговаривала с ней таким образом.

— Да что с тобой? Это потому что ты слишком много времени проводила с Кайденом? Держу пари, что это именно так.

— Несколько недель назад ты была так счастлива из-за того что мы вместе, — сказала я, вцепившись в ручку двери.

— Потому раньше я не знала, на что он был способен, — ответила она. — Я не хочу, чтобы ты встречалась с ним. И кроме того, ты должна быть на стороне Калеба во всей этой ситуации. Он был частью нашей семьи намного дольше.

Раскаленная волна гнева разлилась от кончиков пальцев прямоком к моим губам.

— Ты даже не знаешь всей истории! И не потрудились узнать! — Не уверена что именно я имела в виду, но, так и не удосужившись разобраться, раскрыла заднюю дверь и выбежала на улицу под снег.

Она не пошла за мной, да это и не удивительно. Я никогда не ожидала чего-то большего от нее.

— Земля вызывает Келли. — Люк машет рукой перед моим лицом, и я вздрагиваю. — Ты слышала, что я спросил? Про Кайдена?

— Да. — Сжимаю губы и начинаю расшнуровывать коньки. — Все говорят, что он сам себя порезал.

Просунув руку в зазор между лезвием и ботинком, Люк снимает конек, отшвыривает его в сторону и разминает пальцы на ногах.

— Ты не веришь в это, да?

Часть меня верит, всякий раз, вспоминаю ту ночь, когда у нас с Кайденом был секс, на его руках были свежие раны. Я не задумывалась о них в то время, но он мог и сам их себе нанести. Но я не верю, что он сам пырнул себя ножом.

— Думаю, что это скорее всего был его отец. — Сказав это в слух, чувствую перемены, как все это вдруг становится реальным. Я задерживаю дыхание, не только от мысли, что отец Кайдена ударил его ножом, но и о того, что Кайден ничего не сказал в свое оправдание, и больно даже представить, что может означать его молчание. Я слишком хорошо знаю боль, которая вызывает такое затишье.

Люк стягивает второй конек, а после откидывается на спину и складывает руки на груди.

— Знаешь, помню, когда мы были детьми, Кайден ночевал у меня дома все время. Я всегда думал, что это странно, потому что он хотел быть у меня, а не у себя. Мой дом был чертовой дырой, с сумасшедшей мамашей внутри. Я ничего не понимал, пока в первый раз не остался у него.

Мне интересно, почему он считает свою мать сумасшедшей, но напряженность в его скулах, говорить о том, что не стоит этого делать.

— Что случилось?

Он стягивает перчатки и кладет их в карман куртки. Жестокость в его светло-карих глазах навевает серьезность того, что он хочет рассказать.

— Я разбил чашку. Не специально, но, тем не менее, гребаня чашка была сломана, а это все что имело значение. Я помню, когда это произошло, Кайден чуть с ума не сошел. Нам было по десять, и я ничего не понимал. Это была просто чертова чашка, правильно? — Он громко вздыхает, и его руки пробивает мелкая дрожь. — Так или иначе Кайден был в панике и кричал мне, чтобы тащил метлу из чулана. Я начал искать ее везде, и наконец, нашел ее в шкафу в коридоре. В тот момент я услышал крики, доносящиеся с кухни. — Он замолкает, и тяжело сглатывает.

Я осознаю, что мои руки тоже дрожат, а сердце отбивает барабанную дробь в груди.

— Что произошло? Когда ты вернулся на кухню?

Он смотрит в другую сторону катка.

— Кайден лежал на полу, а его отец стоял над ним с согнутым коленом, словно собирался ударить его. Руки Кайдена были все в крови, потому что он полз по осколкам, пытаюсь собрать их. У него был большой порез на лице, а в руке у его отца был здоровенный осколок. — Он притих. — Кайден отрицал, что отец ничего с ним не сделал, но я могу сложить два и два.

Я часто дышу через нос, пытаюсь сдержать слезы.

— Он когда-нибудь рассказывал, что случилось на самом деле?

— О том дне? — Он качает головой. — Но однажды, когда я был там снова, у него завязалась ссора с отцом, и тот ударил его прямо передо мной, так что после этого, можно сказать, кота вынули из мешка.

Я вынимаю ногу из конька, прикрыв глаза, и позволяю легким наполниться морозным воздухом.

— Ты когда-нибудь чувствовал себя виноватым из-за того что не рассказал никому об этом?

Он молчит на протяжении долгого времени, и когда я открываю глаза, вижу, что он наблюдает за мной.

— Все это гребанное время, — отвечает он с пылающими глазами.

Наступает момент, когда нас с Люком объединяет тонкая нить связи, но после она истончается. И когда связь проходит, Люк поднимается на ноги, подбирает свои коньки и направляется к шкафчику, где лежит обувь. Я следую за ним, захватывая свои коньки. Мы обуваемся и идем к его грузовику, не говоря ни слова и позволяя чувству вины захлестывать нас. Он заводит свой старенький грузовик, и колеблется, прежде чем переключить коробку передач.

— Может нам стоит навестить его, — и переключает рычаг передач вперед. Он поворачивает руль вправо и включает обогреватель, прежде чем надавить на газ и выехать с парковки. — У меня остался только один предмет перед Рождественскими каникулами, но я могу забить на него. Я уже со всем разобрался.

— Но к нему не пускают никого, кроме семьи, — напоминаю я, и, сгибая руку, достаю ремень безопасности позади себя. — По крайней мере, об этом сказала моя мама вчера, когда я звонила ей. Мама сказала ей, что к нему никого не пускают кроме нее и что он не может даже поговорить по телефону.

Его пристальный взгляд скользит по мне, когда он останавливает грузовик на выезде и смотрит по сторонам на пустой улице.

— И ты поверила ей?

Я вытягиваю ремень безопасности, пристегивая его, и пожимаю плечами.

— Не знаю. У Мамаи Оуэнс куча заморочек, но зачем ей лгать на счет этого?

— Чтобы скрыть правду. — Грузовик замедляет скорость, выезжая на главную дорогу, скользкую из-за снега. Уже поздно, небо серое, но фонари вдоль улицы освещают хлопья, падающие сверху.

Я собираюсь сказать ему: "да, выезжай на шоссе и мчи прямо в Афтон". Все равно планировала вернуться туда через несколько дней, но тут мой телефон начинает играть "Hate Me" Blue October.

Я хмурюсь.

— Это мама. — Вытаскиваю телефон из кармана и таращусь на мерцающий экран. На мгновение задумываюсь о том, чтобы позволить ей попасть на голосовую почту, где она могла бы разглагольствовать о том, как же это неправильно, что Кайден избил Калеба. Но открывая ей дверь для монолога, как в Рождественское утро, я не хочу выслушивать весь ее бред в надежде узнать что-нибудь важное.

Нажимаю кнопку "ответит" и прикладываю телефон к уху.

— Привет.

— Привет, милая, — распевает она, и мое выражение лица моментально сникает. — Как дела?

— Нормально. — Я игнорирую любопытный взгляд Люка и смотрю на дорогу.

— А звучит совсем не нормально, — отвечает она, а затем вздыхает. — Келли, ты ведь не собираешься возвращаться к своему депрессивному состоянию? Я думала, что колледж помог тебе.

— У меня никогда не было депрессии, — отчеканиваю я. — Просто я была тихоней.

Она преувеличенно вздыхает, и я стискиваю зубы.

— Послушай, дорогая, я просто хотела сообщить, что Калеб, скорее всего будет выдвигать обвинения против Кайдена, за то что он сделал.

— Что?! — вскрикиваю я, напугав Люка так, что тот подскакивает на месте и случайно виляет рулем грузовика в сторону. Он быстро выравнивает машину, и я понижаю свой голос, прижимаясь к двери и затыкая ухо пальцем, чтобы лучше слышать. — Что, черт возьми, ты имеешь в виду под "выдвигает обвинения"?

— Келли Лоуренс, ты не будешь использовать такую речь при разговоре со мной, юная леди, — предупреждает она. — Ты знаешь, как я не люблю слово на букву Ч.

— Извини, — прошу прощение я, — Но почему Калеб предъявляет обвинения? Они оба дрались.

— Нет, Кайден ударил Калеба без причины, — отвечает она. — Калеб просто защищался.

— Нет, Кайден ударил Калеба не без причины. Он побил его из-за меня. — Слова выскальзывают, как ядовитые пары, и я заикаюсь на каждом слогe.

Она долгое время не отвечает.

— Келли, что значит «Кайден ударил Калеба из-за тебя»? Почему он это сделал?

Мои плечи поникают от нахлынувших на мое тело стыда и грязи, и я вспоминаю об ее ограниченной способности воспринимать многие вещи.

— Ерунда. Я просто расстроена и несу всякую чушь. Это ничего не значит.

Она снова замолкает, и я задаюсь вопросом: "хотя бы на долю секунды она задумалась над моими словами на более глубоком уровне?"

— Келли, ты ничего не хочешь мне рассказать?

Когда я делаю вздох, это кажется таким оглушительным и могу поклясться, что это услышал весь мир, что они все знают мой секрет.

— Нет, мам.

— Ладно, — ее голос кажется разочарованным, словно я собиралась открыть ей тайну, закрытую в ящике внутри меня. Но только у Кайдена есть ключ к нему. — Ну, я

просто хотела, чтобы ты знала, если в случае чего это выплывет наружу. Знаю, что его лучший друг учиться там с тобой вместе, и не хочу чтобы ты слушала его бредни.

Я качаю головой.

— Хорошо.

— Поговорим позже.

— Ладно, пока.

Мы отключаемся, и я сжимаю телефон в руки, словно пытаюсь выжать из него всю душу. Мои ладони начинаю потеть, и я не могу перестать думать о Кайдене. Он сделал это для меня. Он сделал из-за меня. Мне нужно спасти его.

— Думаю нам стоит поехать в Афгон.

Когда Люк смотрит на меня, на лбу пролегаю морщины, а руки крепко цепляются за руль.

— Серьезно?

— Да. — Я приподнимаюсь и засовываю телефон в карман джинсов. — Мама сказала, что Калев собирается выдвигать обвинения против Кайдена.

Он направляет свое внимание на дорогу, поворачивая грузовик на стоянку напротив моего общежития.

— Да ты шутишь?

Я застегиваю пальто и надеваю перчатки.

— Нет, и мне нужно это исправить... как-нибудь. Это все из-за меня.

Он паркует грузовик ближе к входу, кладя руку на рычаг передач и переключая его. Игравшее радио и двигатель отключаются. Интересно, он в курсе, почему Кайдена избил Калеба той ночью, говорил ли он ему об этом?

— Ладно, договорились. — Люк смотрит на общежитие Макинтайр перед нами. Это самая высокая из общаг в Университете Вайоминга, и она кажется одинокой, возвышаясь над остальными. — Ты хочешь поехать сегодня или утром?

Я хватаю ручку двери и тяну за нее.

— Утром. Хочу чтобы Сет тоже поехал, если ты не против.

Он кивает и достает пачку сигарет с приборной панели.

— Будет здорово, пока вы, ребята, не начнете хлюпать носами в этой рухляди. Это кусок дерьма, но машина Сета никогда не доберется до Афгона с таким снегом.

Я открываю дверь.

— Он справится с этим, я уверена. — Двигаюсь ногами к краю сиденья, готовясь спрыгнуть вниз.

— Келли, — зовет меня Люк. — Есть ли какой-нибудь способ исправить это? Остановить Калеба? Ты знаешь, если он предъявит обвинения, Кайдена выгонят из команды. Он, наверное, никогда не сможет играть снова. И возможно его исключат из университета. Ко всему прочему ему, скорее всего, придется сесть в тюрьму или заплатить дохренище бабок, что он не сможет себе позволить без помощи отца. — Он замолкает, размышляя. — Я просто хочу убедиться, что с ним все в порядке... Иногда, люди оказавшиеся на самом дне – сдаются... — Его голос смягчается, словно лист падающий на землю. — Как моя сестра.

Серьезность ситуации сдавливает мою грудь, и я прыгиваю, хватаясь за дверь для поддержки. Я помню, что у Люка была сестра. Он не говорил, как она умерла, но после его слов, мне становится интересно, было ли это самоубийством.

Прижимаю ладонь к ноющему от боли сердцу и разворачиваюсь в сторону кабины.

— Я попробую это исправить. Мне просто нужно выяснить как.

И я уже знаю как. Главный вопрос: "могу ли я это сделать?" Могу ли я, наконец, сказать все вслух, противостоять ему, угрожать и сделать так, чтобы он испугался до чертиков и убежал. Могу ли рассказать все маме, папе и брату? Могу ли довериться им, чтобы они поверили мне и были на моей стороне?

Хватит ли мне сил? И хватит ли мужества?

В конечном итоге мне придется ответить на эти вопросы и принять решение, что пугало меня последние 6 лет, и может, пришла пора разобраться с этим.

Может, пришло время перестать бояться.

Глава 3.

#46 Измениться

Кайден

Я тут уже шесть дней, почти неделю, но кажется, что гораздо дольше. Ланч только закончился, мой индивидуальный сеанс терапии в разгаре, что лучше групповой терапии (там я даже не пытаюсь разговаривать). Сажу у себя в палате на неудобном складном металлическом стуле. Бок чертовски болит, и я постоянно раздираю скрытую под повязкой рану на запястье. На улице пасмурно, гремит гром, то и дело мерцают молнии, освещая комнату серебристыми отблесками.

— Расскажи мне, как ты себя чувствуешь, — говорит доктор.

Он спрашивает об этом каждый чертов раз.

И каждый чертов раз я даю ему один и тот же ответ.

— Нормально, — отвечаю я, раз за разом щелкая резиновым браслетом на запястье. Они дали мне его, чтобы помочь справиться с привычкой себя травмировать, словно ничтожный шлепок в состоянии заменить целую жизнь, полную порезов, ударов, сломанных костей и нестерпимой боли.

Моего психотерапевта зовут доктор Монтегрэй, но он попросил называть его Дугом, потому что, когда используют его профессиональное имя, он чувствует себя старым. Только Дуг действительно старый – далеко за шестьдесят, с редущими седыми волосами и морщинами вокруг глаз.

Он кладет палец на переносицу и поправляет прямоугольной формы очки, читая свои записи обо мне. Могу представить, что там написано: представляет угрозу для самого себя, зол, иррационален, несговорчив, сам себя травмирует. Дуг делает несколько новых заметок, потом смотрит на меня.

— Послушай, Кайден, знаю, иногда очень сложно говорить о своих чувствах, особенно когда внутри у нас скапливается столько ненависти и ярости, но если попробуешь, возможно, тебе это поможет.

Снова дергаю браслет, раскат грома заглушает щелчок. Комната освещается, мой браслет лопается, его фрагменты падают на пол. Я смотрю на них, потирая опухшее

запястье. Оно все еще под повязкой, потому что я сделал слишком глубокий порез. Рана на другой руке уже затягивается, и скоро там останется лишь шрам. Больше шрамов. Порой мне думается, а вдруг со временем я стану одним большим шрамом, без единого живого места на коже.

Дуг достает из кармана своего коричневого твидового пиджака новый браслет, толще прежнего, темно-красного цвета. Я беру его, надеваю на руку и снова начинаю щелкать. Дуг что-то пишет, закрывает блокнот, после чего скрещивает руки и кладет их сверху блокнота.

— Знаешь, чем дольше будешь оставаться в стадии отрицания, тем дольше они будут держать тебя здесь, — он указывает пальцем вокруг себя. — Тебе этого хочется?

Я перестаю теревить браслет, складываю руки и откидываюсь на спинку стула, вытягивая ноги вперед.

— Может быть.

Знаю, что веду себя как заноза в заднице, но понятия не имею, почему. Я чувствую горечь внутри, я недостойн тут находиться. Меня переполняют чувства, может проблема в этом. Сжимаю руки в кулаки и вонзаю ногти в ладони, прижав их к телу с боков, чтобы доктор не увидел.

— Не хочу здесь оставаться, — бормочу я. — Но это чертовски трудно, знаете?

Он наклоняется вперед, заинтересовавшись.

— Что трудно?

Я сам не знаю, куда веду наш разговор.

— Жить.

Пожимаю плечами.

Его седые брови опускаются под оправой очков.

— Чем именно жизнь трудна для тебя, Кайден?

Мужик не понимает, но так даже проще.

— Тем, что все чувствую.

Он выглядит растерянно, откидываясь назад и снимая очки.

— Чувствуешь эмоции? Или боль?

Твою мать. А может, понимает.

— И то, и то. Наверно.

Дождь хлещет в окно. Странно, что сейчас идет дождь, а не снег, к утру на дорогах будет каша.

Дуг протирает линзы очков краем своей рубашки, затем снова натягивает их на нос.

— Ты хоть когда-нибудь позволяешь себе ощущать то, что происходит у тебя внутри?

Я довольно долго обдумываю его слова. Снаружи раздается вой сирен, в коридоре кто-то плачет.

— Не уверен... возможно... не всегда.

— Почему?

Я вспоминаю пинки, удары, крики, и как со временем просто все заглушил, замкнулся в себе и умер изнутри.

— Потому что это слишком.

Простой ответ, но в нем гораздо больше смысла, чем в любых других моих словах. Чертовски странно говорить об этом вслух. Единственным человеком, которому я хоть что-то рассказал, была Келли, и то я смягчил детали ради нее, чтобы не дать ей увидеть, насколько мерзок и безнадежен внутри.

Доктор достает ручку из кармана пиджака, его рука быстро двигается по бумаге, пока он делает очередную запись.

— И что ты делаешь в таком случае?

Просовываю палец под браслет, натягиваю и отпускаю, потом повторяю, только сильнее. Браслет снова лопается, я качаю головой, поймав фрагменты рукой.

— Думаю, вам известно, что я делаю, и поэтому я продолжаю рвать эти проклятые браслеты.

Дуг покусывает колпачок ручки, наблюдая за мной.

— Давай поговорим о той ночи, когда ты завязал драку.

— Я уже тысячу раз рассказывал вам про ту ночь.

— Нет, ты рассказал мне своими словами, что тогда случилось, но не объяснил, что чувствовал, принимая решение. А эмоции всегда играют весомую роль в наших поступках.

— Я не большой поклонник эмоций, — признаюсь, сползая со стула еще ниже.

— Знаю, — уверенно отвечает Дуг. — И хотел бы выяснить, почему.

— Нет, не хотели бы, — говорю я, проводя ногтями по ладони, в попытке угмонить ускоряющийся ритм своего сердца. — Никто не хочет об этом слышать. Поверьте мне.

Он бросает ручку на блокнот, лежащий у него на коленях.

— Почему ты так думаешь?

— Потому что это правда, — я вонзаю ногти в кожу еще глубже, пока не чувствую теплоту и комфорт крови. — Мне девятнадцать лет, что было, то было. Какой смысл меня спасать. Кто я, и что делаю, уже неизменно.

— Я не пытаюсь тебя спасти, — уверяет Дуг. — Я пытаюсь тебя вылечить.

Провожу пальцем по шраму на ладони, который остался после того, как отец порезал меня осколком стекла.

— Что? Вылечить шармы? Я абсолютно уверен, что они никуда не денутся.

Он кладет руку на сердце.

— Я хочу вылечить то, что тут, внутри.

Обычно в подобных ситуациях я сваливаю. Иначе в итоге начну чувствовать то, чего не хочу, а потом мне придется вытеснять эти чувства из тела, чтобы с ними справиться. Но здесь ничего не сделаешь. Они меня и близко не подпускают к острым предметам, особенно к бритвам. Моя челюсть и подбородок заросли щетиной, потому что уже неделю не брился.

— Наш разговор становится слишком откровенным для меня, — говорю я, сжимая края стула, пытаюсь подняться.

Дуг поднимает руку, жестом указывая, чтобы я сел обратно.

— Ладно, нам не обязательно говорить о твоих чувствах, но я хочу, чтобы ты ответил мне на один вопрос.

Смотрю на него безучастно, опускаясь обратно на стул.

— Зависит от того, какой будет вопрос.

Он постукивает ручкой по блокноту, размышляя.

— Почему ты отправился на вечеринку тем вечером

— Вы каждый раз спрашиваете об одном и том же.

— Потому что это важный вопрос.

Я качаю головой, мой пульс учащается, то ли от злости, то ли от страха – сам не знаю.

— Я пошел на ту вечеринку, чтобы избить Калеба Миллера. Вам это известно.

— Да, но почему?

— Что почему? — Я начинаю выходить из себя из-за бессилия и раздраженности, злость разносится по венам у меня под кожей.

— Почему ты его избил?

У него словно пластинку заело, и мне хочется, чтобы он заткнулся к чертям.

Сердце стучит в груди, словно проклятый отбойный молоток, мне нужно что-то острое или шероховатое – что угодно, лишь бы замедлить мой пульс. Я оглядываюсь в панике, ищу хоть что-нибудь, но палата пуста. Я не могу. Твою мать!

— Потому что он кое-кого обидел, — мой голос звучит пронзительно, неровно, отчего я кажусь слабым и жалким.

Дуг подается вперед, садясь на край стула.

— Кого-то, кто тебе дорог?

— Очевидно, — я раздраженно качаю головой. Мое сердце все еще колотится слишком громко, и я едва могу ясно мыслить.

Он приподнимает брови.

— Того, кого ты любишь?

Пульс вновь ускоряется, беспорядочно, нестабильно. Я чувствую, как он бьется под моими ранами и шрамами на теле. Любовь? Люблю ли я Келли? Могу ли?

— Сомневаюсь, что мне вообще известно, что такое любовь.

Дуг выглядит так, будто нарыл золотую жилу, нашел суть того, что скрыто у меня в душе.

— Можешь ответить еще на один вопрос?

Я рассерженно вскидываю руки вверх.

— Черт, делайте, что хотите. Вы и так сегодня в ударе.

— Ты считаешь себя достойным любви? — спрашивает он.

— Я уже сказал вам – не знаю, что такое любовь, — бормочу я, и Дуг ждет, что я предложу больше информации. Чего ему от меня нужно? Чтобы я рассказал, как отец меня избивает? Что моя мама – зомби с пристрастием к наркотикам? Что единственное

признание в любви я получил от Дейзи, и чувствовалось оно дико искусственно и фальшиво?

Он делает несколько отметок, после чего шелкает ручкой, засовывает ее в карман и снова закрывает блокнот.

— Мне кажется, сегодня мы достигли некоего прогресса, — Дуг смотрит на часы и встает, подхватывая свой халат со спинки стула. — Продолжай в том же духе, и, возможно, к тебе начнут пускать посетителей помимо членов семьи.

Я откидываюсь назад, бормоча в ответ.

— Не уверен, что хочу посетителей.

Похоже, он меня не слышит. Дойдя до двери, Дуг просовывает руки в рукава своего халата, поправляет ремень, потом засовывает руку в карман.

— И, Кайден, продолжай пользоваться браслетами, несмотря на то, как часто они рвутся. Мы всегда можем дать тебе новый, — он бросает мне браслет, который я ловлю с легкостью. На секунду я словно возвращаюсь на футбольное поле, бегу, ловлю мяч, свободный от жизни.

Как бы мне хотелось действительно вернуться, исправленным, собранным. Но, в отличие от браслетов, не уверен, что меня можно с такой же легкостью восстановить.

Келли

— Поверить не могу, что в твоей машине нет CD-плеера, — говорит Сет, наклоняясь передо мной, чтобы настроить громкость на стереосистеме. На нем пиджак с закатанными рукавами и узкие джинсы. — Или порта для айпода. Клянусь, мне вспоминаются маллеты, лосины и гофрированные волосы.

— По-моему тебя далековато занесло. — Люк накинул свой капюшон, у него на руке широкий кожаный браслет с надписью "Спасение". Мне интересно, есть ли у этой надписи какое-то особенное значение или, может, Люк верит в спасение? Интересно, верю ли я сама. Он тянется рукой к бардачку, наклоняясь ко мне. — В эру восьмидорожечных кассетных магнитофонов.

Я съеживаюсь от его близости, но потом расслаблюсь, не желая возвращаться в прошлое. Застегиваю куртку, потому что в салоне холодно – парни постоянно открывают окна, чтобы покурить.

Сейчас раннее утро, солнце целует замерзшую землю, на шоссе просто какое-то стихийное бедствие из-за вчерашнего снегопада, поэтому мы едем медленно. Несколько машин застряли в сугробах на разделительной линии между полосами движения, а некоторые люди свернули на обочину, опасаясь вести в таких условиях. Хотя нам с Люком к такому не привыкать. Мы выросли в такой погоде.

Сет шлепает Люка по руке, отталкивая его от бардачка, и тот смотрит на меня, не веря своим глазам, но я лишь смеюсь в ответ.

— Нет, восьмидорожечные магнитофоны все еще были в ходу в восьмидесятые.

— В начале восьмидесятых, — поправляет Люк. — Они потеряли популярность к середине десятилетия.

Я смеюсь, потому что они спорят из-за такой глупости, потому что устала, нервничаю, и в голове творится не пойми что.

— Ребята, вы ругаетесь как старая супружеская пара.

Только сказав это, сразу хочу забрать свои слова обратно, потому что не уверена, как Люк их воспримет.

Когда смотрю на него, кажется, он в полном порядке. Люк пожимает плечами, потом засовывает руку в бардачок и достает оттуда кассету с надписью Let's Get High.

— Ну и что, — говорит он, вставляя кассету в проигрыватель. — Если я парень в отношениях, то все в норме.

Сет закатывает глаза.

— Да ладно, ты точно был бы моей сучкой, и ты сам это знаешь.

Ну, все. Я больше не могу сдерживаться. Мое тело наклоняется вперед, плечи трясутся, пока я смеюсь, прикрывая рот рукой.

— О, Боже, поверить не могу, что ты такое сказал.

— Можешь, — Сет хлопывает меня по спине. — Я был бы не я, если бы не говорил первое, что взбредет в голову.

Он прав. Сет прямолинеен и забавен, и абсолютно точно говорит все, что ему, черт возьми, вздумается. Я люблю его за это. Сажусь прямее, вытирая слезы, после чего быстро целую его в щеку.

— Спасибо, что заставляешь меня улыбаться.

Сет широко улыбается.

— Всегда пожалуйста, милашка.

Люк качает головой, но у него тоже улыбка на лице, поэтому я знаю, что он не обиделся. Он не субъективен, и ко многому относится с пониманием. Я едва не наклоняюсь, чтобы его обнять, но затем понимаю, насколько странно, что мне не становится страшно от подобной мысли. Что это значит? Черт. Что это значит?

Из колонок звучит песня Dexy's Midnight Runners "Come On Eileen".

— Ну, точно восьмидесятые, — говорит Сет, щелкая пальцами и кивая головой в такт. Он проявляет все больше энтузиазма, покачивая бедрами, наклоняясь вперед и назад. — Давай, Келли, тебе ведь хочется потанцевать, я знаю. От этого ты заулыбаешься еще больше.

У меня улыбка до ушей.

— Ни за что.

Люк открывает окно, салон заполняется холодным воздухом. Вспыхивает зажигалка и вокруг разносится запах сигаретного дыма. Сет продолжает танцевать, доставая из кармана толстовки свою пачку. Краем глаза вижу, как Люк покачивает головой, делая затяжку. Он вдыхает глубоко, затем складывает губы и выпускает тонкий поток белого дыма изо рта. Сет всюду раскачивает бедрами, поджигая свою собственную сигарету. Бумага съеживается и чернеет, когда он затягивается. Во время припева машина начинает качаться, потому что оба парня полностью погружаются в музыку. Мои легкие горят от дыма, мурашки бегают по коже от холода. Я проживаю практически каждую деталь этого момента, и решаю получить полный опыт.

— Ох, ладно, какого черта.

Я поднимаю и опускаю плечи в такт песне, а Сет мне улыбается.

— Вот это моя девочка, — говорит он, выдувая облако дыма через сложенные трубочкой губы.

Мы оба начинаем исполнять забавный танец, размахивая руками, Люк смеется, прибавляя громкость. На секунду я преображаю себя в танцора. Когда вновь звучит припев, мы втроем, вдохнув поглубже, начинаем выкрикивать текст во весь голос. Я поднимаю руки над головой и закрываю глаза. Все будет хорошо. Все будет хорошо. С Кайденом все будет хорошо.

Потому что я здесь, танцую, улыбаюсь, сижу между двух парней, и если подобное возможно, тогда возможно все.

Кайден

Я в клинике уже неделю, и сегодняшнее утро должно стать довольно хорошим. Дуг сообщил, что теперь ко мне пускают посетителей помимо семьи, так же я могу делать несколько телефонных звонков в день. Хотя когда он предоставляет мне время для звонка, я в замешательстве, кому позвонить. Мой первый инстинкт – набрать Келли, но я не разговаривал с ней после случившегося, и не уверен, захочет ли она вообще со мной говорить после того, как нашла меня в таком состоянии. От вероятности выяснить, так ли это, мне становится дико страшно. Помимо всего прочего, я стараюсь держать дистанцию, чтобы защитить ее от себя, потому что ей в последнюю очередь нужна моя неуравновешенность и съехавшая крыша.

Я набираю номер Люка и откидываюсь назад на кровати, наблюдая за снегопадом, пока в трубке раздаются гудки.

— Кайден? — отвечает он, сбитый с толку. На заднем плане звучит песня в стиле восьмидесятых, и мне слышен чей-то смех.

— Как дела? — сказав это, понимаю, что вопрос звучит глупо. После протяжной паузы кто-то начинает петь очень громко и мимо нот. — Там Сет с тобой?

— Да, — Люк снова колеблется. — Ты в порядке?

Я дергаю браслет пальцем, он натягивается, потом ударяет по моему запястью, посылая ощущение жжения по руке.

— В каком-то смысле... Почему ты с Сетом?

— Потому что... мы у меня в машине. — Кажется, его одолевают противоречивые чувства. — Вообще-то, мы едем в Афтон, чтобы тебя навестить.

Я шелкаю браслетом по руке еще несколько раз, но тревога, зарождающаяся внутри, от этого не утихает.

— Когда ты говоришь "мы", ты имеешь в виду...

— Я имею в виду Сета, себя и... — он замолкает. — И Келли.

Пение затихает, музыка тоже.

— С кем ты говоришь? — спрашивает Келли.

Когда слышу ее голос, клянусь Богу, у меня останавливается сердце. Я поддеваю браслет и натягиваю его вокруг запястья до предела, перекрывая циркуляцию крови. Смотрю в окно, на слякотную дорогу и сугробы на практически пустынной парковке.

— Эмм... — Люк не может подобрать слова.

— Можешь сказать ей, — говорю я, потому что, раз уж они направляются сюда, мне в скором времени придется встретиться с ней лицом к лицу.

— Это Кайден, — отвечает он, и повисает тишина.

— Ох, — она в замешательстве, и я ее не виню. — Могу я... Могу я поговорить с ним?

— Подожди, — говорит Люк, потом спрашивает у меня. — Хочешь поговорить с Келли?

— Я... — мне так и не удается найти ответ, и это хреново, потому что я до смерти хочу узнать, что чувствую. Мой ответ выдаст правду о моем страхе, и насколько все будет плохо, когда она придет сюда. Но, как всегда, моя мать появляется в нужный момент, воруя все мои возможности.

— Нам надо поговорить, — ее подбородок поднят высоко, словно она лучше всех, кто находится в здании, и на плече она несет спортивную сумку. — Сейчас же.

— Мне пора, — я сбрасываю вызов, понимая, что поступаю словно слабак, уклоняясь от своих чувств. Распутываю браслет и поднимаю ноги на кровать. На мне клетчатые пижамные штаны и старая голубая футболка, вся в дырках. Я ношу их уже пятый день, и они начинают мне надоедать.

Мама бросает сумку у изножья кровати, кладет руки на бедра.

— Тебе нужно усердней работать над тем, чтобы поправиться, и уже выписываться отсюда. Это негативно влияет на образ нашей семьи.

Я осторожно наклоняюсь вперед, потому что от резких движений болит бок.

— И что же ты мне предлагаешь сделать, мама, потому что у докторов противоположное мнение. Они считают, я должен оставаться здесь, чтобы вылечиться.

— Мне до черта, что там думают доктора, — она резко раскрывает молнию на сумке. — Что меня действительно волнует – чтобы ты надел нормальную одежду, заставил всех думать, что тебе лучше, и вернулся домой, где мы сможем начать планировать свои действия на случай, если Калев Миллер подаст в суд.

— Я всегда могу сослаться на психическое расстройство, — мой голос пропитан сарказмом. — Может, они оставят меня тут, а не пошлют в тюрьму.

Лицо моей матери вспыхивает, она закидывает ручки своей сумки выше на плечо.

— По-твоему это смешно? Возможно, мне следует прислать сюда твоего отца, чтобы он тебя вразумил?

Несмотря на все старания, я снова оказываюсь в том месте, где, истекая кровью, лежал на полу на грани смерти, в абсолютной готовности ее принять. Потираю лицо руками, после чего говорю сквозь сжатые зубы:

— Я постараюсь.

Она улыбается, и улыбка кажется неуместной на ее лице, будто моя мать – злодей, готовый воплотить в жизнь свой подлый замысел. Мама целует меня в щеку, я чувствую исходящий от нее запах перегара. Затем она отстраняется и проводит большим пальцем по моей щеке.

— Я тебя помадой испачкала, — она вновь улыбается, убирая руку. — Давай займемся твоим вызволением отсюда.

Похлопав меня по ноге, мама выходит из палаты, оставив дверь открытой. Я слышу, как она говорит что-то одному из докторов, после чего медсестра захлопывает дверь.

Из сумки, полной джинсов, футболок и носков, я достаю футболку с длинными рукавами и натягиваю ее через голову. Затем достаю джинсы, в полной готовности надеть свой полный костюм и отправиться врать миру, как делал на протяжении всей своей жизни.

Глава 4.

#67 Встретиться с кем—то, кого, как тебе казалось, ты потерял

Келли

Мы въезжаем в Афгон уже поздней ночью, когда светит Луна как гигантский шар, а снежная буря, словно завеса перед грузовиком, скрывает ее. Мы бы приехали к ужину, но Сет заставил нас остановиться на обед и повалять дурака в Макдональдсе. Но это было отчасти для того, чтобы отвлечься и отсрочить неизбежное, до тех пор, пока не получили нагоняй от менеджера.

Думаю, мы все избегали чего-то. Но чего именно, я все еще пытаюсь понять. После очень долгой и утомительной дороги, Сет и я прокрадываемся в комнату над гаражом и падаем на кровать, даже не поговорив с мамой. Это место занимает одно из самых ярких воспоминаний в моей голове, когда я только вошла сюда, то чуть не упала, от нахлынувших чувств, вспоминая, как Кайденом прикасался ко мне, целовал и стал часть меня.

— Я в печали, — заявляет Сет, когда мы лежим на кровати лицом к лицу уже в пижамах. Обогреватель тихонько гудит в стороне, и свечение от его ламп освещает ветхие стены. Сет изображает недовольство на лице. — Я с таким нетерпением ждал встречи с твоей мамой.

Я несильно щипаю его за руку.

— Врунишка. Ты так рад, что она спит.

Он хихикает, а затем перекачивается на свою сторону, опершись на локоть.

— Знаю. Мне жаль, что это так, но из того, что ты рассказывала о ней, я понял, что она вряд ли полюбит мою красочную индивидуальность.

Я сажусь на кровати, стягивая резинку с волос, а затем повторно завязываю хвост. Кладу руки на колени и закусываю губу, думая о завтрашнем дне и о встрече с Кайденом.

Сет прикасается к моей нижней губе, и я вздрагиваю, но быстро прихожу в себя.

— О чем задумалась?

— Да ни о чем. — Вздыхаю и укладываюсь на свою сторону. — Мне просто интересно, какого это будет... увидеть его снова.

Он обдумывает ответ, убирая челку с глаз.

— Это будет как тогда, когда я впервые решил поговорить с тобой. Воспринимай Кайдена как пугливого кота. Если скажешь что-то не то, он может испугаться.

— Ты считал меня пугливой кошкой?

— Котенком. — Он улыбается и подмигивает мне. — Казалось, что ты была готова выцарапать мне глаза, когда я обратился к тебе.

Я взбиваю подушку, а после кладу руки под голову.

— Что если я скажу что-то не то, и он расстроится?

Он снимает часы и кладет их на закрытую корзину возле кровати. Затем поворачивается на бок лицом ко мне.

— Не скажешь.

Я приподнимаю ноги и засовываю их под одеяло.

— Почему ты так уверен в этом?

Он улыбается и касается пальцем кончика моего носа.

— Потому что он открылся для тебя в первый раз, а это означает, что ты уже говорила правильные вещи. Все что тебе нужно сделать — это пойти туда завтра и быть самой собой.

— Надеюсь что ты прав. — Выключаю светильник, и в комнате становится темно. Тусклое сияние Луны просачивается через окно. — Я правда надеюсь, что ты прав.

— Я всегда прав, солнышко, — отвечает он, а затем сжимает мою ладонь. — Только не нужно засорять себе мозги этим.

Закрываю глаза и держусь за мысль о том, что завтра я увижу его живым, а не истекающим кровью на полу. Тогда, Может быть, я, наконец, смогу избавиться от ужасных картинок в моей голове.

Кайдэн

Сейчас середина декабря, начало зимних каникул. Если бы я был не здесь, то, уехал бы в колледже, возможно даже с Келли и Люком. Так странно знать, что она сейчас едет в город, возвращается домой, так близко ко мне, и все же, по-прежнему кажется такой далекой, почти недосыгаемой, ведь я застрял здесь, а она там.

Я в тайне собираю резиновые браслеты, у меня их уже пять на запястье. Притворяюсь будто рву их постоянно, чтобы собрать коллекцию. Чем их больше, тем больше, когда я шелкаю ими по внутренней стороне запястья. Мне нужно прийти в себя, потому что моя мать заявила сегодня вечером и проторчала здесь больше часа, пытаюсь договориться с врачами и Дугом, чтобы меня выписали.

Они разговаривали обо мне у двери, словно меня там даже не было. Вообще это больше было похоже на спор, чем на разговор.

— Но мы там все время будем наблюдать за ним. — Моя мать много жестикулирует руками с длинными ногтями. Каждый раз, когда она говорит что-то, то начинает размахивать руками, чуть ли не целясь доктору в глаза.

Дуг поглядывает через свой в желтой обложке блокнот и почитывает свои заметки.

— Послушайте, Миссис Оуэнс, знаю, что вам должно быть трудно, но не думаю, что это будет полезно для Кайдена сейчас. На самом деле, я бы не рекомендовал так поступать.

Моя мать постукивает ногой по полу и скрещивает руки, смотря вниз на Дуга, как на мелкий, бесполезный кусок дерьма.

— Я понимаю чего вы хотите, но мне бы не хотелось получать рекомендации от врача, получившего степень в каком-то захудалом колледже.

— Я получил докторскую степень в Беркли, — говорит он, доставая ручку из кармана.

Она пристально разглядывает его и вздергивает брови.

— Неужели? Тогда почему вы здесь?

Дуг остается спокойным, удерживая блокнот в руке и записывая что-то в нем.

— Я мог бы спросить вас о том же.

Думаю, что полюбил Дуга в тот момент, и улыбаюсь сам себе, щелкая резинками с внутренней стороны запястья, позволяя жжению успокаивать меня. Я сижу в углу комнаты, не в той, где сплю, а в большой — с кучей столов и стульев, расставленных вокруг. Стены из кирпича, потрескавшиеся от старости, но эти лучше, чем те белые скудные в комнате. Некоторые здесь обедают, но я забираю еду в комнату, потому что здесь всегда что-нибудь случается: драки, споры, крики.

Мама тычет ногтем Дуга в грудь.

— Не смейте разбрасываться своими сомнительными намеками.

— Я этого и не делаю, — отвечает Дуг, потирая место на груди, куда тыкала моя мать, и морщась от боли. — Просто кажется, что вам ужасно не терпится забраться отсюда Кайдена, хотя очевидно, что он не стабилен.

Я пялюсь на шрамы на руках и повязки на запястьях. Я постоянно тереблю бинты, именно поэтому раны не заживают. Это гребанная привычка, и я не могу избавиться от нее.

— Он в полном порядке, — настаивает мама, ее язык слегка заплетается и мне интересно замечает ли это врач. — И это мое прошение, ведь это я та, кто заключил договор на его прибытие здесь.

Я встаю, пораженный.

— Ты это сделала? Я думал, что больница направила меня сюда?

Она смотрит на меня с раздражением.

— Я привезла тебя сюда для твоего же блага. Тебе нужно было побыть под наблюдением какое-то время, но теперь... ты здесь уже больше недели, но пришло время двигаться дальше и собраться.

Или держаться подальше от отца.

— Тогда я хочу уехать, — отвечаю я, пересекая комнату. — И я хочу вернуться в колледж, а не домой.

— Ты не можешь, — говорит она сухо. — Сейчас Рождественские каникулы.

— Ладно, тогда, наверное, я хотел бы остаться. — Иду обратно и сажусь на стул. Я наклоняю голову вперед и потираю пальцами виски. — Черт.

Не знаю что делать. Не хочу больше находиться в этой Богом проклятой комнате, но отъезд будет означать встречу с миром, самим собой, отцом и Келли.

— Если Кайдэн хочет остаться, — встречается Дуг. — Тогда пусть остается.

— Я, черт возьми, не заплачу за это, — злобно выдавливаю моя мать. Она лезет в сумочку и достает ключи от машины. — Завтра я первым делом подписываю все документы и он возвращаешься домой, то есть, если вы не хотите вложить свои собственные деньги.

Она сжимает ключи в руках и несется к двери, унося мои надежды с собой. Интересно, почему она поступает так. Почему затолкала меня сюда, а потом вдруг захотела забрать. Скорее все там что-то происходит.

В любом случае я не хочу домой. Если я вернусь, то есть большая вероятность того, что отец закончит, то, что начал.

Дуг вздыхает, кладя ручку обратно в карман и поворачиваясь ко мне.

— Ладно, все прошло не очень хорошо.

— С ней так всегда. — Оттягиваю рукава рубашки и кладу руки на колени. — Бесплезно пытаться спорить с ней о чем-либо. Она всегда выигрывает.

Он берет стул из угла и ставит его перед моим. Он не утруждается снять свой пиджак, а значит, что он, скорее всего, не пробудет здесь долго.

— Она держала вверх в спорах с твоим отцом? — спрашивает он, садясь на стул.

Предупреждающие флажки всплывают в моем сознании. Я знаю что надо делать. Лгать. Лгать. Лгать.

— Что вы имеет в виду? Какие споры?

Дуг кладет одну ногу на другую, и его штанина слегка задирается. Он носит с улыбающимися мордашками.

— У твоих родителей никогда не было разногласий?

Я качаю головой, потому что так оно и есть. Они действительно не делают этого, потому что моя мать пожалуй "такой милый человек".

— Нет, не совсем.

Он хмурится, и я чувствую, что возможно, сказал что-то не то.

— Кайдэн, что на счет твоего отца?

Мои пальцы автоматически сжимаются, и ногти впиваются в кожу.

— Он... он отец. Нормальный отец.

— У вас нормальные отношения? — интересуется он. — Потому что это кажется странный, что он ни разу не навестил тебя.

— Наши отношения в порядке. — Мое горло словно наполняется смолой. — Он просто много работает.

Его рука скользит по бумаге, пока он пишет что-то в своем блокноте, а потом продолжает беседу с предостережением.

— Он когда-нибудь бил кого-нибудь в вашей семье?

Это прекрасная возможность рассказать ему все: о своей жизни, боли и подлости. Но это словно предательство, и я понимаю, что являюсь марионеткой отца. Это как ужасные и запугывающие струны, привязывающие меня к нему.

— Я-я не знаю.

— Ты не знаешь? — В голосе звучит сомнение. — Уверен?

Я киваю и смотрю на пол перед собой. На нем розовое пятно и много трещин.

— Я правда не знаю.

Он изучает меня, а затем вынимает визитку из переднего кармана и протягивает ее мне, зажатую между пальцами.

— Хочу встретиться с тобой в понедельник. Адрес моего офиса на обороте. — Он переворачивает визитку и показывает, где написан его адрес. — Еще тут мой номер телефона. Если тебе когда-нибудь захочется поговорить о чем-нибудь — можешь позвонить мне в любое время.

Я беру карточку, понимая, что согласие на встречу будет означать куда больше, чем обычный визит. Это означает открыть двери, которые я заколотил гвоздями давным-давно с кучей демонов внутри. Означает рассказать ему обо всем, даже об отце. И что тогда? Что если я на самом деле сделаю это? Что случится с моей семьей? С матерью? С отцом? Со мной? Я не знаю. Я ничего не знаю. Думаю, что я самый чертовски разочарованный и запутавшийся человек когда-либо живший в этом мире.

Дуг убирает стул в угол, а после прячет свой блокнот под подмышку, направляясь к двери.

— Хочу встретиться с тобой несколько раз до Рождественских каникул, а потом мы найдем для тебя врача в Ларами, когда ты вернешься в колледж.

Неторопливый вздох срывается с моих губ, когда я сжимаю его визитку в руке и сгибаю ее пополам. Бумага режет кожу и это на мгновение успокаивает меня.

— Что если я не хочу?

Он уверенно улыбается мне.

— Ты хочешь, иначе просто сказал бы: "нет".

Я не отвечаю, что означает – молчаливое согласие. Я встречу с психотерапевтом в Ларами. То есть, если, конечно, вернусь в колледж.

Дерьмо. Я вдруг взглянул на картину в целом. У меня намного больше проблем, чем просто разборки с отцом. Как, черт возьми, я собираюсь выбраться из этой заварушки? Позволить отцу откупиться от Калеба? А что потом? Быть обязанным ему до конца своих дней? И скрывать его тайны, тайны нашей семья вечно.

Дуг выходит из комнаты, и моя голова падает на руки. Я провожу пальцами по волосам, грубо сжимая их. На этот раз я хочу, чтобы все было легко. Чтобы я мог расслабиться. Мог дышать.

Но на самом деле то, что я хочу больше всего – это Келли.

Келли

Я просыпаюсь рано утром, до того, как солнце полностью поднимается из-за кривой линии гор. Я ужасно спала прошлой ночью, ворочалась, никак не могла удобно лечь. Мне постоянно снится сон, где я захожу в дом Кайдена и вижу на полу лужу крови и ножи, но его самого там нет. Я обыскиваю весь дом, но все что нахожу – груды листьев. Я проснулась вся в поту и в конечном итоге побежала в ванную.

Я лежу без сна в постели, рядом храпит Сет, поглощенный своим сном. Слушаю его дыхание до тех пор, пока не могу больше лежать на месте и минуты, затем встаю и вытаскиваю свой дневник из сумки. Забираюсь на импровизированный подоконник, откуда виднеется заснеженная дорога. Автомобиль мамы завален снегом, а у грузовика папы цепи на колесах.

Я подтягиваю колени к подбородку и кладу на них дневник, прежде чем надавить кончиком ручки на бумагу.

Мне снится что я добираюсь до торта раньше, чем Калеб уводит меня в мою комнату. Когда я задуваю свечи и загадываю желание, то мечтаю о самом лучшем и счастливом дне рождения в мире, и желание сбывается. Калеб не появляется в тот день, чтобы позависать с моим братом, и я играю в прятки на улице с другими детьми. Я вскрываю обертку и радуюсь своим подаркам.

В последнее время во сне, вместо того, чтобы загадать желание для себя, я загадываю его для Кайдена. Желаю, чтобы он никогда не встретил меня и не узнал мой секрет. Желаю, чтобы у него никогда не было причин избивать Калеба, и чтобы он не оказался на полу, истекающий кровью.

Желаю счастья в мире, полном печали.

Где всегда так много боли, и я хочу, чтобы все это ушло.

Конечно, желания так и остаются желаниями, но я надеюсь на лучик света в этом темном царстве.

Когда я анализирую свое желание для Кайдена, то пугаюсь мыслей – что же они означают. Если я готова принять все те ужасы из своего детства в обмен на него, то насколько глубоки мои чувства к нему? Готова ли я с ними справится?

Я останавливаюсь, чтобы обдумать то, что написала, и замечаю маму, выходящую из боковых дверей дома и пробирающуюся по снегу в сторону гаража. Я отпускаю ручку, и она падает на пол. Смотрю на Сета, спящего в постели, а после в панике хватаю куртку с телефоном и выбегаю за дверь. Она поднимается по лестнице, когда я закрываю дверь.

— Хорошо, что ты проснулась. — Она обнимает себя руками и слегка подпрыгивает, дрожа.

Я просовываю руки в рукава куртки и вытаскиваю волосы из-под воротника.

— Да, я собиралась пойти в дом.

Мама бросает взгляд на горы и розовый восход, что отражаются в ее глазах.

— Ты рано встала. — Ветер теребит ее каштановые волосы, пока она смотрит на меня. Даже притом, что я виделась с ней около месяца тому назад, она, кажется, постарела, но это может быть и потому, что она в пижаме без прически и макияжа. — Я не помню, чтобы ты была поклонницей ранних подъемов.

Я пожимаю плечами, застегивая куртку, натягиваю капюшон на голову и обнимаю себя руками, дрожа.

— Я всю дорогу проспала в грузовике, — лгу я. — Поэтому не особо устала.

Она смотрит на меня с сомнением.

— Кто привез тебя сюда?

Я настороженно отвечаю.

— Эм, Люк.

— Какой Люк?

— Люк... Прайс.

Ее плечи напрягаются, и она плотнее запахивает халат.

— Друг Кайдена?

Я киваю.

— Да.

Она сжимает пальцы на боках, напрягая челюсть, и смотрит на дверь в гараже, пытаюсь разглядеть что-то сквозь матовое окно.

— Келли, я не хочу, чтобы ты крутилась возле Кайдена.

Ветер усиливается, и снежинки бьют по моей коже, жалея, пока кружат вокруг нас вихрем. В барабанных перепонках стоит вой, а проблески света ударяют по глазам.

— Почему? — Спрашиваю я, топчась на месте, пытаюсь согреться.

— Потому что не хочу, чтобы ты как-либо была связана с Кайденом. — Она глядит на меня, я могу разглядеть ненависть в ее глазах. Или, может быть, это страх. — У него очевидно скверный характер, даже твой отец сказал, чтобы были проблемы, когда он был в команде.

— Сомневаюсь, что папа сказал так, — спорю я. — Он всегда любил Кайдена. И кроме того ты общаешься с матерью Кайдена.

— Не по собственной воле. — В ее глаза осуждение, она винит Маци Оуэнс за ошибку Кайдена. Если это так, она бы винила себя, если бы я рассказала ей, что случилось со мной?

Прячу руки в рукава, а подборок в вороте куртки. На мне пара пижамных штанов из тонкой ткани, и холодный воздух легко проскальзывает сквозь нее.

— Мы можем пойти внутрь и поговорить об это? Тут холодно.

Она снова бросает взгляд на дверь в комнату, а затем концентрируется на мне.

— Там твой друг? Тот, который... — Она говорит тише, и хлопает своими ресницами против снежинок, кружащих вокруг нас. — Тот, которому нравятся парни?

Я вздыхаю, поворачиваясь боком, и протискиваюсь между ней и перилами, не произнося ни слова. К счастью, она следует за мной, и разговор о Сете сорвался с крючка. По крайней мере сейчас.

Когда я захожу на кухню, то воспоминания той ночи ударяют мне грудь, когда Джексон сидел за стол и ел пирог, а Калед доставал меня с моим секретом. Ночь, когда Кайден узнал кто «сломал» меня. Ночь, когда он позволил мне выплакаться, а затем выскользнул из моей жизни так легко, как если бы он был сделан из песка.

Я направляюсь к шкафу и вытаскиваю тарелку и коробку с хлопьями. Ставлю тарелку вниз на стол и открываю коробку, когда мама заходит внутрь, позволяя

холодному воздуху и снегу залететь в помещение. Она хлопает дверью, а после снимает сапоги и направляется ко мне.

— Я собиралась приготовить тебе завтрак. — Она тянется к ящичку над плитой, где хранит кастрюли.

Качаю головой, насыпая хлопья в тарелку.

— Все нормально. Я не так голодна, чтобы плотно завтракать.

Она опускает руку и сканирует мою крошечную фигуру.

— Похоже, ты снова теряешь вес.

Я смотрю вниз на свои короткие ноги и тонкую талию, скрытую под пижамой.

— Это просто стресс.

— Стресс из-за чего? — спрашивает она. — Из-за учебы? Или из-за того, что случилось с твоим другом?

Не могу удержать это в себе. Это слишком, и все слова разом выплескиваются из меня.

— Ого, теперь он мой друг, но когда ты впервые узнала об этом, то была так счастлива, что мы пара. На самом деле, думаю, что ты поделилась этим со всем чертовым городом.

— Выбирай выражения. — Она еще раз завязывает свой розовый халат и убирает волосы с лица. — Келли Лоуренс, ты не будешь разговаривать со мной в таком тоне.

Она разворачивается и тянется к шкафчику, где хранятся все ее лекарства.

— Это мой дом, и пока ты здесь, то будешь следовать моим правилам.

Я яростно закрываю коробку с хлопьями.

— Мне восемнадцать, и я могу дружить с тем, с кем захочу.

Он берет одну из больших баночек и медленно разворачивается ко мне лицом, держа руку на крышке.

— Даже с тем, кто избил лучшего друга твоего брата.

Я впиваюсь ногтями в столешницу, когда боль последних шест лет перекрывает мне кислород.

— Это все, что тебя волнует? Калев?

Его имя на вкус, как яд в моем рту.

Она пытается открутить крышечку от баночки.

— Келли, Калеб был частью нашей семьи с шести лет. Ты знаешь, его семья едва разговаривает с ним. Мы его единственная семья.

— Мне плевать на Калеба! — Кричу я, а легкие словно в огне. Но это хорошие ощущения. Действительно хорошие. Я кладу руку на грудь, спокойно отпускаю столешницу и распрямляю плечи. — Я позавтракаю с Сетом.

Ее взгляд напрягается, а губы приоткрываются, готовые к протесту, но выражение моего лица успокаивает ее. Она закрывает рот, когда крышка соскальзывает с баночки.

— Прекрасно, веселитесь. — Таблетки грохочут в упаковке, когда она высыпает пару на ладонь.

Я ставлю хлопья в шкаф, а тарелку в раковину и спешу к задней двери. Бегу через дорогу и поднимаюсь вверх по ступенькам. Когда я открываю дверь, то с удивлением обнаруживаю Сета, сидящего на краю кровати и одетого в красную футболку и пару темных джинсов.

— Ты проснулся, — говорю я, закрывая дверь.

Он проводит пальцами по волосам.

— Я проснулся, когда ты убежала отсюда, словно случился пожар. Что произошло?

Я снимаю куртку, сворачиваю ее в ком и кидаю на кровать.

— Я увидела, как мама шла сюда, и мне не хотелось, чтобы ты встретился с ней.

Он застегивает часы на запястье, направляясь к своим ботинкам, стоящих возле кровати.

— Келли, независимо от того сколько мы отпустили шуток по этому поводу, я могу справиться с твоей матерью. — Он засовывает ногу в ботинок. — Поверь мне, если я могу выстоять против своей собственной матери, то я определенно могу управиться и с твоей.

Я хмурюсь, присаживаясь на постель.

— Но ты не разговаривал со своей мамой с того момента, как рассказал ей о Грейсоне.

Он пожимает плечами, завязывая шнурки на обуви.

— У нее это пройдет. Нужно немного времени, как тогда, когда я сказал ей, что гей.

Я заваливаюсь назад и прикрываю лоб рукой.

— Как ты решаешь, что стоит рассказывать родителям, а что нет?

Он молчит, а затем я слышу его шаги, приближающиеся ко мне, с моей стороны кровати. Он убирает мою руку со лба и смотрит на меня сверху вниз.

— Если ты спрашиваешь меня, думаю ли я о том – должна ли ты рассказать родителям о том, что произошло с Калемом, то мой ответ: «да». Я считаю, что ты должна это сделать.

Он отпускает мою руку, и я опираюсь на локти.

— Как ты можешь быть так уверен? — Срывается недовольство с моих губ. — Она может разозлиться на меня. Или будет ненавидеть себя, как я ненавижу... ненавидела себя.

Сет пальцами откидывает челку с моих глаз.

— Келли, она будет ненавидеть себя некоторое время. Ты шесть лет несла на себе это нелегкое бремя и пришло время чтобы кто-то другой взял на себя его часть.

— Не уверена, что смогу, – шепчу я, сжимаясь от тупой ноющей боли в груди. — Просто там столько... столько всего в чем нужно признаться и рассказать ей правду.

— И наконец-то признать, что все это реально?

Я киваю, пристально смотря на ясное небо снаружи. Солнцу в Афтоне – редкое явление, возможно, это знак, что не все поглощено темнотой. Что свет существует даже в самых темных углах.

Он отодвигается, когда я сажусь и направляюсь к своей сумке на раскладном стуле возле двери.

— Я думала, что мы могли бы позавтракать сегодня утром где-нибудь. В городе есть кафе, где подают самые лучшие блины в мире.

Я вытаскиваю фиолетовую рубашку из сумки и джинсы.

— Я думал, что мы для начала навестим Кайдена, — говорит Сет, что-то печатая в телефоне

— Но к нему не пускают посетителей. — Я прижимаю одежду к груди и направляюсь в ванную.

— Пускают. — Сет кладет телефон на колено и делает глубокий вздох. — Я только что получил сообщение от Люка, что Кайдену не только разрешены посещения, он выписывается сегодня.

Я замираю посередине комнаты, и действительность наконец-то догоняет меня. Я никогда не задавалась вопросом вслух: «увидю ли я когда-нибудь Кайдена снова?» Возможно, что его вообще не существовало, и все, что случилось между нами – было мои воображением, заставляющим жить мой разум снова.

— Нам нужно дождаться его выписки, а потом поехать к нему? — я смотрю на открытую дверь ванны.

Матрас скрипит, когда Сет встает с кровати и шагает ко мне.

— Думаю, мы должны забрать его. Люк сказал, что его мать вроде хотела забрать его домой, но он считает, что мы должны это сделать и отвезти его куда-нибудь.

Я поднимаю голову и смотрю ему в глаза.

— Типа похитить его?

Сет смеется надо мной, и его лицо становится красным, а глаза наполняются слезами.

— Ему девятнадцать, Келли. Мы не можем похитить его, если он этого не хочет.

— Но разве ему не требуется наблюдение?

— Что? В доме его родителей? С отцом?

Я выдыхаю воздух из легких.

— Я волнуюсь, что мы можешь причинить больше вреда, чем пользы... убегая.

Сет подходит ко мне, кладет руки на мне плечи, и пристально смотрит на меня.

— Ты хочешь знать, что я думаю? Я думаю, что ты боишься.

Я сильнее прижимаю одежду к груди, потому что мне нужно держаться за что-то.

— Чего?

— Слухов о той ночи. Думаю, ты боишься правды.

— Но какая она правда?

Сет улыбается и слегка пожимает мои плечи.

— Это тебе и нужно узнать, потому что он нуждается в тебе.

Он прав. Я боюсь всего, что произошло той ночью, и что я должна буду признать, что это – моя вина. Я боюсь узнать, что Кайдэн на самом деле пробовал покончить жизнь самоубийством, пытаюсь оставить меня одну в этом мире. Боюсь, что он оставит меня снова, а я нуждаюсь в нем, как в воздухе.

— И куда мы повезем его? — интересуюсь я. — Мама ясно дала понять, что не желает видеть его здесь.

Дьявольская улыбка расплзается на его лице.

— Оставь это мне. Все, что тебе нужно сделать, это взять с собой сумку и сказать маме, что уезжаешь на несколько дней.

Мои брови приподнимаются в удивлении.

— Ты не скажешь куда мы поедем?

Его улыбка становится шире, а руки отпускают мои плечи.

— Это дорожное путешествие, Келли.

Я провожу рукой по лицу.

— Ты думаешь это разумная идея, учитывая все обстоятельства?

— Нет, но я никогда не был кладезем разумных идей, — отвечает он. — Я верю в иррациональные, мимолетные решения, что делают жизнь интересной. И жизнь должна быть интересной, потому что мы живем лишь раз.

Я улыбаюсь, и это почти кажется уже воплощенным в реальность.

— Ты самый разумный...я имею в виду иррациональный, плывущий по течению человек, которого я когда-либо встречала.

Он притягивает меня в свои крепкие объятия. Я бросаю одежду на пол и обнимаю его в ответ. Я не сжимаюсь. Не паникую. Просто наслаждаюсь моментом. Потому что Сет — это мой дом. И надеюсь, что однажды Кайден тоже им станет.

Мы обнимаемся какое-то время, а затем отпускаем друг друга. Я подбираю одежду и иду в ванну.

— Хорошо, давай заберем его, — говорю я, понимая, что это не будет так просто.

Потому что встретиться с тем, кого ты потерял — странновато, особенно, когда ты не уверен с кем именно тебе предстоит увидеться.

Глава 5.

#41 Съесть много блинов

Кайден

Моя мама вернулась на следующее утро, чтобы забрать меня, как и обещала. Они перестали давать мне лекарства, поэтому я чувствую себя истощенным и проткнутым изнутри, словно кусочки стекла бродят по моим венам.

— Готов? — входя в комнату, интересуется она. Что-то в ее голосе мне не нравится, возможно, это предупреждение о том, что ждет меня дома.

В это мгновение, я думаю о предложении Дуга рассказать о том, что произошло. По крайней мере, я, наконец, смогу освободиться от этого. Но тогда, я думаю о том, что это означает — то, что я должен буду принять и столкнуться лицом к лицу с этим. Каждый удар, каждый пинок, детство с мучительными воспоминаниями, спрятанное в дальний ящик. Я должен буду чувствовать, и у меня нет ни ножа, ни лезвия, чтобы отключить это.

— Да, — соглашаюсь я, наконец, укладывая джинсы в сумку.

Она выглядит освобожденной и испуганной.

— Хорошо.

Несколько минут она беседует с доктором возле двери, забирая бумаги с терпеливым выражением лица, которые врач отдает ей. Я собираю оставшиеся вещи с тумбочки возле

кровати. Мне сняли швы, но они еще слегка побаливают, когда я напрягаю живот, хотя доктора уверяют меня, что в конечном итоге, я полностью восстановлюсь и вероятно буду способен играть в футбол в следующем сезоне.

Я не могу заглядывать так далеко, потому что без понятия, что ждет меня впереди. Обвинение в уголовном преступлении? Мой отец? Колледж? Келли? А возможно и ничего.

Я застегиваю сумку и вешаю ее на плечо, решая не думать о будущем сейчас. Все, что сейчас мне нужно – это концентрация на выходе из больницы, а потом, чтобы дойти до машины. Мама и доктора куда-то пропали, поэтому я осматриваюсь, неуверенный, куда должен идти.

Провидение берет дело в свои руки. На половине пути из комнаты, судьба вносит свои корректировки в виде низенькой, крошечной случайности с большими голубыми глазами и каштановыми волосами. Она выглядит еще меньше, чем, когда я видел ее в последний раз. Ее талия стала тоньше, и у нее темные круги под глазами, как будто она плохо спит.

— Келли, — шепчу я, роняя сумку на пол.

Она нервно крутит свои пальцы, заламывая их, и выглядит расстроенной, глядя на мое забинтованное запястье.

— Привет, — произносит она своим тоненьким голоском, встречаясь со мной глазами. Ее волосы собраны, и некоторые пряди выбились из прически, спадая на лицо.

Ничего не могу поделать с собой. Улыбаюсь, как идиот, но потом быстро хмурюсь.

— Ты не должна быть здесь.

Она резко вздыхает.

— Сет, Люк и я решили забрать тебя... Я думала, Люк сказал тебе по телефону, что мы приедем.

— Да... но это не значит, что ты должна быть тут. — Я знаю, это звучит грубо, но ничего не могу поделать. Честно, на самом деле не думал, что она покажется, и сейчас, когда она здесь... Я ненавижу то, что позволяю ей видеть меня в таком месте.

Ее глаза расширяются, как будто я ударил ее, и из-за этого чувствую себя еще большим кретином. Она делает шаг ко мне, и я сжимаю руки в кулаки, удерживаясь от прикосновения к ней, от пропускания ее волос сквозь пальцы, от целования ее губ.

— Люк и Сет думают, мы должны отправиться в дорожное путешествие.

— Путешествие? — спрашиваю с сомнением. — Прямо сейчас?

Она пожимает плечами, как будто не знает, что делать или говорить. Я позволяю ей сорваться с крючка, потому что она не должна находиться в таком месте и смотреть на парня, который режет себя почти до смерти, и который позволяет своему отцу избивать себя.

— Послушай, Келли. — Беру свою сумку и перекидываю ручку через плечо. — Я не могу поехать в путешествие с тобой. — Чувствую пульсирование под бинтом и фокусируюсь на этом, вместо блеска в ее глазах и дрожащей нижней губе. — В данный момент я ничего не могу делать что-либо с вами. — Я делаю шаг вперед и обхожу ее. — Мы поговорим с тобой позже, хорошо?

Это самая глупая вещь, которая слетала с моих губ, но это нужно закончить. Она заслуживает лучшего, чем сломанный кусок дерьма, как я.

Келли

Я стою у входа в его палату, нервничая и ожидая, встречи с ним. Его мама в комнате, и я не хочу заходить туда, пока она не выйдет. Не знаю что сказать, или какие слова подобрать, когда зайду внутрь. Нет ни одного волшебного слова, которое поможет сделать ситуацию проще, и это ужасно.

Коридор полон болтающими людьми, хаос приводит в замешательство и поддает огня и в без того моим натянутым нервам. Я писала в дневнике днями о том, что я скажу ему, когда увижу. «Рада, что ты в порядке». «Извини». «Спасибо». Думаю, я всегда буду чувствовать вину, но не могу выкинуть это из моей головы.

— Ты выглядишь так, как будто тебя сейчас стошнит, Келли. — Голос Сета врывается в мои мысли. Он стоит посреди коридора, рядом с Люком, убрав руки за спину и смотря на меня с тревогой. — Нужно ли нам найти ведро для тебя?

Качаю головой.

— Нет, все хорошо. К тому же, где ты будешь искать ведро?

Уголки его губ ползут вверх, и в три огромных шага он пересекает коридор и останавливается передо мной.

— Ты же знаешь, что с ним все отлично, да? Он все тот же Кайдэн, просто побитый, и ты нужна ему сейчас намного больше, чем что-либо еще.

— Да, наверное, — я скрещиваю руки на груди, а затем распрямляю, не способная ждать дальше.

Он оборачивает свои руки вокруг меня и обнимает.

— Просто дыши, дыши.

Я киваю, вдыхаю воздух через нос и выдыхаю через рот, так как он и инструктировал. Но как только дверь распахивается, моя грудь сжимается на пару с сердцем, когда мимо проходит Мази Оуэнс. Она одета, как будто собирается идти на необычный ужин, и это кажется мне нелепым. Ее волосы убраны в элегантный пучок, на глазах толстая подводка, а на губах помада. Она в темно-синем платье и в черных туфлях на шпильке. Мои темные чувства к ее наряду и внешности, возможно, вытекают из-за того, что она здесь и выглядит ничуть не расстроенной.

Ее каблук цокают, когда она выходит вместе с одной из медсестер. В одной руке у нее телефон, а в другой пара кожаных перчаток. Она проходит мимо меня и женщина, которая однажды приветствовала меня с дружелюбной улыбкой, теперь даже не признает меня. Она, вероятно, все еще расстроена из-за моей реакции, когда та пыталась сказать мне, что Кайдэн режет себя.

Я смотрю на нее, пока она удаляется по холлу. Сет слегка толкает меня локтем, и я отвожу взгляд от нее и фокусируюсь на нем.

— Аа?

Он кивает головой в сторону двери.

— Перестань волноваться о ней и заходи в комнату.

Смотрю на Люка.

— Может тебе нужно пойти первым.

Он быстро трясет головой.

— Думаю, он предпочтет увидеть тебя первой.

Не уверена, что это так, но решаюсь идти первой. Вдыхаю воздух, подготавливаясь, и вхожу. Я всегда думала, что больничные комнаты самые депрессивные комнаты, которые только существуют, но на самом деле, это намного хуже. Стены страшные, пол обшарпанный, и кровать уже аккуратно застелили для следующего пациента.

Кайден стоит посреди комнаты с сумкой на плече. В моей голове были картинки, на которых он лежит в кровати, выглядя беспомощным и напуганным. Он стал выше, чем я помню, немедля поднимаю голову и встречаю его изумрудные глаза. Его каштановые волосы немного длиннее и растрепанные, лезут в уши и глаза, и, похоже, все это время он не брился, лицо слегка заросло. Шрам на щеке и повязки на запястьях с множеством браслетов. Его тело выглядит солидно, но выражение лица хрупкое и ненадежное.

— Келли, — выдыхает он мое имя, выглядит ошеломленным и немного расстроенным при виде меня. Его сумка падает вниз, ударяясь об пол.

— Привет. — Кажется, это самая глупая вещь, которую я вообще говорила, но это первое слово, которое выдало мое сознание.

Уголки его губ ползут вверх, но потом резко опускаются, и я начинаю сомневаться, видела ли я его когда-нибудь по-настоящему.

— Ты не должна быть здесь, — говорит он.

Мое сердце сжимается, скручиваясь в узлы, скручиваясь так сильно, что начинает разваливаться на кусочки. Я не знаю, что говорить или делать, поэтому я рассказываю ему про путешествие. Он, видимо, не воодушевляется этой идеей, а потом неожиданно уходит, проходя мимо меня и едва смотря в мою сторону. Я остаюсь одна, не способная ни двигаться, ни дышать. И все, о чем я могу думать – это о том, что все кончено. Конец моему счастью.

Не знаю сколько времени я стояла посреди комнаты, но, в конце концов Сет входит сюда. Он подходит ко мне, как будто бы я пугливый котенок, а я смотрю вниз, на свои ногти, и мне интересно, думает ли он что я его поцарапаю?

— Эй, — он засовывает руки в карманы и идет ко мне пока не останавливается передо мной. — Хочешь позавтракать? Первая партия блинов с меня.

Мне нравится то, что он не спрашивает, что произошло. Если я заговорю, то, скорее всего распадусь на мелкие-мелкие кусочки, и застряну в забитых грязью трещинах пола. Я киваю, и он приобнимая меня, ведет к выходу, не давая мне развалиться.

~ ~ ~

Кафе переполнено и утопает в болтовне людей, наслаждающихся завтраком с их семьями. На кухне гремят посудой, а в воздухе витают запахи кофе и вафель. Люк идет с нами, но отвлекается на официантку за прилавком, когда мы заходим внутрь. Интересно, он делает это нарочно – не обращает внимание на то, что произошло в больнице. Люк, вообще-то, пытался догнать Кайдена, после того как тот ушел, но он вернулся через несколько минут, расстроенный и ничего не сказал.

— Знаешь, что я только что понял? — Сет указывает вилкой на меня, жуя блины. — Это должно быть добавлено в наш список.

Смотрю вниз на едва тронутую стопку блинов на тарелке перед собой.

— Что? Есть блины?

Его мышцы на шее двигаются вверх и вниз, когда он глотает слишком большой кусок блина.

— Нет, не просто есть их, а есть до одурения.

Я беру бутылочку с клубничным сиропом, которая стоит на конце стола. Переворачиваю бутылку, и сдавливаю ее, с кончика начинает вытекать на блины красный сироп.

— Это не такое значительное желание, чтобы заносить в наш список.

Сет накалывает на вилку блин и покачивает головой.

— Ни в коем случае. Все в мире должны, по крайней мере, раз в жизни, сесть и набить себя блинами по уши. — Он засовывает кусок в рот, закрывает глаза и вздыхает. — Особенно эти, они чертовски вкусные. Я клянусь, что у меня случился едазм.

Смешок слетает с моих губ, и он открывает глаза светящиеся радостью. Это первый раз, когда я подаю признаки жизни, после того, как покинула больницу.

— Едазм? — усмехаюсь я.

Он кивает, проглатывая огромный кусок.

— Едазмы чемпионов.

— Чемпионы чего?

— Жизни.

Не переставая улыбаться, подцепляю вилкой кусочек блина и засовываю его в рот.

— Ладно, мы добавляем это в список, и затем выполняем этот пункт сейчас же.

Он широко улыбается, беря салфетку и вытирая с губ сироп. Затем берет стакан с молоком, хватая губами соломинку и делает глоток, а потом ставит стакан на место, вытирает рот рукавом рубашки и откидывается на сиденье, кладя руки на спинку. Он тарачится на меня, поглощающую блины, с озабоченным выражением лица.

Я набиваю свой рот и поднимаю взгляд на него.

— Что?

Сет пожимает плечами.

— Мне просто интересно, когда ты хочешь поговорить о том, что произошло.

Я протягиваю руку к маслу в середине стола, рядом с тарелкой полной тостов и чашей с пакетиками джема.

— С Кайденом? — спрашиваю я. Он кивает. Я беру нож и режу масло тоненьким кусочком, подхватывая его. — Никогда. Просто я налажала и все.

— Такое ощущение, будто ты собираешься заплакать сейчас, — констатирует он. — Кайден был расстроен, когда вышел. Я имею в виду, он практически убежал от меня, когда я сказал «привет».

Я мажу на блины масло поверх сиропа.

— Я сообщила ему про поездку слишком рано, и он испугался. По крайней мере, я думаю, вот, что произошло.

— И поэтому, он решил тупо вернуться домой, к маме с папой. — Опуская руки со спинки и ставя локтями на стол, говорит Сет. — Почему он так сделал?

Я разрезаю наполовину съеденные блины, а затем ставлю локти на стол, опираясь подбородком.

— Может, он еще не готов говорить правду вслух.

— Мы говорим сейчас о тебе или о нем?

— Не знаю...

Я продолжаю разрезать блины вилкой, пытаюсь понять, что происходит в голове Кайдена. Если его отец сделал это с ним, то понятно почему он боится, но почему он стал бояться меня? Я начинаю думать о бинтах на его запястье и браслетах на руках.

Кладу нож на стол.

— Сет, почему у некоторых на руках браслеты?

Он пожимает плечами. Официантка подходит к столу со счетом. Он платит, и она ему улыбается.

— Спасибо, что пришли к нам! — Накручивает она на палец прядь своих светлых волос, жуя жвачку и пытаюсь привлечь его внимание. — Приходите еще!

Сет трясет головой, засовывает руку в карман и вытаскивает бумажник.

— Как бы я сильно не любил блины, но скорее всего не вернусь, — отвечает он, пытаюсь вежливо отвязаться от официантки.

Она надувает свои губы и снимает с кредитной карты Сета деньги.

— Ну тогда, ладно. — Она стреляет в меня убийственным взглядом, и лопает пузырь из розовой жвачки, цветом такой же как и форма на ней.

— Знаешь, я начинаю задумываться о женском поле. — Замечает Сет, кладя бумажник на стол. — Всегда ищу любовь в неправильных местах.

— Включить ли это в список? — Интересуюсь я, допиваю апельсиновый сок и отставляю стакан в сторону.

Он закатывает глаза, как будто, это самая глупая вещь, которую он слышит

— Абсолютно нет, дорогая. Нужен лучший способ, что бы сделать это. — Он вертит часы, крутя их вокруг запястья и смотря на них. — Почему ты спрашивала про браслеты?

Я разминаю запястье пальцами, вертя им.

— Потому, что у Кайдена они были.

Сет барабанит пальцами по столу и хмурит брови. Достает телефон из кармана и водит пальцем по экрану прежде, чем начать что-то печатать.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, доставая свой кошелек.

Он водит пальцем по экрану, набирая текст.

— Секунду.

Я вытаскиваю пару долларов и кладу их на стол для чаевых, затем убираю кошелек в сумку. Я смотрю на официантку за кассой, которая шепчет что-то другой. Они осматриваются вокруг и впиваются в меня взглядом, как будто я Дьявол.

— Мне кажется, они думают, что я твоя девушка. — Шепчу я, сползая на сиденье, вниз.

Сет поднимает на них взгляд и возвращается к чтению чего-то на экране.

— Ее нападки на меня совершенно никчемны.

— Очевидно, да. — Я переключаю свое внимание на снегопад снаружи. Снег везде, такой белый рассыпчатый и такой девственный сияет под солнечными лучами. Это ложная невинность, потому что из-за него столько аварий и он унес столько жизней.

Сет шлепает ладони об стол и лед в стакане подскакивает, а я подпрыгиваю, пугаясь.

— Я знал, что где-то слышал об этом, — бормочет он. Качает головой и кладет телефон на стол. — Я знаю, для чего нужны браслеты.

— Для чего? — Резко выпрямляюсь на сиденье.

Он облокачивается на стол и берет меня за руку.

— Это форма лечения, и используется на самоубийцах.

Хоть я и знала, что Кайден вредит себе, но теперь, это кажется реальным. Я вытягиваю руку из руки Сета, и оборачиваю ее вокруг живота, где все внутри сжимается.

— Мне плохо.

— Келли, успокойся! — убеждает он меня и опять берет за руку.

Я отшатываюсь, трясая головой и вскакиваю на ноги. Я чувствую, как живот начинает гореть и болеть, как будто там синяк.

— Мне нужно в туалет. — Прежде, чем он отвечает, я бегу через кафе, натываясь на одну из официанток. Отталкиваю поднос и ее руки, чувствуя себя плохо, но на извинения нет времени.

Когда я пробегаю мимо кассы, слышу, как Сет зовет меня.

— Келли... что случилось?

Я не реагирую. Мне нужно отсюда выбираться. Сейчас же. Мне нужно избавиться от неприятного ощущения в животе.

Отталкиваю руками дверь и оставляю ее открытой. Подбегаю к ближайшему киоску и падаю на колени. Начинаю просовывать пальцы в горло, и внезапно всплывает картинка. Кайден. Лежащий на полу. Беспомощный. Ему нужна помощь. Ему нужен кто-то, кто может помочь. Это ударяет меня еще сильнее, как будто пинок в живот. Может быть я могу исполнить желание, о котором мечтаю, в котором я стираю все, что произошло в мой двенадцатый день рождения. Я не способна избавить Кайдена от боль в прошлом, но возможно я могу помочь ему справиться с болью в будущем. Просто я должна быть сильной. Я вытаскиваю пальцы изо рта и это самая тяжелая вещь, которую я делала. Я дрожу и потею, сажусь на землю и облокачиваюсь спиной о стену, откидывая голову. И просто сижу. Не чувствуя себя лучше, но зная, что это к лучшему.

Глава 6.

#35 Прогуливаться, не торопясь

Келли

Сет и я проводим много времени в кафе, частично от того что Сет думает, что нам нужно есть блины все время, и частично потому, что мы избегаем завтрака в моем доме, после первой встречи мамы и Сета. Все было нормально, кроме неловкости с самого начала.

— Рада с тобой познакомиться, Сет! — Мама протягивает руку, и Сет вежливо пожимает ее. На ней фартук поверх цветочного платья и выглядит это будто из 60-х. На кухне пахнет корицей, а на газу булькает кастрюля.

— Я тоже рад с вами встретиться! — Сет отпускает ее руку и берет гирлянду, которой было чересчур много, и которая была на стенах и обматывала фигурки Санта Клаусов и оленей на полках. — Вы любите украшать, не так ли?

Мама разбивает яйца и выливает их в кастрюлю, потом берет миску со стола и начинает взбивать тесто.

— Ооо да, я обожаю праздники. Они такие веселые. А как на счет тебя?

Сет приподнимает брови, выдвигая стул из стола.

— Люблю ли я праздники? Нет, не очень.

Он садиться и я присоединяюсь к нему, читая смс-ку от Люка.

Люк: Слышала что-нибудь от него?

Я: Нет... а должна?

Люк: Нет, кстати, я заходил к нему домой.

Я: Он в порядке?

Люк: Я не знаю. Его брат сказал, что не видел его. Думаю, он был пьян.

Я: Я писала ему пару раз. Он не ответил ни на одно смс.

Люк: Я уверен, с ним все хорошо. Он, наверное, занят чем-нибудь.

Занят чем-нибудь? Один. В этом чертовом доме.

— Келли, ты слышишь меня?

Я отрываю взгляд от телефона и смотрю на маму и Сета, которые пялятся на меня.

— Что? — спрашиваю я.

Брови Сета нахмуренны под квадратной оправой очков, которые он носит, и не потому что у него плохое зрение, а потому что они модные.

— С тобой все хорошо? — интересуется он.

Я киваю.

— Все в порядке.

— С кем переписываешься? — спрашивает мама, мешая венчиком в миске.

Я быстро ставлю телефон на блокировку и кладу на стол.

— Ни с кем.

Мама бросает венчик, и тесто летит во все стороны.

— Ты переписывалась с Кайденом, не так ли? Не могу поверить в это, Келли! Я говорила тебе, что не хочу, чтобы ты с ним проводила время, после того, что произошло... после того, что он сделал с Калэбом.

Сет смотрит на меня с изумлением в глазах, я пожимаю плечами, качая головой и пытаюсь не заплакать.

— Это не Кайдэн, — отвечаю я.

— Даже если это и так, думаю Келли достаточно взрослая, чтобы решать с кем ей общаться, — вмешивается спокойно Сет. — На мой взгляд, она прекрасно разбирается в людях. — Произносит он это, и любая надежда на то, что они будут ладить, разваливается прямо здесь. — На много больше, чем другие люди, которые, кажется, не попадают в цель все время.

Она не до конца понимает всю глубину его слов, но его резкий тон достаточная причина, чтобы решить, что он ей не нравится, что она и сказала мне, отведя в сторону.

— Он грубиян, — шепчет она. — Он так и со своей матерью разговаривает?

— Он не разговаривает с матерью, — говорю, понимая, что это очередной удар против него.

После этого, я решаю, что лучше держать их подальше друг от друга, потому что Сет не будет молчать, если мама скажет что-то нелепое, а мама никогда не перестанет говорить нелепые вещи.

~ ~ ~

Я была дома почти всю неделю. Время, казалось, движется, как в замедленной съемке. Каждый час длился словно дни, а дни будто бы месяца. Рождество длится только четыре дня и все это время она заставляет меня ходить по магазинам и упаковывать подарки с ней. Я делаю все это, так как могу, но каждый раз, как она зовет Калеба – убегаю. Я даже сбежала с нашей поездки в торговый центр, позвонив Люку и попросив забрать меня.

— Я даже не уверена в том, голодна ли я, — говорю я Сету, поливая стопку блинов сиропом перед собой. Мы снова сидим в кафе, наслаждаясь простой болтовней, после очень неудобного утра с моей мамой. — Шесть дней подряд меня перегружают блинами.

Он мажет маслом тост и добавляет клубничное желе. Он одет в голубую футболку с логотипом на кармане, а его волосы все еще влажные после душа, который он принимал до того, как мы ушли из дома.

— Ну, ты не обязана заказывать каждый раз блины, — предлагает он, кладя нож для масла на стол.

— Или, может ты должен был заказать мне что-нибудь другое, — отвечаю я, беря пакетики с сахаром из подставки. Сет взял на себя заказ для меня, пока я была в туалете, и в моих планах не было блинов.

— Думаю, мы должны есть блины каждое утро, пока идут каникулы. — Он откусывает кусочек от тоста. Крошки сыплются на его футболку, и он стряхивает их взмахом руки. — Будет весело.

Я смотрю на свои блины, утопшие в луже сиропа.

— Уверен?

— Я всегда уверен в том, что произношу вслух. — Он кладет тост на маленькое блюдце.

Я сжимаю губы и пытаюсь не рассмеяться над ним, потому что Сет никогда не уверен в чем-либо, так же как и я, так же как большинство людей во всем мире.

— Все хорошо, мы можем пытаться есть блины каждый день. Но если меня стошнит, ты должен пообещать, что поддержишь мои волосы.

— Обещаю, — улыбается он и поднимает руку перед собой. Я хлопаю ладошкой по его, давая пять. В этот момент были только он и я в кафе, возможно даже и в мире. Но колокольчик на двери звякает, и мои глаза инстинктивно глядят на причину звона. Неожиданно, я вспоминаю, что на свете есть гораздо больше людей, которые тоже хотят поесть блинов в Рождественские каникулы.

Кайдэн входит в кафе, и несколько людей за столами быстро поднимают взгляды на него. Были слухи о нем, которые прошли по маленькому городу, и которые были ужасными. Я борюсь с тем, чтобы не врезаться каждому человеку, который пялится на него.

Он в пальто и, снежные хлопья застряли в его влажных волосах. Он одет в старые джинсы с дырками, и черные ботинки. Рождественские огоньки, которые украшают окна, отражаются в его глазах, и делают его взгляд красным, вместо зеленого. Его взгляд пробегает по помещению, но пропускает меня, и потом он идет к кассе, где сидит старая официантка с седыми волосами и сеткой на голове, приветствуя его за прилавком.

— Келли, на что ты пялишься? — Сет прослеживает мой взгляд, и затем его глаза расширяются. — Ох...

Такое ощущение, что ноги не принадлежат мне, поскольку я сгибаю колени и встаю. Когда я уже на ногах, взгляд Кайдена застревает на мне. Мы смотрим друг на друга через все кафе, столы, стулья, люди – все испаряется. Он скрещивает руки на груди и сжимает губы, до того как качает головой. Он оборачивается, когда официантка отдает ему пакет на вынос. Я не уверена, что это значит, но мне нужно поговорить с ним.

— Сейчас вернусь, — говорю я и иду к Кайдену, который оплачивает заказ официантке.

Сет ловит меня за рукав и тянет немного назад.

— Будь осторожна, Келли.

Я киваю, не уверенная в том, что он имеет в виду, быть осторожной с Кайденом или с самой собой. Он отпускает мой рукав, и я обхожу столы. Кайден засовывает кошелек в задний карман, когда я подхожу к нему, и пластиковый пакет уже в его руке. Его челюсть напряжена, когда он берет несколько салфеток из металлического диспенсера, не глядя на меня.

— Привет, — говорю я, вновь расстраиваясь из-за моего такого слабого приветствия.

— Привет, — бормочет он, заталкивая салфетки в пакет.

— Я... Я просто хотела подойти к тебе и узнать как у тебя дела. — Делаю вдох, потому что нервничаю и забываю дышать.

Его взгляд поднимается ко мне, и я отступаю назад из-за того, что они полны холода.

— Я в порядке.

— Это хорошо. — Мое горло сжимается, уменьшая поток воздуха, и я не знаю, как на это реагировать. Он направляется к двери, а я следую за ним. — Кайден, подожди.

Он не останавливается, толкая резко дверь и открывая ее. Я знаю, что должна остановиться, но не могу заставить ноги перестать двигаться. Быстро выхожу на улицу за ним, обнимая себя руками, когда ветер обдувает мои обнаженные руки.

— Может нам нужно поговорить? — намекаю, прежде чем он открывает дверь черного Мерседеса его матери.

Он делает паузу, качая головой, потом оборачивается ко мне.

— Келли, я должен идти. У меня есть дела, которые нужно сделать сегодня.

Обхожу сзади автомобиль по слякоти и лужам, не готовая сдаться.

— Ты остаешься здесь, в своем доме?

Он бросает пакет с едой между консолью и пассажирским сиденьем.

— Да, куда я могу еще пойти?

Вода просачивается сквозь мою обувь, и она очень холодная.

— Ты можешь остаться у меня.

Его глаза фокусируются на мне.

— И что потом? Твоя мать просто поприветствует меня?

Я смущаюсь, и это не то, что нужно делать, но я не могу придумать, что сказать.

— Мне все равно, что думает моя мама.

Он трясет головой, и приседает, садясь в машину.

— Келли, я не могу остановиться в твоём доме, только не после того, что произошло.

Почему у меня такое чувство, будто он имеет в виду не мою мать, а наши отношения?

— Пожалуйста, не убегай, — говорю я гневно. Больше не могу думать рационально. Я оббегаю машину и открываю дверь со стороны пассажира, настраиваясь на то, чтобы заставить его чувствовать себя лучше. Каким-то образом. Просто нужно найти каким. Внутри машины пахнет им, и я вдыхаю запах, убирая пакет с едой, сажусь и закрываю дверь. — Я не хочу, чтобы ты туда возвращался.

Качая головой, он хлопает дверью и регулирует спинку сиденья, давая себе больше места. Он встречается со мной глазами, и в них я вижу пустоту.

— Келли, я никогда и не уезжал отсюда по правде. Просто сбегал на какое-то время. — Он поворачивает ключ в замке зажигания и двигатель оживает. — Моего отца больше нет здесь.

Я встряхиваю головой.

— Где он?

Он поживает плечами, кусая губы и глядя в окно на дверь магазина.

— В командировке, думаю.

Я хочу спросить у него... хочу знать, имеет ли он какое-нибудь отношение к этому.

— Кайден, он...

— Слушай, Келли, — он перебивает меня, его взгляд ломает меня внутри. — Мне нужно идти. Мне нужно доделать кое-какое дерьмо.

Сглатываю, все мои внутренности дрожат.

— Пожалуйста, поговори со мной, — шепчу я, сдерживая накатывающие слезы.

Он вдыхает через нос, и его грудная клетка поднимается, а потом опускается, когда он выдыхает. Его рука бледнеет, сжимая руль, и я клянусь, что могу слышать биение его сердца.

— Я... — Его дыхание учащается, когда он начинает говорить.

Упираю локоть в приборную панель, прикладывая ладонь к его щеке. Он вздрагивает, но остается неподвижным, смотря на меня. Мое сердце бьется страстно, посылая адреналин по всему телу. Я не знаю, что делаю, и не знаю правильно это или нет. Все, что я могу, это надеяться достучаться до него.

— Ты ведь знаешь, что можешь рассказать мне все? Я пойму. — Он сглатывает, когда я большим пальцем провожу по его щеке. У него по-прежнему щетина, будто бы не брился. Его кожа грубая под моими прикосновениями. — Пожалуйста.

Он качает головой.

— Я... я не могу.

— Да, да, ты можешь. — Наклоняюсь, желая быть ближе к нему. — Я помогу тебе.

Как ты помог мне.

Его теплое дыхание доносится до моей щеки, и оно ускоряется, когда его взгляд опускается на мои губы.

— Келли, я... — он быстро приближаться ко мне, и обрушивает свои губы на мои. Я вмиг раскрываю свои губы, и позволяю его языку проникнуть внутрь, выпуская сдерживаемый выдох. Я скучала по этому... по нему... больше, чем могу себе признаться. Он нужен мне. Так сильно.

Я хватаю его за рубашку, в то время как он тянет меня за шею, придвигая ближе, целуя меня, изучая мой рот своим языком грубыми, почти отчаянными, движениями. Его другая рука движется и лихорадочно хватается за мое бедро. Консоль упирается мне в живот, но мне все равно. Я просто хочу целовать его без остановки. Я никогда не хочу отпускать его и не хочу, чтобы он отпускал меня. Он так нужен мне.

Но потом он отпускает меня, дыхание сбившееся, а челюсти сжаты. Когда он смотрит на меня – его глаза холодны.

— Ты должна уйти... Извини, Келли. — Он выглядит так, как будто может сейчас заплакать. — Я не могу быть с тобой.

Я уверяю себя, что это потому, что ему больно, но неожиданно я возвращаюсь в старшую школу, возвращаюсь к тому времени, когда была никем, возвращаюсь к девушке-невидимке, которая погрязла в позоре.

— Фрик, — выкрикнула как-то Дейзи, когда я шла по коридору с низко опущенной головой. — Никто не хочет видеть тебя.

Я спешила по коридору, прижимая книги, и выбежала на улицу. Все бежала и бежала, пока не оказалась благополучно под трибунами рядом с футбольным полем, где никто не мог меня видеть. Я засунула два пальца себе в рот и давила на горло, пока не опустошится мой желудок от обеда. Затем я села в грязь и наблюдала сквозь сиденья за тренирующейся футбольной командой, мечтая о том, чтобы я навсегда могла остаться здесь.

Мое дыхание сбивается, когда я выхожу из машины в снег на зимний воздух. После того как я захлопываю дверь, шины прокручиваются в грязи, и он уезжает не обернувшись. Даже притом, что я хочу последовать за ним, я разворачиваюсь и иду с низко опущенной головой.

Кайдэн

Я официально заявляю, что я самый большой мудака в мире, выезжая с парковки. Пренебрежительно обошелся с самой грустной девушкой в мире, и не один раз, а два, и вдобавок ко всему – поцеловал ее. Я чертов идиот. Я вижу, как она смотрит на машину, когда выезжаю со стоянки на дорогу, ее голова опущена, и вероятно она чувствует себя дерьмово.

Но это для ее же блага, это то, что я продолжаю говорить себе. Однажды, она вспомнит все это и будет радоваться, что ей не пришлось иметь дело со мной всю жизнь. Мое бремя и мои проблемы должны касаться только меня, одного меня.

И все же... целовать ее снова было огромной проблемой. Я отдаляюсь от кафе, слякоть брызгает на лобовое стекло, когда я лечу вниз по главной дороге на машине моей матери. Мое сердце бьется глухо, летя так же быстро, как и машина, а губы горят от ощущения поцелуя. Внутри машины витает ее аромат, и я не могу перестать думать о том, как хорошо она пахнет, когда я приближался к ней, и какого это чувствовать, прикасаясь к ней.

Я никогда не должен покидать этот дом. Мама была пьяна и захотела что-нибудь съесть. Мне не хочется, чтобы она водила в нетрезвом виде, поэтому и согласился съездить. Но появиться в публичном месте было плохой идеей. Я знаю много людей, и многие осуждают меня. И потом... Келли была там... И видеть ее...

Слезы грозились вытечь из глаз, когда я оставлял ее около из кафе, но боль и печаль заставляют меня хотеть остановиться. Я не могу позволить чувствам вылезти наружу, ни тогда, когда у меня нет способа отключить их. Потом я буду иметь с ними дело и не смогу справиться. Но мои глаза продолжают наполняться водой, и становится чертовски сложно видеть. Все это кажется таким белым и сентиментальным, что я не могу сфокусироваться на дороге. Я должен остановиться, узел сжиматься в груди еще больше.

Держась за руль, я нагибаюсь к бардачку, надеюсь, что у мамы есть там отвертка или что-то острое. Мне просто нужно быстрое решение временно отключить чувства. Я продолжаю смотреть на дорогу, копаясь в бардачке. Есть куча бумаг, тюбик губной помады, пакетик освежителя воздуха.

— Блядь! — Здесь нет ничего острого. Я захлопываю крышку бардачка и сажусь вовремя, потому что впереди стоит маленькая голубая машина, остановившаяся посреди дороги, из которой валит дым.

Я нажимаю на педаль, и тормоза машины визжат до полной остановки. Снег и слякоть разбрызгивается в стороны, когда задняя часть машины теряет контроль и ее заносит. Машина останавливается в футе от столкновения.

Я бью ладонями по рулю. Я теряю контроль над всем... над чувствами, и в конечном итоге это может убить.

Только я не уверен, бояться мне этого или радоваться.

Глава 7.

#2 Не думать долго о многих вещах

Кайден

Прошло около полутора недель после моей выписки, и я чертовски взбешен. И шокирован. И во многих вещах до сих пор не могу разобраться. Последний раз я видел Келли, когда оставил ее в том кафе. С тех пор как сбежал от нее, она несколько раз пыталась мне позвонить, присылала сообщения, но я не отвечал.

Все время торчать дома тяжело, и немного уныло, особенно учитывая, что вчера было Рождество, которое никто не заметил. Хотя так было всегда. Мама избавилась от всех ножей, бритв и любых других острых предметов. Не уверен, ради отца или ради меня. Мой старший брат, Тайлер, тоже до сих пор здесь. Похоже, он потерял работу и жилье, поэтому теперь обосновался в подвале, где мы прятались, будучи детьми. А еще он пьет не меньше нашей матери. Отец ни разу не объявлялся после моего возвращения. Мама уверяет, что он в командировке, но мне почему-то кажется, что он просто прячется до тех пор, пока они не будут уверены, что я не стану говорить о событиях той ночи.

— Хорошие новости, — сообщает мама, когда я захожу на кухню. Сейчас ранее утро, но она уже при полном параде, с прической и макияжем. Она сидит за столом, попивает кофе, перед ней журнал и полупустая бутылка вина.

Я подхожу к кухонному шкафчику.

— Да ну.

Мама поднимает кружку.

— Да, если ты считаешь новости о том, что тебя не отправят в тюрьму, хорошими. — Она делает глоток, после чего ставит кофе обратно на стол. — Кажется, Калев и твой отец пришли к соглашению. Мы заплатим ему десять тысяч долларов в обмен на отказ от обвинений.

— Разве это законно?

— Какая разница, законно это или нет?

Я открываю дверцу и достаю коробку печенья Поп-Тартс.

— Разница есть... К тому же, откуда вам знать, вдруг он возьмет деньги, а потом все равно выдвинет обвинения. Кaleb ведь не какой-то там хороший, честный парень.

— Нет, он – парень, которого ты избил. — Она добавляет в кофе немного сливок. — Хватит спорить. Отец так разобрался с ситуацией. И скажи спасибо, что он разобрался.

Ненароком смеюсь.

— Сказать спасибо. — Я указываю на свой бок, где уже формируется шрам. — За что? За это?

Мама подносит кружку ко рту и злобно смотрит на меня.

— Ты про рану, которую сам себе нанес?

Я с силой захлопываю дверцу, отчего мама вздрагивает.

— Ты знаешь, что это неправда... и я бы хотел... я хотел... — Я бы хотел, чтобы она просто призналась, что знает, но ей безразлично. Уж лучше так, чем ее притворство, будто ничего не происходит.

Поставив кружку на стол, она перелистывает страницу журнала, беззаботно пожимая плечами.

— Мне известно только то, что ты сам себя порезал, а твоего отца даже дома не было той ночью.

— Мам, ты такая...

Она ударяет рукой по столу, ее тело дрожит.

— Кайден Оуэнс, мы больше не будем об этом говорить. Ситуация улажена, мы продолжаем жить дальше, как всегда делали.

Я опираюсь о кухонную стойку, заведя руки за спину, и сжимаю столешницу.

— Почему ты всегда защищаешь его? Ты должна защищать своих детей... только даже не хочешь признать, что происходит.

Мама подсакивает из-за стола, хватая свой журнал и кофе, и спешит к выходу.

— Тебе известно, каково расти в такой бедности, что твоей матери приходилось бы продавать себя на углу, чтобы купить для тебя поношенные туфли в секонд-хенде?

Она никогда не рассказывала о своем детстве или о своей матери, поэтому я ошеломлен.

— Нет... но я бы лучше вырос без хорошей обуви, чем с ежедневными побоями.

Мама разворачивается и швыряет в меня кружку, которая пролетает над моей головой и разбивается о стену. Острые осколки разлетаются по полу и застревают в щелях между плиткой.

— Неблагодарный мелкий засранец. Ты понятия не имеешь, как тебе повезло. — Она дрожит от злости, выпучив глаза.

Я перевожу взгляд с нее на осколки, потом опять на нее, раскрыв рот. Она еще никогда так не сердилась. Чаще всего мама ведет себя сдержанно. Но вспышка гнева в ее глазах угасает так же быстро, как вспыхивает. Она проводит руками по волосам, поправляя прическу, после чего выходит из комнаты, оставив уборку этого беспорядка мне.

Достаю веник из кладовой и собираю стекло, наблюдаю, как фрагменты падают в мусорную корзину с совка. Заметив на дне корзины туристические буклеты про туры в Париж и Пуэрто-Рико, задаюсь вопросом, а не туда ли уехал отец. Хотя эти города больше подходят для отдыха, чем для командировки.

Когда отношу веник обратно, вспоминаю ту ночь – неконтролируемую ярость в глазах отца, и чувство неизвестности поднимется в груди. Что со мной будет? Как мне вернуться к жизни после приятия мысли о неминуемой смерти? И будет ли у меня жизнь, к которой можно вернуться? Мама может сколько угодно притворяться, что все пройдет хорошо, что они купят молчание Калеба, но у меня есть сомнения, я ничуть не удивлюсь, если он возьмет деньги и все равно выдвинет обвинения.

Я продолжаю анализировать свои планы, спустившись в подвальную комнату и сидя в тишине. Достаю телефон из кармана, смотрю на экран, мой палец нависает над кнопкой вызова. Черт, мне так сильно хочется позвонить Келли. Потому что я чувствую – она сможет мне помочь, подскажет какие-нибудь ответы, даст причину снова возродиться.

— Эй, чувак. — Тайлер вваливается в комнату, захлопнув дверь локтем. У него в руке коричневый бумажный пакет; запрокинув голову назад, он делает глоток того, что в этом пакете скрыто, вытирает рот рукавом рубашки, потом протягивает свое пойло мне.

Отрицательно качаю головой и кладу телефон в карман, расценив появление Тайлера как знак не звонить Келли.

— Нет, спасибо, чувак.

Он пожимает плечами, отпивает еще, плюхается на кожаный диван, стоящий напротив меня. Тайлер выглядит скорее на тридцать, чем на двадцать, его одежда измята и поношена. У него нет одного зуба — сказал, что выбили в драке, но мне кажется, Тайлер вполне может сидеть на крэке или еще какой дряни, судя по язвам у него на лице. Его редящие волосы подстрижены коротко, от него несет сигаретами и перегаром.

— Ты тут надолго? — Тайлер закидывает ноги на кофейный столик; на подошве его ботинка виднеется дыра.

— Понятия не имею. — Я беру пульт, направляю его на телевизор. — Полагаю, все зависит от ситуации с Калобом.

Он снимает пакет с бутылки водки, подносит горлышко ко рту.

— Кстати, что между вами произошло? — Тайлер делает глоток, после чего с шумом опускает бутылку на стол. От давления у него на губах остался красноватый отпечаток – мне интересно, было ли ему больно, почувствовал ли он это вообще.

Включаю телевизор, листаю каналы. Я не хочу разговаривать с братом, ведь он так пьян, что завтра наверняка не вспомнит ни слова. Пусть я, скорее всего, не прав, но по-прежнему злюсь на него – Тайлер бросил меня тут, чтобы превратиться в такое.

— Это называется жизнь.

Он скептически смеется.

— Ты называешь драку с кем-то жизнью?

— Когда-то вся наша жизнь состояла из драк, — говорю я, и Тайлер нервно ерзает на месте. Щелкаю костяшками пальцев, разминаю шею, подавляя желание заехать кулаком в стол. — Я его не избил. Только сломал нос, выбил несколько зубов и оставил синяки на лице. И все.

— Да, но чем Калоб Миллер тебе насолил? — допытывается брат. — Когда я был тут в последний раз, он производил впечатление нормального парня.

Я снова щелкаю костяшками, надавливая как можно сильнее, до тех пор, пока не появляется ощущение, будто кожа вот-вот лопнет.

— Калев – хренов урод, ему сошел с рук поступок, за который его должны были посадить в тюрьму. Я с ним еще по-божески обошелся, он заслуживает худшего.

Поднимаюсь с дивана, не желая больше говорить на эту тему.

Тайлер поворачивается, следя за мной своими налитыми кровью глазами.

— Разве ты не избил его до потери сознания?

Качаю головой, распахнув дверь.

— Нет.

Я тоже так думал, только оказалось, он симулировал. Да, лицо Миллера напоминало синее месиво, но к тому времени, когда полицейские усадили меня в патрульную машину, он уже подскочил на ноги, извлекая всю возможную выгоду из ситуации.

Закончив разговор, выхожу на улицу. На мне нет пальто, лишь толстовка, но я даже рад холоду, пробираясь через заснеженный двор, прижимая руки к бокам. Обеих машин нет в гараже, остался только мотоцикл с ключом в зажигании. Провожу рукой по кожаному сиденью, вспоминая последний раз, когда на нем катался и разбил, пытаюсь перепрыгнуть через холм. Он черного цвета, обтекаемой формы, и совершенно не предназначен для прыжков – я тогда просто выделялся перед кучкой девчонок. Меня занесло на грязной дороге. Содрал себе весь бок – пустяк по сравнению с тем, что со мной иногда делал отец, или даже я сам.

Сгибая запястье, чувствую боль в мышцах на месте порезов, затем перекидываю ногу через сиденье, поворачиваю ключ и газую, параллельно удерживая тормоз. Мотор оживает, и на долю секунды я тоже чувствую себя живым. Подняв ногу на подставку, отпускаю тормоз и вылетаю из гаража на дорогу. На улице холоднее, чем в холодильнике, но могло быть хуже. Сегодня вообще-то теплый день для Афтона, и дороги расчищены. Я справлюсь, если не буду гнать. Мне просто нужно куда-нибудь уехать.

Куда угодно, лишь бы подальше отсюда.

Келли

Прошло чуть меньше недели с того момента как я видела Кайдена. Я писала и звонила ему пару раз, и все заканчивалось слезами, потому что он не отвечал. Я не могу перестать думать о пустоте и ярости в его глазах, когда он уходил. Сет писал ему сообщения несколько раз, но они всегда оставались без ответа. Это убивает меня, невозможность быть с ним и то, что он в доме наедине со своей ужасной семьей, хранит молчание о своей жизни. Молчание. Молчание. Почему всегда молчание? Хочу, чтобы мы оба были способны рассказать миру обо всем и стать свободными от оков тишины.

Мы с Сетом проводим много времени вместе вдали от моего дома, зависая в кафе, съедая кучу блинов, и колесим по дорогам, куда глаза глядят, делаем все, чтобы держать меня подальше от матери. Не то чтобы она наводила на меня ужас, просто она постоянно напоминает мне о моем чувстве долга перед братом и Калевом, ведь у них «дружба до гроба». Но вчера было Рождество, и она заставила нас торчать дома весь день. Прошел он не очень удачно, и все закончилось тем, что у нас завязался спор, и она утащила меня в сторону, чтобы сказать, что я не должна больше проводить время с Сетом.

— Он подозрительно веселый, — сказала она. — И мне не нравится его отношение.

— Тебе это не по душе, мам, — ответила я. — Но он мой друг, и останется им.

Разговор не завязывался, и она начала читать мне нотации о маленькой девочке, которую потеряла и которая никогда не дерзила.

— О чем думаешь? — спрашивает Сет. Мы в комнате над гаражом. День выдается неплохой, солнечный свет разливается по всему снегу и льду, расплавляя их. Я наблюдаю за ним некоторое время, как он отражается ото льда, насколько это совершенное явление, но знаю, что если выйду наружу – на холодную и скользкую поверхность, то от совершенства не останется и следа. — У тебя странное выражение лица... словно ты задумала убить кого-то.

Я стою около подоконника, пиная боксерскую грушу босыми ногами. Папа принес ее в комнату несколько дней назад, после того, как мама подарила ему ее на Рождество как способ «прийти в форму».

— Я просто думала о всяком.

Он листает страницы журнала, лежа животом на кровати.

— Например?

Я качаю головой, ударяя кулаком в грушу и едва сдвигая ее с места. Пот каплями стекает по затылку, а волосы, собранные в хвосте, так и норовят выбраться из-под резинки.

— Да так. Ничего... только о погоде.

Его брови взмывают вверх, когда он смотрит вверх журнала. На нем надеты джинсы с полосатой рубашкой и кожаный ремешок на шее.

— О погоде?

Пожимаю плечами, отводя ногу в сторону, и еще раз ударяю коленом по груше. Восстанавливая дыхание, подхожу к кровати, чувствую холодный бетон под ногами, и спешу запрыгнуть на матрас.

— Да, иногда мне нравится анализировать ее, и что все это может означать относительно жизни.

Он переворачивает страницу, глядя на меня.

— Ты очень странная. Знаешь это?

Я киваю, заталкивая ноги под одеяло.

— Мне говорили об этом несколько раз.

Он вздыхает, разглядывая мою одежду.

— Ты собираешься провести в этом весь день? Я надеялся, что мы прогуляемся.

Опираюсь спиной на стену, размахивая руками перед лицом, пытаюсь остыть.

— Куда?

— Куда угодно лишь бы не торчать здесь.

— Это место уже утомило тебя, да?

Он качает головой и начинает читать страницу перед собой.

— Нет, но эта комната и тот факт, что ты продолжаешь висеть где-то там в своей «потрясенной стране Келли». Ты сводишь меня с ума... Ты сама сходишь с ума с того дня как встретила Кайдена в кафе. — Он смотрит на меня из-под своих длинных черных ресниц. Прясть волос падает ему на глаза, но он даже не утруждается откинуть их назад. Видимо ожидая от меня ответа.

— Что не так? — Спрашиваю я, кладя руку на живот.

Он недовольно поглядывает на меня и грубо переворачивает очередную страницу, случайно отрывая от нее уголок.

— Ты что-то скрываешь от меня, о том, что произошло в кафе... когда ты выбежала на улицу.

— Нет, это не так, — я лгу, боясь говорить об этом и боясь того, что Сет скажет, что это означает.

Он, щурясь, указывает на меня пальцем.

— Не обманывай меня, Келли. Просто скажи, о чем так не хочешь рассказывать мне. Не нужно лгать.

Я опускаю лицо, хмурясь.

— Прости. Я правда не хочу говорить об этом. Будет слишком сложно... узнать, что это значит... узнать о том, что я чувствую.

Он молчит, взвешивая мои слова, а потом переводит взгляд к окну, где лежит мой дневник.

— Ты написала об этом?

Я качаю головой и вытираю пот с ладоней.

— И не хочу.

— Ты когда-нибудь писала о том, что чувствовала той ночью... о Кайдене?

— Нет, — отвечаю ему. — И как я уже говорила, мне действительно этого не хочется.

Он вытягивает руки и приподнимается вверх. Стоя на коленях, он пододвигается ближе ко мне, пока не оказывается рядом.

— Возможно, тебе стоит. Может быть тебе стоит написать письмо Кайдену, рассказать о своих чувствах, не только по поводу того что произошла, но и о том, как ты относишься к нему.

— Сет, не думаю, что смогу. — Поворачиваюсь на спину и смотрю вверх на пятно на потолке. — Я боюсь того, что буду писать... того, что я действительно ощущаю и того, как он отреагирует.

Боюсь того, что запертое внутри сердце вырвется на свободу и тогда мне придется иметь с этим дело.

Он берет мою руку в свою.

— Келли, милая, думаю, если мы чему-то и научились в нашей жизни так это тому, что если боишься, тогда и жить не стоит.

— Я знаю, — говорю мягко, понимая, сколько всего сдерживала. С тех пор, как это произошло – моя грудь, чувства и сердце были затянуты в тугий узел. — Но что, если я узнаю что-то, чего не хочу знать?

— Но так лучше, чем скрывать и подавлять это, правда ведь?

Я сжимаю губы вместе, слушая гул обогревателя, тщательно обдумывая его слова. Затем заставляю себя сесть.

— Ты очень мудрый человек, Сет.

— Ну, это и ежу понятно. — Он закатывает глаза и улыбается. — Это понятно каждому, кто встречает меня.

Моя улыбка становится шире, потому что не смотря на то, что все закончится на бумаге, когда я кратко запишу свои мысли – у меня будет Сет, и знаю, что в отличии от прошлого, в настоящем я буду не одна.

Я забираю дневник с подоконника и сворачиваюсь в клубок на кровати, держа кончик ручки на бумаге, готовая признаться, что на самом деле кроется внутри темных закутков моего сердца, чего боюсь, но отчаянно хочу, чем что-либо в своей жизни.

~ ~ ~

Час спустя я выхожу из гаража с ощущением легкости, практически парю. Сет был прав. Написать о своих чувствах было хорошей идеей. Я чувствую себя намного лучше. Это странно, потому что я пишу о Кайдене все время, но писать ему письмо совсем другая вещь, ведь в один прекрасный день, если я наберусь мужества, он сможет его прочитать.

Я направляюсь к дороге, где Люк ждет меня в грузовике, чтобы провести со мной и Сетом немного времени. Сет обгоняет меня, пока я спускаюсь вниз по ступенькам, он смеется над чем-то, и это заставляет меня улыбаться. На улице прохладно, а небо застелено тучными облаками. Пока снега нет, но скорее всего к концу дня он пойдет.

Я уже на полпути к дороге, желая быстрее уйти из дома ненадолго, как входная дверь распахивается и из нее выходит Джексон.

Его каштановые волосы влажные, одет он в плотное зеленое пальто, джинсы и ботинки со шнуровкой, которые тут же утопают в снегу.

— Привет, мне нужно поговорить с тобой. — Он быстро спускается вниз по ступенькам, держа руку за перила.

Я останавливаюсь и жду его возле лестницы, накидывая капюшон на голову и пряча руки в карманы.

— О чем?

Он тормозит на нижней ступеньке, и я поворачиваю голову, чтобы взглянуть на него.

— О твоей преданности этой семье, — отвечает он.

Ледяной ветер опаляет щеки.

— Я и так предана семье.

Он качает головой и указывает пальцем на ржавый 1980 года грузовик Люка, припаркованный в конце дороги.

— Нет, если ты гуляешь с ним.

— С Люком?

— С лучшим другом Кайдена.

Я собираюсь уходить, но его пальцы ловят мою руку, и его ногти впиваются в ткань пальто словно клешни, когда он тянет меня обратно.

— Ты знаешь, что он был там в тот вечер? — рычит он. — Люк был там, когда Кайден избил Калеба, и даже не попытался остановить его.

Я вырываю свою руку, но он усиливает хватку.

— Джексон, отпусти меня. — Сгибаю локоть, пытаюсь вырваться, но он не позволяет мне уйти. — Пожалуйста, ты делаешь мне больно.

Его глаза холодны, как снег под моими ногами, и пальцы размыкаются на моей руке. Я пячусь назад, ближе к дому, чтобы обрести опору.

— Мы с Калобом лучшие друзьями с шести лет, и ты, Келли, раньше дружила с ним также.

Я направляюсь обратно к дороге прочь от него, дрожа от этой стычки.

— Я не хочу больше говорить об этом.

— Ты никогда и ни о чем не хочешь говорить, Келли. — Он сгибает колени и шагает на следующую ступень, не оборачиваясь. — Ты просто закрываешься и уходишь в свой странный маленький закуток.

— Потому что я должна! — Я убегаю и несусь вниз по дороге. Тот странный маленький закуток, о котором он говорил, скорее дом, которым это место никогда не будет. У этого места есть воспоминания, которые словно нож по горлу для меня каждый раз, когда я ступаю за порог.

Я запрыгиваю в грузовик, и теплый поток воздуха из кондиционера успокаивает меня. Пролезаю по коленям Сета, потому что он отказывается быть «сучкой водителя», и сажусь в середине. Как только я располагаюсь и пристегиваю ремень безопасности, Люк сдает назад и выезжает на дорогу. Мой брат стоит на верхней ступеньке и наблюдает за нами, засунув руки в карманы.

— В чем его проблема? — спрашивает Сет, кивая головой в сторону Джексона.

— Он расстроен из-за чепухи. — Держу руки над обогревателем, чтобы согреть их. Я чувствую как Люк и Сет тарашатся на меня, но я не хочу смотреть на них. Держу голову опущенной и дышу через нос, чтобы сдержать горячие слезы, рвущиеся наружу.

Грузовик подсакивает вверх вниз, когда Люк наезжает на снежный бугор, а после переключает скорость, и мы мчимся по заснеженной дороге. Радио тихонько играет на заднем плане, а двигатель издает звенящие звуки. На полпути через город Сет и Люк вынимают свои сигареты и открывают окна так, чтобы можно было курить. Становится холодно и дымно, и моя голова наполняется темными мыслями.

Я бы хотела рассказать все. Мне бы хотелось зайти в дом, когда мама, папа и Джексон соберутся за одним столом. И чтобы у меня был громкий голос, а не дрожащий, и я наконец-то рассказала им. Они бы обняли меня, утешили, и сказали бы, что все будет в порядке.

Но я знаю, все было бы не так. После случившегося прошло почти шесть лет, и каждый год я провожу в тени молчания, возлагаю еще большую тяжесть на плечи. Все тяжелее становится решиться на то, чтобы рассказать правду, и время отяжеляет это для понимания людей.

Сет и Люк выбрасывают бычки в окна, когда мы заезжаем на подъездную дорожку Люка. Хлопья серого пепла залетают обратно в кабину и приземляются на мою одежду. Я видела его дом раньше, когда мама возила меня в школу, но по-настоящему никогда не бывала там, и я мало что знаю о его родителях, кроме того, что они развелись еще в молодости. Этот дом небольшой, с зеленой обшивкой, отчаянно нуждающейся в покраске. Во дворе много снега, по середине которого стоит дерево рядом с тропинкой ведущей к крыльцу.

Люк припарковывает грузовик и поворачивает ключ, заглушая двигатель. Он смотрит на свой дом, вытаскивая ключ из зажигания и кладя его в карман черной куртки.

— Матери здесь нет, — говорит он. — И я предлагаю свалить отсюда прежде, чем она вернется.

— Что же мы здесь делаем? — Удивляется Сет, нажимая большим пальцем на застежку, чтобы отстегнуть ремень безопасности. Затем нажимает на мою, освобождая меня от ремня.

— Мы создаем план, — заявляет он с задумчивым выражением на лице, проводя рукой по подстриженным каштановым волосам.

Сет и я обмениваемся взглядами.

— План? — спрашиваем мы одновременно.

— Чтобы выбраться из этого места. — Он тянет за ручку и открывает дверь. — Не знаю как вам, а мне осточертело все время торчать здесь. Это угнетает.

— Мы куда-нибудь поедем? — Интересуется Сет, открывая дверь грузовика, и выбирается наружу, наступая на легкий слой инея, покрывающий узкую дорогу.

Люк выскакивает на улицу и оборачивается назад ко мне, держась одной рукой поверх двери.

— Куда угодно, только не быть здесь.

Я поглядываю на его дом, размышляя, что же в нем такого плохого. Перебираюсь через сиденье к открытой двери, где меня ждет Сет с протянутой рукой.

— Какие конкретно есть идеи, куда мы можем поехать? — Проскальзываю своими пальцами в его и выпрыгиваю, скользя по люду, но Сет ловит меня за руку и спасает от болезненного падения.

— Где подешевле, — говорит Сет, помогая мне прийти в равновесие. — Не знаю на счет вас, но я прилично разорился с этими рождественскими подарками.

— Я все еще не могу поверить, что ты купил все рождественские подарки в Квики марте, — говорю ему, пока он захлопывает дверцу. Я верчу на запястье браслет за 50 центов, что он подарил мне, с прикрепленным маленьким очаровательным золотым медвежонком, чтобы напомнить мне о «лучших временах» как он выразился, когда дарил его. Он имел в виду ярмарку, где Кайден и я впервые поцеловались, и где он выиграл мне плюшевого медведя, которого мы нарядили и оставили с табличкой «забери меня домой».

— Ой, ты же знаешь, что любишь его. — Он улыбается мне, а затем просовывает свою руку под моим локтем, и мы идем за Люком вверх по тропинке к входной двери.

Люк распахивает дверь и отступает в сторону, придерживая ее для меня и Сета. Мы поворачиваемся боком, чтобы пройти сквозь двери, не отпуская друг друга, Люк следует за нами и закрывает дверь.

Я чувствую что-то неладное, шагая внутрь. Окна занавешены тяжелыми полосатыми занавесками, отчего внутри темно, а в воздухе ощущается запах плесени. Диван с оранжево-коричневым пледом накрыты целлофаном, а еще большой ворсистый коричневый ковер тоже спрятан под целлофаном. В стене есть встроенные полки и на одной из них, выстроены в ряд фигурки животных, сгруппированных по породам. Растения украшают подоконники и выставлены от меньшего к большему, но они все коричневые и увядающие. Тут слишком холодно, так, что я могу видеть пар перед лицом, когда выдыхаю воздух, и который смешивается с пылью.

— Зачем целлофан? — спрашивает Сет, когда Люк движется по коридору в дальний угол комнаты.

Люк пожимает плечами и регулирует термостат.

— Моя мать сумасшедшая.

Мы не произносим ни слова. Покидаем гостиную и идем по коридору. Я обращаю внимание на голые стены, где нет ни фотографий, ни картин, ни каких-либо украшений и от этого становится холоднее. Моя нервозность обостряется, от того что воздух, действительно, наполнен пылью, что осложняет дыхание. Когда мы доходим до конца коридора, Люк открывает дверь, и я шагаю в комнату с чистым воздухом.

— Вот, это моя комната, — смущаясь, говорит Люк, а затем отпускает шутку. — Только вы двое, помимо Кайдена, осмелились ступить в эту дырку в заднице.

Я в свою очередь осматриваюсь вокруг, обращая внимание на кровать, постеры с группами приклеенные к стенам, компьютер и стол, похоже еще с 90-ых годов. Все очень чисто и аккуратно, не так, как в гостиной.

— Это не дырка в заднице, — заверяю я его. — Это твоя комната.

Он, кажется, рад моим словам и его напряженные плечи слегка расслабляются.

— Ну, я рад, что ты так думаешь, потому что я чертовски уверен, что это не так. — Он похлопывает передний карман куртки, и вытаскивает из него пачку сигарет. — Да, и кстати, это довольно забавно, когда ты ругаешься.

Он не закуривает, а просто держит пачку в руке, словно это его бронезилет.

Сет сидит на кровати, слегка подпрыгивая верх и вниз, скрепя матрасом.

— Так в чем же твой гениальный план? — спрашивает он, скрестив ноги.

Все еще держа сигареты, Люк закатывает рукава и направляется к креслу перед компьютером. Он нажимает на кнопку питания на процессоре, а затем садится в кресло, ожидая загрузки. Затем тянется одной рукой к ай-поду, лежащему возле компьютера. Напевая что-то себе под нос, прокручивает песни, и я вопросительно смотрю на Сета.

Сет приподнимает брови и поворачивает голову к Люку.

— Так ты собираешься рассказать нам, или нам нужно будет догадаться?

— Вам придется догадаться. — Люк кладет ай-под вниз, и, затем, включается песня “Running Away” Hoobastank.

— Мы должны угадать песню? — На лице Сета блещет энтузиазм, пока он садится ровно.

Люк кивает, открывая поисковик и нажимая несколько клавиш на клавиатуре.

— Ага.

Сет постукивает пальце по подбородку, наслаждаясь игрой.

— Мы убегаем?

Люк берет в рот сигарету, а потом хлопает в ладоши.

— Bravo. Просто красава.

Я бросаю на Сета непонимающий взгляд, а он просто пожимает плечами.

— Что? Я люблю игры.

Я вздыхаю.

— Я, кажется, единственная, кто возражает против того, чтобы мы говорили о бегстве?

Они оба пожимают плечами, и я слоняюсь по комнате, рассматривая плакаты Люка и маленькие безделушки, разбросанные повсюду. Сет достает телефон и начинает набирать сообщение, а Люк продолжает орудовать с клавиатурой и щелкать мышью. По всей

комнате расставлены фотографии, на некоторых он с женщиной, которая очень на него похожа, и я предполагаю, что это его мама. Еще есть фотографии с другой девушкой, намного старше Люка, и у нее такие же карие глаза, как и у него. Возможно, это тетя или сестра, но мне казалось, что она была намного моложе. На нескольких фотографиях он с горсткой случайных девушек и с Кайденом. Они стоят возле черного мотоцикла и улыбаются, выглядя счастливыми. На мотоцикле есть вмятина, а на руке Кайдена – царапины и кровоподтеки.

— Он разбил его, — уточняет Люк. Оборачиваясь, вижу, что он смотрит на меня из-за компьютерного стола, откинувшись в кресле. — Он пытался перепрыгнуть через холм и разбил его.

— Кажется, я помню. — Смотрю на фотографию снова. — Это было в тот год, когда он не мог играть несколько недель, потому что поранил руку, верно?

— Да, тот самый. И мы проиграли три игры подряд из-за этого.

— Мой папа был так зол. — Я оборачиваюсь к нему лицом. — У него была привычка обсуждать это во время обеда.

— Держу пари, что это так. — Уголки рта Люка ползут вверх, и я понимаю, что он очень мало улыбается. — Он раньше устраивал нам разносы во время тренировок.

Мысли о Кайдене разрывают мое сердце.

— Может нам следует встретиться с ним, — предлагаю я.

— Я планировал это. — Люк щелкает мышкой на кнопку «печатать страницу», и принтер начинает работать. — Сразу после этого я планирую наш побег.

— Разве мы не слишком стары, чтобы убегать? — Удивляется Сет, отрываясь от телефона. — Разве это не будет небольшим дорожным путешествием, которое я предложил несколько дней назад?

— «Побег» звучит более рискованно, — признаю я. — Словно мы делаем что-то скандальное.

Плечи Сета начинают ходить ходуном, когда он издает пронзительный смех.

— Боже, я плохо на тебя влияю.

Мой рот приоткрывается, и я нахмуриваюсь.

— Что я такого сказала?

Он встает, чтобы убрать телефон в карман.

— «Скандальное». Это то, что я бы сказал. — И заваливается обратно на кровать.

Я пожимаю плечами и вожу пальцем ноги по ковру, чувствую я себя идиоткой.

— И что? Это комплимент, быть как ты.

Весь задор улетучивается с его лица и из медово-карих глаз. За несколько секунд он притягивает меня в свои объятия и крепко обнимает, словно я самая важная вещь в мире для него.

— Никогда не меняйся, Келли Лоуренс, — шепчет он мне в волосы. — Обещай мне, что не будешь.

Я обнимаю его в ответ и кладу подбородок ему на плечо.

— Не буду. Обещаю.

Принтер издает пронзительные звуки, а кнопки светиться и мигать, и Люк прочищает горло.

— Очень не хочется нарушать вашу идиллию, но я готов поделиться планом.

Мы отстраняемся друг от друга, но по-прежнему держимся за руки, обращая внимание на него. Он вертится в кресле назад и вперед, назад и вперед, пока принтер выдает бумагу с чернилами. Когда аппарат замолкает, он собирает бумаги и вытаскивает один листок. На нем картинка голубого пляжного домика воле океана. Небо чистое, а солнечный свет отражается от воды, и делает ее похожей на хрусталь.

— Ты хочешь, чтобы мы поехали на пляж? — Сет недоверчиво смотрит на фотографию, наклоняясь вперед.

Люк кивает, выкладывая бумаги в линию на столе.

— Да, у моего отца есть пляжный домик в Калифорнии, который он почти никогда не использует, и у меня есть ключ.

— Хочешь, чтобы мы поехали в Калифорнию? — Сет таращится на него, как на сумасшедшего.

Люк отключает компьютер, хватая бумаги и двигается к шкафу, держа их под рукой.

— Это всего лишь в десяти часах.

Сет смотрит на меня недоверчиво.

— В самом деле? Всего десять часов?

— Я никогда не была на пляже, — признаюсь я. Когда Сет и Люк таращатся на меня, я пожимаю плечами. — Что? Моей семье не нравится путешествовать. Моя бабушка и дедушка живут во Флориде, но в центре, и каждый раз, когда мы бывали там, мама отказывалась ездить куда-либо, кроме ближайшего продуктового магазина. А папе всегда просто хочется посмотреть спортивные отделы.

Люк могает, качая головой, а после начинает стаскивать рубашки с вешалок, некоторые спадают на коричневый ковер, но он их не подбирает.

— Ну, что дает нам еще один повод, чтобы поехать.

Сет кивает в знак согласия.

— Полностью согласен. И могу сказать, что это блестящий план. Гораздо более блестящий, чем моя старческая поездка в небесный курорт.

Люк бросает несколько рубашек и брюк в большой темно-синий рюкзак, который достал с верхней полки, а затем добавляет полосатые шорты и пару сандалий и кладет рюкзак на кровать.

— Я просто отчаянно пытаюсь свалить отсюда, чувак. Вот и все.

Интересно от чего он бежит.

— Как долго мы будем в бегах?

Плечо Люка движется вверх и вниз, когда он застегивает рюкзак.

— Думаю, до конца каникул.

Я смотрю на Сета, чтобы увидеть согласен ли он, а тот лишь качает головой.

— Нам больше нечем заняться, кроме того, чтобы тусить с твоей мамой. — Его лицо выражает отвращение. — И я, например, не хочу этим заниматься.

— Да, но сказать маме, что я не собираюсь быть здесь на Новый год...которым она будет заправлять, — говорю я им.

— Так не говори ей, — отвечает Сет просто. — Напиши сообщение, когда мы будем в дороге.

Я обдумываю эту идею, куда меньше, чем ожидала.

— Я смогу это сделать.

Сет светится и указывает пальцем на грудь.

— Я очень плохо влияю на тебя, и я рад этому.

Люк вешает сумку на плечо, сворачивает аккуратно бумаги, а затем кладет их в задний карман штанов.

— Готовы отправиться в путь? — Он идет к двери, захватит ключи от своего грузовика со стола. — Мы остановимся, чтобы забрать ваши вещи, а после заберем Кайдена.

— Но как мы заберем Кайдена? — Спрашиваю я, пока мы с Сетом следуем за ним через всю комнату. — Он даже не стал говорить со мной, когда я приходила. А что если он не захочет поехать?

Его пальцы оборачиваются вокруг дверной ручки, а затем он открывает дверь.

— Мне плевать чего он хочет. Он должен поехать и отвлечься от этой гребаной камеры пыток, также известной как его дом. Дерьмово, что он там. — Он выходит в коридор и смотрит на меня через плечо. — Кроме того, мы научим тебя, как быть более убедительной.

— Мы? — спрашиваю в замешательстве. Я стараюсь дышать через рот, выходя в коридор, где воздух вновь становится удушающим. — То есть...

Он кивает в сторону Сета, который посылает нам блестящую улыбку.

— То есть Сет и я.

Я сугулюсь, пока мы движемся дальше по коридору со спертым воздухом.

— Я просто переживаю, что мы сделаем ему только хуже, забирая его с собой.

Люк резко останавливается. Хватаясь за ремень сумки и поворачиваясь ко мне лицом, при этом ударяясь сумкой о стену.

— Келли, я знаю Кайдена вечно, и поверь мне, тот дом причинит ему куда больше вреда, нежели поездка с нами.

— Хорошо, — соглашаюсь с ним, но мой живот все равно стягивает в крепкий узел. Не потому, что я хочу, чтобы он остался дом, а потому что волнуюсь. Волнуюсь, что сделаю что-то не так – и снова все испорчу. Переживаю, что он вновь окажется лежащим на полу в луже собственной крови.

Неожиданно слышится хлопок входной двери, и звуки суматохи заполняют дом.

— Люк, — зовет кто-то громко.

Тело Люка напрягается, и его дыхание сбивается.

— Дерьмо.

— Что случилось? — шепчу я, но Люк не отвечает. Он просто стоит, заснув руки в карманы брюк и стиснув зубы.

Сумка начинает падать с его плеча, и я хватаюсь за него, а затем отхожу, когда он разворачивается в обратную сторону. Сет тащит меня за рубашку, когда мы спешим назад, а Люк быстро шагает, возвращается в комнату и направляется к окну.

— Нам придется идти этим путем, — утверждает он, открывая щеколду и поднимая окно. Свежий воздухом потоком проходит сквозь мои волосы и касается щеки.

— Что? — Сет всматривается вниз на высокий сугроб. — Ты с ума сошел? Мы застрянем в снегу.

Люк качает головой, возвращаясь к столу.

— Нет, не застрянем. Правда.

— Люк! — кричит женщина. — Я знаю, что ты здесь, так что выходи, где бы ты ни был.

— Пожалуйста, — умоляет Люк, со страхом в больших карих глазах, загребая ай-под со стола.

Я видела подобный страх в своих глазах и глаза Кайдена. Без всяких сомнений я перекидываю ногу через подоконник.

Пальцы Сета оборачиваются вокруг моей кожи, когда он хватается меня за локоть.

— Келли, ты в своем уме?

Я вырываю локоть из его руки, и забираюсь на подоконник, прежде чем он сможет меня схватить снова. Наклонившись, я сжимаю кулаки и прыгаю из окна. Когда я оказываюсь на земли, ноги по колено тонут в снегу и влага мгновенно просачивается сквозь джинсы и обувь. Несколько секунд спустя Люк приземляется возле меня. Не теряя времени, чтобы не погрязнуть слишком глубоко, он сгибает колени и подается вперед, скользя по склону. Он бросает свою сумку и лезет обратно на горку, подавая мне руки. Я хватаюсь за них, хотя моей первой реакцией было – это желание отпрянуть. Легким рывком он освобождает мои ноги из снежного плена, и я скатываюсь с горы на животе, моя рубашка немного задирается и лед жалит кожу.

Когда я поворачиваюсь на спину и смотрю в окно, то вижу болтающиеся ноги Сета. Он заглядывает через плечо в комнату и качает головой.

— А как же окно?

Люк поднимает сумку, и прежде чем повесить ее на плечо, отчищает от снега.

— А что с ним? — Он идет в сторону дома, топя ботинками по двору. — Оставь его открытым, мне все равно. Я просто хочу свалить отсюда.

Сет вздыхает, а затем, отталкиваясь руками, он спрыгивает с подоконника и падает в снег. Как и я, он утопает, но тут же двигает бедрами и сгибает колени. Он легко освобождает одну ногу и падает на руки. Цепляясь пальцами за снег, вытаскивает другую ногу, а затем скатывает вниз.

— Черт. — Он переворачивается на живот и отталкивается руками и коленями, задыхаясь. — Это было невесело.

— Что ты думаешь об этом? — задаю я вопрос, бросая быстрый взгляд через плечо на Люка, щелкающего зажигалкой и поджигающего сигарету. Он стоит недалеко от угла дома, проводя рукой по волосам и бормоча что-то под нос.

Сет качает головой.

— Не знаю, но у меня складываются ощущения, что этот план побега, для того, чтобы убежать от того, кто был в доме.

Я подаю Сету руку, и он переплетает наши пальцы.

— Думаю, что это его мама. — Я помогаю ему подняться, и он держит меня за руку, пока мы идем по снегу к Люку, скрепя ботинками, пока не доходим до ровной поверхности недалеко от угла.

Мы не задаем ему вопросов, потому что и Сет и я знаем необходимость в секретах. Если он захочет поговорить с нами, то поговорит. Мы выходим на тропинку, на тонкий лед, и Люк следует вниз к дороге. Когда мы обходим заднюю часть дома, где припаркован грузовик Люка, моя рука отпускает руку Сета. Там Кайден и мотоцикл с фотографии с вмятинами.

— Кайден. — Выдыхаю я при виде него. Его губы синие, а вместо пальто на нем обычная ветровка. Его каштановые волосы торчат в разные стороны, а щеки стали ярко-красными. Он выглядит словно заледенелая статуя, и у меня срабатывает инстинкт бежать к нему, что я и делаю, передвигая ногами слишком быстро, совершенно забыв, что стою на льду.

Делаю два шага вперед и скольжу, а ноги подворачиваются. Я лечу в воздухе, как раненая птица. Руки Сета пытаются поймать меня, но не успевают, и я падаю плашмя на спину, а голова ударяется об лед. Это причиняет боль, и я встаю не сразу. Но не уверена это все из-за боли или от того, что когда я встану, мне придется иметь дело с тем, что он, возможно, снова собирается убежать от меня.

~ ~ ~

Кайден

Я разъезжаю по улицам, кажется, целую вечность. Когда мои пальцы и губы немеют так же, как все внутри меня, решаю поехать к Люку, потому что уж лучше к нему, чем домой. У меня мелькает мысль съездить к Келли, дом которой находится на другом конце города, но могу только представить, что из этого выйдет, ведь ее родители питают теплые чувства к подонку, которого я избил.

К тому же, мне надо держаться от нее подальше. Это важно. Ради нее.

Я останавливаю мотоцикл у тротуара и с чувством облегчения замечаю пикап Люка на подъездной дорожке. Только сразу же напрягаюсь, когда вижу, что Кадиллак его матери припаркован рядом. Мне не хочется ни с кем разговаривать, к тому же, мама Люка странная и любит нести всякую чушь. Она точно захочет поговорить, особенно после того, как наслушалась сплетен обо мне.

С трудом отнимаю свои заледенелые пальцы от руля, слезаю с сиденья. И стою, глядя на дом, решая, действительно ли хочу зайти. Люк наверняка не станет допытываться о случившемся, однако вопрос все равно повиснет в воздухе.

Я уже практически готов сесть обратно на мотоцикл и уехать отсюда, когда с заднего двора выходит Люк, с сумкой на плече. Я начинаю двигаться в его сторону, но за ним следом идут Келли и Сет, держась за руки. Келли, похоже, проблематично сохранять равновесие на льду. Ее внимание сосредоточено на тротуаре, затем она поднимает свои голубые глаза на меня, они расширяются, и Келли отпускает руку Сета. Ветер треплет ее каштановые волосы, когда она бежит ко мне. Я отступаю, но Келли поскользывается и падает на землю. В несколько широких шагов пересекаю заснеженный двор, подходя к ней. Ее волосы растрепаны, глаза кажутся огромными и блестящими. Бледная гладкая кожа, с каждым сантиметром которой я знаком, под стать снегу. Келли моргает, прижимая руку к голове, и испускает мученический стон, от которого у меня разрывается сердце.

— Больно. — Она вздыхает, выпятив нижнюю губу, ее грудь вздымается и опадает.

Самое чертовски милое зрелище, которое я когда-либо видел, на секунду оно возвращает меня в ее кровать, где Келли доверчиво смотрела на меня, пока я двигался внутри нее. Но протягивая ей руку, замечаю шрам на запястье, и вот я снова на полу у себя дома, мой отец вонзает в меня нож. Я замерз, беспомощен, и не знаю, что в итоге со мной будет.

Келли кладет свою ладонь в мою, и теплота обволакивает мое тело. Я поднимаю ее на ноги, не в силах сдержаться, обнимаю одной рукой за талию, помогая ей выпрямиться. Так приятно вновь держать ее; я начинаю задыхаться. Что, черт возьми, со мной происходит?

Она поднимает голову, смотрит на меня своими огромными глазами.

— Привет. — Келли прикусывает губу, словно стыдясь, что выбрала именно это слово.

На сей раз, я решаю поступить лучше, чем прошлый, когда она со мной поздоровалась.

— Привет. — Провожу пальцами по ее волосам, отряхивая снежинки.

На ее губах появляется улыбка.

— Ты в порядке? — Келли дотрагивается до моей холодной кожи и хмурится. — Ты замерз.

Я не могу не улыбнуться.

— Ты только что упала и ударилась головой, но спрашиваешь, в порядке ли я?

Келли кивает, будто не посчитав вопрос странным.

— Ты приехал сюда на байке? — Она смотрит на мотоцикл, потом обратно на меня. — Без пальто?

Мои пальцы крепче сжимают ее бедра, в основном потому, что я ищу предлог к ней прикоснуться.

— Может быть.

Она хмурится.

— Тебе должно быть холодно.

— Не очень, — лгу я.

— Эммм... ребят? — перебивает Люк, и мы с Келли возвращаемся из нашего собственного маленького мира.

Смотрю на него, притягивая Келли ближе к своей груди.

— Что?

Люк указывает на дом, откуда его мать смотрит на нас из окна, окруженного сосульками.

— Вы не против, если мы поговорим в другом месте. Я бы хотел убраться отсюда ко всем чертям.

— Да, конечно, приятель. — Я пытаюсь отпустить Келли, но она проводит ладонью по моей руке от плеча вниз.

— Я еду с тобой, — говорит она, переплетая наши пальцы.

Я качаю головой, оттягивая руку от нее.

— Ни за что. Ты замерзнешь до смерти.

Она расправляет плечи, решительно глядя на меня.

— Да, я еду с тобой.

Смотрю на Сета, который возится с завязками своего капюшона.

— Не поможешь мне?

— Конечно. — Сет расстегивает, затем снимает свою куртку. — Надень.

Он кидает куртку Келли. Та ее ловит, улыбаясь.

— Она заледенеет, — говорю я, пока Келли одевается. Ее миниатюрное тело практически утопает в этой куртке.

Сет поднимает брови, одергивая рукава своей черной рубашки, после чего отступает к машине Люка.

— С ней все будет нормально. Она гораздо выносливей, чем тебе кажется.

Келли застегивает молнию до подбородка, потом, собрав волосы, натягивает капюшон. Она поднимает глаза на меня, в них виднеется такая сила воли, что я не знаю, как с ней быть. Келли обычно выглядит хрупкой и уязвимой.

— Ты уверена? — спрашиваю, надеясь, что она передумает. — Потому что будет жутко холодно.

Обойдя меня, Келли направляется к байку, уверенно задирая подбородок, даже когда ее ноги увязают в снегу.

— Абсолютно. — Улыбка трогает ее рубиновые губы, а в голосе слышатся шутливые интонации. — К тому же, в аду тепло.

Едва не рассмеявшись, иду следом за ней; слой снега доходит мне до лодыжек.

— Ладно, если ты так хочешь.

— Кайден, — окликает меня Люк. Я неохотно оборачиваюсь.

— Не наддай глупостей, — говорит он, и на мгновение между нами все по-старому. Люк просто мой друг, а не парень, видевший меня лежащим на полу в луже крови и с порезами на руках, которые я сам себе нанес. Он кидает мне одну из запасных курток — плотную, коричневого цвета, с теплоизолирующей подкладкой — которые хранит в пикапе на случай поломки. Ему нравится всегда быть ко всему готовым.

Надеваю куртку, хотя мне было приятно холодом вытеснить из себя боль. Натянув капюшон, оборачиваюсь, и вижу Келли, сидящую на мотоцикле. Она хорошо на нем смотрится, словно ей тут самое место, отчего мне становится беспокойно — не хочу, чтобы ее место было рядом со мной. Я хочу, чтобы она была рядом с тем, кто сделает ее счастливой, даже если это значит, что мне придется страдать до конца жизни.

Осторожно приближаюсь к байку, гадая, куда лучше посадить Келли — спереди или сзади.

Она отодвигается назад, не глядя в мою сторону, и проводит пальцами по вмятине на баке.

— Ты однажды с него упал? — Ее глаза кажутся бездонными, когда она смотрит на меня.

Проглатываю комок в горле размером с глыбу, сдерживая непреодолимый порыв нагнуться и поцеловать Келли.

— Да, но дело давно было. Обещаю, я буду ехать аккуратно, особенно с тобой... Я никогда не допущу, чтобы ты пострадала. — Чувствую себя глупо, говоря это, ведь она уже столько раз страдала из-за меня.

Взгляд Келли предельно серьезен, когда она отвечает, — Знаю. — Держась за сиденье и качнув бедрами, она отодвигается еще дальше. — Я доверяю тебе, Кайден. Даже несмотря на то, что ты этого не хочешь.

Келли не все знает обо мне, чтобы настолько доверять, но я вижу в ее глазах – спорить тут бесполезно. Сажусь на мотоцикл и завожу мотор. Она придвигается ко мне до тех пор, пока ее грудь не прижимается к моей спине, а внутренние поверхности бедер к моим бедрам. Обвив руками мою талию, она утыкается лицом мне в спину. Впервые после происшествия кто-то касается меня так близко; клянусь, мое сердце практически разрывается и кровоточит в груди. Мне бы хотелось умереть прямо сейчас, в ее объятиях, тогда смерть была бы мирной. И я бы не чувствовал одиночество и пустоту внутри. Келли будет рядом, ее я почувствую и вдохну в последний раз.

Данная мысль навевает такое спокойствие, что я начинаю паниковать, но отталкиваю все это подальше, чтобы ничего не чувствовать. Прекращая напряженно думать обо всем, газую, прежде чем отпустить тормоз. Мы срываемся с места, только Келли, я и ветер.

Глава 8

#16 Заставить кого-то почувствовать, что ты понимаешь их, чего бы это ни стоило

Келли

Думала, что буду напугана сильнее, чем есть на самом деле. От заледеневших дорог мое тело спасает только грузовик. Но я держусь за Кайдена, моя голова покоится на его спине, и сейчас я счастливее, чем в прошлом месяце. Я даже не обращаю внимание на холодный поток воздуха, пока Кайден покачивается назад и вперед из-за извилистой дороги. Мы проезжаем мимо людей в машинах и на тротуарах около магазинов, граничащих с главной дорогой города. Они смотрят на нас, как на безумцев. Но все хорошо. Мы можем быть сумасшедшими вместе.

Я закрываю глаза и блокирую весь мир, вдыхая запах свежего зимнего воздуха, сжимая руками талию Кайдена. Чувствую, как его грудь напрягается, будто он задыхается, но шум мотора — это все, что я слышу.

Когда мотоцикл начинает замедляться, я открываю глаза. Мы подъезжаем к кафе, где я с Сетом ела блины почти каждое утро. Я не шевелюсь. Да мне и не хочется.

Кайден паркует байк перед кафе, неподалеку от входных дверей. Красные и зеленые светящиеся огоньки мигают, отражаясь на снегу. В воздухе витают запахи сосисок и кофе, и из-за этого мой желудок урчит.

— Ты там жива? — спрашивает Кайден, поворачивая голову и смотря через плечо на меня.

Я киваю, но не убираю голову от его спины. Я боюсь, что если сделаю это, то он исчезнет.

—Келли? — окликает он меня. — С тобой все хорошо?

Мои плечи опускаются, когда я выдыхаю и потом приказываю себе отпустить его. Я отклоняюсь назад и смотрю в его глаза.

— Да, я в порядке.

Он хмурится и гладит меня по щеке пальцами.

— Ты замерзла.

Я прикасаюсь к своим щекам, кажется, что они онемели, или это пальцы.

— Может нам стоит зайти внутрь.

Кайден перекидывает ногу через байк, и встает на ноги. Начинаю вставать, когда в моем кармане начинает вибрировать мобильник. Я вытаскиваю его и читаю сообщение.

Сет: Мы приедем чуть позже. Нам нужно заехать в магазин.

Я: Зачем?

Сет: По делу.

Я: Что-то не так?

Сет: Нет... мы просто думаем, что вам двоим нужно пару минут для себя.

Я: Когда вы будете здесь?

Сет: Скоро. И запомни: пугливый котенок.

— Пугливый котенок? — спрашивает Кайден.

Я смотрю на него и осознаю, что он склоняется надо мной, читая переписку.

— Забудь.

Засовываю телефон в карман, сгибаю колено и перекидываю ногу, слезая с байка.

Кайден приподнимает брови, оборачивая руки вокруг моей талии, и помогая мне спуститься.

— Так они дают нам время?

Черт. Зачем он читал сообщения? Он отпускает мою руку, и я наклоняю голову вниз, засовывая руки в карманы.

— Сет бывает странным.

Он глядит на меня с подозрением, и я беспокоюсь, что испортила свой шанс. Но потом он произносит, — Разве Сет не всегда странный?

Чувствую, как он дает мне простой выход, потому, что, возможно, он хочет эти несколько минут со мной.

Я киваю.

— Да, всегда, это будет не Сет, если он не будет странным.

Он улыбается, а затем берет меня за руку, колеблясь мгновение, прежде чем переплести наши пальцы, просовывая свои крупные сквозь мои хрупкие. Я поднимаю взгляд на него, и его грудь вздымается, когда он напряженно выдыхает воздух. Мы больше ничего не говорим. Мы просто цепляемся друг за друга, направляясь к входу в кафе, который украшен картинкой Санты с мешком и грушек.

Когда я вхожу внутрь, то понимаю, как сильно замерзла. Уютный теплый воздух окутывает меня, покалывая и оживляя кожу. Сегодня в кафе не так много народу, но мы выбираем дальнюю кабинку, пытаюсь уединиться. Рождественские мелодии льются из колонок на потолке, а на каждом столе мерцают серебряные и белые свечи. Это время года, когда люди счастливы и когда они пытаются оросить магией вещи. Я хочу, чтобы они оросили ее и нас.

Как только я сажусь в кабинку, высовывая руки из куртки Сета и откидывая ее в сторону, снимаю пиджак, который был под курткой. Я немного расстраиваюсь из-за того, что Кайден садится напротив меня, но напоминаю себе о пугливом котенке. Пугливый котенок.

Он мгновенно тянется к солонке и начинает вращать ее между ладонями, выплескивая нервность. Тут тихо, за исключением болтовни, звона бокалов, и звука гремящих сковородок на кухне. Я пытаюсь придумать, что сказать, в то время, как Кайден пялится на солонку с солью. Я беру меню из подставки на столе стоящее рядом с диспенсером с салфетками и начинаю изучать его.

Официантка подходит к нам, чтобы принять заказ. Это та же самая официантка, которая флиртовала с Сетом. Она кидает на меня такой взгляд, как будто бы я шлюха. Ее волосы перекинуты на одну сторону, а на бейджеке написано: «Дженна». Думаю, я помню ее из школы. Она была старше меня на класс и дружила с Дейзи МакМиллан.

— Привет, Кайден, — здоровается она с усмешкой.

Он смотрит вверх, отставляя солонку в сторону.

— Привет, Дженна.

— Как дела? — она прикасается к его руке наманикюрованными пальчиками, поглаживая его мускулы, как будто он собака. У меня появляется импульс хлопнуть по ее руке. И мне это не нравится, потому что это не я. — Я слышала, ты попал в аварию, или что-то типа того.

Кайден закатывает глаза и бурчит:

— Да, что-то типа того.

Она смеется, но ее брови хмурятся.

— Ты такой забавный.

Кайден смотрит на меня, когда тянется к меню, и мой взгляд впивается в стол. Я просовываю руки под бедра, концентрируюсь на списке закусок.

Кайден и она начинают обсуждать их дни в старшей школе, и как все скучают по игре Кайдена и гуляньем на вечеринках. Кайден улыбается ей каждый раз, и это немного больно, потому что, он не сказал ничего с тех пор, как я видела его.

— Знаешь, она скучает по тебе, — говорит Дженна, кусая резинку карандаша, готовая записывать.

Кайден переводит взгляд с меню на нее, его взгляд тускнеет, выглядя растерянным.

— Кто?

Она выдувает розовый пузырь, поглядывая на меня.

— Дейзи.

Я вжимаюсь в сидушку, жалея, что я не песчинка или не невидимка, и подпираю рукой голову, пряча лицо и делая вид, что заинтересована напитками.

— Ааа... — Кайден переводит внимание на меню. — Думаю, буду блины.

Я улыбаюсь, думая о Сете и нашей блинной погони, и это вселяет в меня немного мужества. Я слегка выпрямляюсь, откладывая меню в сторону.

— Я тоже буду блины, и кофе.

Ее нос морщится, когда она записывает мой заказ, затем улыбается харизматично Кайдену.

— Ты будешь что-нибудь пить?

Кайден закрывает меню.

— Мне тоже чашечку кофе.

Она записывает это, глядя на него с усмешкой, и когда она поворачивается к кассе, бросает на меня хмурый взгляд. Я отворачиваюсь от нее, концентрируюсь на разговоре с Кайденом. У меня есть вещи поважнее, чем беспокойство по поводу Дженны и Дейзи.

— Я хочу поговорить с тобой, — начинаю я, смотря на трещины в столе. — Но не знаю как.

— Ты не знаешь, как поговорить со мной?

Я не знаю, как принять то, что он сказал. Я всегда думала, что у нас нет проблем с разговорами, именно поэтому я и поделилась с ним мои секретом.

— Почему?

Он проводит пальцами по кольцу из дерева, другой рукой скидывая капюшон. Запускает пальцы в волосы и откидывает каштановые пряди назад, чтобы они не лезли в глаза и уши.

— Потому что, ты видел меня в таком состоянии. И я никогда не хотела бы, чтобы кто-то другой увидел меня такой, особенно ты. — Я провожу по трещинам в столе, зная, что нужно подбирать слова тщательно. — Кайден, я говорила тебе сотню раз, что я никогда не буду осуждать тебя, и именно это я и имела в виду.

— Дело не в осуждении, Келли. — Он смотрит на меня и страдание в его глазах, соответствует тому, что творится у меня в сердце. — Дело в том, что ты заслуживаешь... — он вздыхает, закатывая рукава, проводя пальцами по свежему шраму, который растянулся вертикально по предплечью. — Ты заслуживаешь больше, чем это.

— Нет, не заслуживаю, — Думаю, в прошлый раз я бросилась в туалет, потому что не смогла справиться с болью, это то, что я делаю год за годом. — Ты и я ничем не отличаемся.

Он становится еще мрачнее, опуская рукав вниз и прикрывая шрамы.

— Мы несколько не похожи. Ты... ты красивая и изумительная, и твоя печаль и боль пришли из-за кого-то другого. — Он понижает свой голос и шумно втягивает воздух. — Я причинил боль сам себе.

Я стараюсь сохранить свой голос мягким, когда наклонюсь над столом.

— Нет, это сделал твой отец.

Он качает головой, смотря на кассу.

— Я порезал себя тем вечером.

Моя грудь сжимается, и сердце вместе с ней.

— Все порезы?

Он не отвечает, его небритая челюсть напрягается. Осторожно, так, чтобы не напугать его, я скольжу рукой по столу и беру его в свою.

— То, что произошло не твоя вина. Моя. Все это случилось из-за меня.

Его голова поворачивается в мою сторону и огонь в его глазах приводит меня в ужас.

— Ни в коем случае, это не твоя вина и я ни капли не сожалею о том, что сделал с ним. — Его взгляд пронзительный, но голос спокоен. — Ты сердишься из-за того, что я сделал?

Я уже знаю настоящий ответ, потому, что чувствую это, каждый раз, когда думаю о Калебе, получающему по заслугам снова и снова.

— Хотела бы я сказать, что злюсь, потому что никогда не хотела, чтобы ты делал это, но я не могу. — В уголках глаз начинают собираться слезы, но я загоняю их назад, потому что это неподходящее место и время для слез. — Извини, Кайден. Мне так жаль, что втянула тебя в эту неразбериху.

Он вытаскивает руку из-под моей и кладет ее поверх моих пальцев.

— Тебе не о чем сожалеть... я единственный, кто должен извиняться, за все это. Я не могу... я не могу даже представить, как тяжело это должно было быть, прийти ко мне, когда я был в том состоянии.

Я трясу головой и фокусируюсь на его ускоренном пульсе на его руке. Все это реально, и сложно сдерживать себя в руках.

— Это было тяжело только потому, что... потому, что я думала, что ты мертв.

Он выглядит так, будто сейчас развалиться на кусочки и только я сдерживаю его от этого. Хочу сжать его в объятьях. Хочу, чтобы он сжал меня в объятьях, потому что знаю – если мы можем просто держаться друг за друга, то сможем пройти через это. Но неожиданно, он вскакивает на ноги и отходит от меня, и я не знаю, что делать или говорить.

— Мне нужно уйти, — говорит он, смотря на дверь, на выход, не на меня. — Так для тебя лучше... Ты не заслуживаешь этого... Я не заслуживаю тебя.

Как быстро нашла его снова, так же быстро он ушел из моей жизни. Я сморю на него, обходящего столы и выходящего из кафе, а затем покидающего меня. Мне нужно, чтобы он понял, что я понимаю его. Мне нужно заставить его увидеть то, что он заслуживает быть счастливым, и что он не портит меня. Я поднимаюсь и сломя голову несусь мимо столов, не волнуюсь о том, что люди смотрят на меня, как на сумасшедшую. Я толкаю стеклянную дверь, выбегая на холод раздетая.

— Иногда я заставляю себя рыгать, — заикаюсь я и бегу к байку, скользя по снегу.

Он застывает с одной ногой на земле, поворачивая голову. Его глаза сканируют мое тело, и я чувствую себя голой и выставленной на показ.

— Ты что..?

Я сдавливаю пальцами нос, и качаю головой, потому, что не могу смотреть на него, когда повторяю это.

— Иногда я вызываю у себя рвоту. — Я даю ему время, и затем опускаю руку. — И это не потому, что я думаю, что толстая. А потому... — Я делаю шаг к нему и отклоняю голову назад, глядя в его изумрудные глаза. Я вижу свое отражение в них, и выгляжу напуганной, да и чувствую себя так же. — Это потому что, я пытаюсь избавиться от всех гнусных, отвратительных чувств внутри себя. Те, с которыми я не могу справиться.

Он смотрит на меня, и я имею в виду, он реально смотрит на меня, и между нами устанавливается связь, это понимание, что мы – двое людей, которые сломлены, не сами по себе, а кем-то, и мы делаем все возможное, чтобы не разбиться на кусочки.

Я жду его реакцию, и когда он не двигается, я делаю это за него. Я делаю шаг, оказываясь достаточно близко, чтобы почувствовать его тело, излучающее тепло. Затем я

встаю на носочки, закидываю руки на его шею, и обнимаю, моля Бога, чтобы он обнял меня в ответ, потому что даже если этот жест прост в теории, иногда обнять – сложно.

Его руки висят по сторонам, а грудь то опускается, то поднимается. Я собираюсь садиться, отстраняясь от него, и позволяю себе заплакать, когда его руки оборачиваются вокруг моей талии. Он крепко обнимает меня, и это дает мне шанс на то, что, возможно, здесь осталась хоть какая-то надежда.

Он держит меня, словно собирается остаться в таком положении навсегда, уткнувшись лицом в мои волосы. В какой-то момент начинается снег, но мы не двигаемся. Мы застываем на миг, и ни один из нас не хочет уходить.

— Как долго? — наконец спрашивает он, его теплое дыхание касается мой щеки.

Я закрываю глаза и согреваюсь, ощущая его.

— С тех пор, как это произошло.

Его руки сильнее сжимают меня, и он сильнее вжимает мое тело в свое.

— Извини.

— Это не твоя вина, — нежно провожу пальцами по его спине вверх и вниз, набираясь мужества задать ему вопрос. — Кайден?

— Как мне исполнилось двенадцать. — Он читает мои мысли, достаточно доверяя мне, чтобы ответить.

Я крепче обнимаю его, соединяя нас, настолько, насколько, это возможно. Может, если я сильно попытаюсь, мы сольемся друг с другом и станем единым человеком, и тогда мы сможем делиться нашей болью, вместо того, чтобы держать ее в себе.

Кайден

Я в шоке от того, что сказала мне Келли, и в начале я ее не понял. Она заставляет себя рвать. Она открыто заявила, что вызывает у себя рвоту. Но потом, она объяснила, зачем делает это, и для меня это обрело смысл, больше, чем все остальное в жизни. И теперь я осознаю, как идеально мы подходим друг другу и также осознаю, каким это могло для нас стать губительным в конце концов. Потому что даже если мы поможем друг другу собирать нашу жизнь по кусочкам, в это же время мы можем и уничтожить себя, а потом вообще ничего не останется, чтобы вновь собрать, когда мы рассыпемся.

— Может нам лучше зайти внутрь, — наконец заговариваю я, даже если я не хочу говорить что-либо. Я хочу стоять в этом самом месте, и обнимать ее всегда, но тогда мы замерзнем до смерти.

Она отодвигается, оставляя пространство между нами, наклоняется и поднимает подбородок заглядывая мне в глаза, ее волосы спадают назад.

— Я не уверена, что хочу возвращаться, после того как я пулей выбежала оттуда.

Я запрокидываю прядь волос за ее ухо, когда ее ладони путешествуют по моим рукам.

— Как на счет того, чтобы я зашел туда забрал твои вещи, а ты пока позвонишь Сету. Я не хочу, чтобы ты ездила на байке.

— Но что ты будешь делать с ним?

Я поглаживаю рукой ее щеку, отчаянно нуждаясь в прикосновениях ко всему ее телу.

— Я могу поставить его кузов грузовика, и потом мы сможем покататься или заняться чем-нибудь другим.

На ее губах мелькает слабая улыбка.

—Куда мы поедим?

Я улыбаюсь ей в ответ, проводя большим пальцем по ее нижней губе.

— Куда хочешь.

Ее взгляд становится хитрым, а затем она приподнимается на носочках и целует меня в щеку.

— На пляж?

Я выгибаю бровь и кидаю на нее веселый взгляд, когда она отодвигается назад, а потом смотрю на горы снега по всей парковке, возле забора и под крышей, где он проскальзывал.

— На пляж?

Она проводит вниз рукой по моей и вкладывает свою ладонь в мою.

— Да, я объясню, когда Сет и Люк будут здесь.

Я не знаю, что она задумала и даже боюсь узнать что именно. У меня был план. Я собирался держаться от нее подальше, но она стоит здесь и понимает меня, как никто другой, и я не готов отпустить это чувство, пока что.

— Хорошо, ты позвони им, а я пока пойду заберу твои вещи.

Она кивает, и начинает доставать телефон из кармана, когда я иду в кафе. Несколько людей за столами смотрят на меня с узнаванием, когда дверь позади захлопывается. Они, вероятно, единственные, кто слышал историю. Сплетни распространяются здесь быстро, я и хочу убраться подальше от этих взглядов. От снега, от города, от собственного дома, от собственной жизни.

Я тороплюсь забрать вещи Келли, игнорирую Дженну сверлящую меня взглядом, и словно ветер несусь мимо столов к двери, и выдыхаю с облегчением, когда дверь позади закрывается. Дженна была подругой Дейзи, и я не хочу слышать ни слова о возвращении к Дейзи, потому что я с Келли. Я беспокоюсь, что Дженна уже позвонила Дейзи и она появится здесь в любую минуту. Это последняя вещь, которую я хочу для Келли.

Я тут же начинаю смеяться, как только вижу Келли. Я никогда так не смеялся, и смех сдавливая мою грудь.

— Ты что делаешь?

Небо потемнело и идет снег, падая из грозных серых облаков. Руки Келли на руле моего байка, она пытается закатить его под навес, от снега. Ее ноги скользят по льду, и она заставляет его сдвинуться с места.

Я встаю позади и чувствую ее напряжение, когда накрываю ее руки своими.

— Будет больно, если ты с него свалишься, — констатирую я, наклоня вперед голову и тайком вдыхая запах ее волос, вспомнив тот раз, когда сделал это впервые. Отпускаю ее руки и делаю шаг назад, направляя ее.

— Снег не может испортить байк.

Она откидывается назад, задирая подбородок и смотря на меня.

— Ты уверен? По-моему, я читала где-то, что мотоциклы не созданы для снега.

Я прикасаюсь губами к ее лбу, задерживаясь на мгновение, наслаждаясь ощущением ее кожи до того, как отстраняюсь.

— Где же ты узнала об этом?

Она пожимает плечами.

— Не знаю. В каком-то в журнале или где-то еще.

Качая головой, я улыбаюсь ей, придерживаю для нее жакет, ожидая, пока она просунет руки в рукава. Прошло так много времени с тех пор, как я улыбался, что мышцы рта от непривычки побаливают. Она поворачивается и просовывает руку в рукав, проделывает тоже самое с другим рукавом.

Я отпускаю жакет и провожу ладонями до талии. Сжимаю руки и поворачиваю ее лицом к себе, ее глаза расширяются. Я кладу руки на ее живот, не отрывая от нее глаз, и тяну молнию вверх, до подбородка, она выдыхает и ее дыхание превращается в облачко тумана. Мои руки дрожат, когда я убираю их от нее, и поддаюсь вперед, целую ее в лоб и закрывая глаза, втягиваю ее запах, стараясь держать глаза открытыми. За месяц я забыл, какого это ощущать ее кожу, сейчас я прикасаюсь к ней, а не мечтаю о ней. Но это не правильно. Я не лучший для нее, а она заслуживает лучшего. Намного лучше, чем я. У нее должно быть все совершенно, а я далек от совершенства. Онемение проходит по моему телу, когда понимаю, что в конце концов должен отпустить ее.

— Сет и Люк будут тут через минуту, — шепчет она, хватаясь за края моей рубашки, спрятав лицо в моей шее.

Я не чувствую своих пальцев, рук, сердца.

— Хорошо, — я чувствую себя чертовски беспомощным, но все, что я могу делать, это стоять, дрожать и притворяться, что это от холода.

Глава 9.

#6 Сбежать... сбежать к пляжу.

Келли

Я в замешательстве. Могу сказать, что Кайден хочет обнять меня, но отстраняется, борясь с желанием прикоснуться ко мне. Все что нам нужно – долгий разговор, тогда бы я смогла понять, о чем он думает и чего хочет, а он в свою очередь понял бы меня. Нам нужна неделя в домике на пляже и множество раз, когда мы сможем оказаться наедине, в чем Сет и Люк пытаются нам помочь.

В тот же самый день мы оказываемся в грузовике Люка, что припаркован позади продуктового магазина. Темнеет, но фонарные столбы освещают снег, падающий с неба. Это день после Рождества, но все по-прежнему выглядит и чувствуется, словно оно продолжается. Здания вокруг нас украшены различными цветными гирляндами, на тротуаре поблескивают леденцы, а рядом с ними венки.

— Я думал, Келли пошутила насчет этого, — говорит Кайден. Я сижу на его коленях, прислонившись спиной к двери. Окна влажные, и мои волосы прилипают к стеклу. — Но глядя на ваши серьезные лица, предполагаю, что был не прав.

Сет сжимает плечи и теснится между Кайденом и Люком. Он перегибается через Люка, высовывая конец сигареты в окно и стряхивая пепел в снег.

— Зачем нам шутить по поводу поездки на пляж? — Он поворачивается и прислоняется к приборной панели, откидывая голову назад и смотря вверх на облачное небо. — Тут постоянно идет снег? Клянусь, что не видел, чтобы он прекращался с тех пор, как попал сюда.

— С декабря по апрель, — отвечаю я, пока пальцы Кайдена подкрадываются к моему лицу, и он скользит рукой по моей голове. Я не могу помешать глазам закрыться, и почти

бесшумный, но смущенный вздох вырывается из меня. Мои щеки начинают гореть, и я продолжаю говорить, чтобы отвлечь всех. — Поэтому мы собираемся сделать это?

— Поехать на пляж? В Сан-Диего? — сомневаясь, спрашивает Кайден. Я киваю и наслаждаюсь приятным ощущением его руки на своей щеке. — Не уверен, что смогу.

Мои глаза распахиваются, и он смотрит на меня.

— Почему бы и нет?

Он разминает свою руку.

— Просто есть дела... дела, которыми мне необходимо заниматься.

— Ты не можешь заниматься ими на пляже? — Сет сидит на сиденье и опускает ноги на пол, а затем кивает головой в мою сторону. — С этой красивой девушкой?

Взгляд Кайдена разрывается между мной и Сет, а затем он обращает его в окно перед собой на ночь.

— Мне в понедельник нужно быть здесь.

— Мы можем вернуться в понедельник, — вмешивается Люк, настраивая стеклообогреватель из-за замерзающих окон. — У нас будет четыре дня свободы, и мы не должны тратить их здесь.

Я смотрю Кайдену в глаза и вижу то, что мне не нравится – пересиливающий страх.

— Мы не обязаны ехать, — обращаюсь к нему, потому что он единственный, кто имеет значение в данный момент, и могу сказать, что тут есть что-то неправильное.

Он потирает подушечкой большого пальца мою нижнюю губу, легонько оттягивая ее вниз.

— Ты хочешь поехать?

— Только если ты хочешь, — отвечаю я, и чтобы добавить выразительности, наклоняюсь и шепчу, — И ты можешь поехать.

Он смотрит на меня с самым странным выражением, словно я удивительное, уникальное существо, никогда невиданное, и тогда его рот изгибается в небольшой, но захватывающей улыбке.

— Я могу поехать до понедельника.

Сет верещит, хлопая в ладоши и топая ногами по полу, и кричит, — Дорожное путешествие, а вот и мы!

— Спасибо гребанный Боже, — вздыхает Люк с облегчением. Он переключает нагрев, а затем щелкает рычажком возле руля, включая дворники. Они двигаются вперед и назад, назад и вперед, скидывая снег со стекла, делая его влажным. — Теперь нам нужно забрать ваше барахло.

— У меня все в норме, — говорит Кайден, пока я сажусь, опуская ноги на пол. Он пропускает свои пальцы сквозь мои волосы, глядя в окно и хмуря брови. — Я просто достану какую-нибудь одежду и вещи, когда мы доберемся туда.

Никто из нас не давит на него, потому что понятно – он не хочет ехать домой.

— А как насчет байка? — Люк поворачивается и кладет руку на спинку сиденья, глядя на байк Кайдена в кузове грузовика, запорошенный пушистыми снежинками. — Ты хочешь взять его?

Кайден пожимает плечами.

— Все, чего мне хочется, это не возвращаться домой. — Его пальцы выскользывают из моих волос и перемещаются на бедро, где тут же зарываются в кожу под кромкой рубашки. — Поэтому мы можем взять его с собой или бросить где-нибудь.

Люк разворачивается обратно и толкает рычаг переключения передач вперед.

— Мы просто возьмем его с собой. — Он давит на газ, и машина медленно подается вперед. — Что насчет вас? — Он смотрит на меня, а потом на Сета. — Вам, ребята, нужно забрать свои вещи?

Я собираюсь открыть рот, чтобы сказать «нет», но Сет прерывает меня.

— Я никуда не езжу без своей сумки.

Люк даже не пытается спорить с ним. Он просто закатывает глаза и разворачивает грузовик к моему дому. Я смотрю на проносящиеся дома, сидя на коленях Кайдена, надеюсь, что не совершаю ничего плохого, надеюсь, что не причиню больше вреда, чем пользы. Правда, я не знаю, что творю, и все, что могу делать – это надеяться на лучшее. Это худшее чувство в мире, потому что надежда не существовала для меня.

~ ~ ~

Во мне сразу же назревает чувство беспокойства, когда Сет и я выбираемся из грузовика. В доме четыре человека, которых я могу разглядеть через кухонное окно, и тут же понимаю, что четвертый член не является частью моей семьи. Мама, папа, Джексон и Калеб сидят за кухонным столом, пока я иду вверх по подъездной дорожке в гараж, а Кайден сидит с Люком в машине, в конце дорожки.

Я чувствую запах приближающейся бури, словно аромат дождя, который наполняет воздух перед грозой. Но аромат, что я чувствую – грязный, как от грязной дождевой воды, как от луж после ливня.

— На что смотришь? – спрашивает Сет, следуя за моим взглядом, падающим на окно кухни. Горит свет, и комната хорошо просматривается. Мама суетится перед всеми, папа что-то говорит с жаром, а Калеб и Джексон смеются над ним.

Я качаю головой, кладя руку на его плечо и утаскивая его вверх по дороге. Сет смотрит на меня, как на сумасшедшую, но я продолжаю идти, делая шаг за шагом, пока мы не находимся в комнате над гаражом. Я включаю свет и закрываю дверь, опираясь на нее и тяжело дыша.

— Это очень плохо, — шепчу я, а затем спешу за своей сумкой. — Мы должны выбраться отсюда.

Сет медленно следует за мной и поворачивается в сторону за своей сумкой, которая лежит в ванной.

— Что с тобой, малышка? — слышится звон, когда он складывает одеколон и бритву возле раковины. — Ты ведешь себя, как ненормальная.

Я бросаю свои рубашки и несколько пар джинсов в сумку, а затем застегиваю ее.

— Там... там... — Я не могу застегнуть ее, Сет выходит из дверей застегивая свою сумку, в которой лежат его принадлежности.

— Келли, независимо от того, что там, просто скажи мне. — Он бросает сумку на кровать. — Все нормально.

— В доме есть кое-кто, — бормочу я, таща сумку к двери.

— Это очевидно. — Он приподнимает брови, а затем тщательно исследует мою сумку. — Ты положила какие-нибудь шорты или сандалии? Там будет намного теплее, чем здесь. Кроме того, тебе не захочется ходить по песку в тапочках.

— У меня больше ничего нет, — отвечаю ему, и затем быстро качаю головой, рывком открывая дверь. — Сет, нам надо идти. Сейчас.

Все вот-вот развалится на части, как это было в прошлый раз.

Сет закатывает глаза и вешает сумку на плечо.

— Прекрасно, но, в конечном счете, ты расскажешь мне из-за чего паника. — Он поворачивается боком и протискивается через дверной проем.

Я выключаю свет, закрываю дверь и несусь по лестнице за ним, таща большую сумку позади себя. Мне надо было оставить часть своих вещей здесь, но я слишком боюсь, что Калев или мой брат, или мама выйдут.

Я мчусь, проходя боковую дверь, ноги практически переходят на бег, но Сет хватается за локоть, останавливая.

— Разве ты не хочешь сказать маме, куда едешь?

Я гляжу в сторону двери, свет проливается сквозь окно в центре, и я качаю головой.

— Не думаю, что должна.

На его лбу появляются складки, когда он с беспокойством изучает мое лицо.

— Ты уверена? Знаю, что она жужжала все это дерьмо про нас обоих, но, кажется, что она начнет паниковать, если мы просто свалим и не скажем ей об этом.

Мое тело бьет дрожь, когда я вижу, как Калев встает из-за стола и идет по кухне.

— Все будет в порядке. — Мой голос тих, как снежинки, летящие вниз с бездонного неба, касающиеся земли и мгновенно тающие.

— Келли, я... почему ты дрожишь? — Он оглядывается на дом, потому что боковая дверь открывается. Бледно-желтый свет заполняет темноту, но затем душит, как пламя, когда высокая фигура появляется в дверях.

Это Калев несет мешок с мусором. Он, вероятно, пытается покорить мою маму снова, и она, очевидно, поддается ему, потому что она всегда видит то, что хочет видеть. Почему она так слепа?

Поведение Калева не меняется, когда он выходит на крыльцо в снег, следя за тем, чтобы закрыть за собой дверь и скрыть то, что он собирается сказать за пределами слуха моей семьи.

— Что ты здесь делаешь? Топчешься в снегу? — Его взгляд доходит до Сета, пока он спускается по лестнице. — У тебя еще один есть, да? Решила бросить того сумасшедшего футболиста, после того, как он надрал мне задницу.

— Черт, — выдыхает Сет, внезапно понимая кто это. Его пальцы сжимаются на моей руке, когда он начинает тянуть меня назад, шаг за шагом, и снег скрепит под нашими ногами.

Калев спускается по лестнице, сокращая между нами расстояние, с ухмылкой на лице. Его глаза черны, как уголь, лицо скрыто в тени, падающей от капюшона на голове. Иногда я задаюсь вопросом, почему он так беззаботен и не проявляет никаких признаков угрызения совести за то, что сделал. Что с ним не так? Он настолько испорчен и развратен, что ему нравится мучить меня?

— Подойди сюда и познакомь нас, — зовет он, ступая на нижнюю ступеньку.

— Да пошел ты! — Кричит Сет, делая более широкие шаги, практически таща меня обратно вниз по дороге, в то время как мои маленькие ножки пытаются двигаться, чтобы не отставать от него.

Мои ноги, словно резиновые и отказываются двигаться правильно, отчего я постоянно спотыкаюсь. Мне бы хотелось найти хоть какую-нибудь силу, подавленную внутри меня, чтобы ответить ему, ударить, накричать, бросить что-нибудь в него. Сделать так, чтобы стереть самодовольную улыбку с его лица.

Но в его присутствии я ощущаю себя ребенком, которого он прижал к кровати. Он закрывает мне рот своей рукой, разрывая меня на куски. Я позволяю Сету тянуть меня вниз по дорожке в сторону грузовика Люка, а Калев наблюдает сквозь занавесу снегопада. Его взгляд устремлен на меня, и я чувствую, как слезы начинают течь из глаз. Я плачу и я слабачка, мне хочется рассыпаться по земле и растаять вместе со снежинками.

— Келли. — Звук голоса Кайдена возвращает меня к реальной жизни и показывает картину в целом.

На данный момент у меня большие проблемы, и я думаю, как удержать Кайдена дальше от Калеба прежде, чем повторится та ночь. Я оборачиваюсь, и Сет отпускает мою руку. Кайден стоит перед капотом грузовика, скрестив руки на груди. Его глаза не смотрят на меня, но они сосредоточены на Калебе. Его лицо словно тень, когда он стоит со светящимися фарами за спиной.

Подтягиваю ремень сумки выше на плече; моя обувь скользит по снегу, пока я бегу к нему. Его взгляд не отрывается от Калеба, и я подхожу к нему, когда он делает шаг вперед, уклоняясь от меня в сторону. Кидаю сумку и, прежде чем он подойдет ближе к дому, бросаюсь на него, оборачивая руки вокруг его шеи, словно замок.

Каждый мускул в его теле напрягается, когда я закрепляю ноги вокруг его талии, цепляясь словно пиявка, потому что сейчас мне нужно, чтобы он не смог просто так избавиться от меня.

— Келли, — говорит он вполголоса, не держась за меня. — Отпусти меня.

Я быстро качаю головой.

— Нет, пожалуйста, просто вернись в грузовик.

Его волосы касаются моей щеки, когда он качает головой.

— Келли... я не могу. — Его голос звучит приглушенно, и я правда верю, что он думает, что не может уйти.

— Но ты можешь. — Выдыхаю напротив его уха, когда зарываюсь лицом в его шею. — Ради меня.

Кажется, я подобрала какие-то волшебные слова, и он неожиданно идет к грузовику, медленно, но идет.

Потом я слышу слова Калеба: «Ого, так она не бросила тебя. Я уж подумал, она превращается в маленькую шлюшку».

— Пожалуйста, пожалуйста, пожалуйста, — повторяю я словно мантру, когда он начинает шагать вперед. — Пожалуйста, не делай этого. Ты нужен мне. Ты нужен мне. Ты нужен мне.

Я закрываю глаза, когда слышу скрип открывающейся двери, а затем еще один скрип. Внезапно становится шумно.

Сначала я слышу голос Люка:

— Почему бы тебе не закрыть свой поганый рот и не вернуться внутрь, прежде чем ты получишь очередного пинка.

— О, я собираюсь выдвигать обвинения, — отвечает Калев. — Грандиозный, любимейший, и очевидно самоубийственный футболист пойдет на дно.

А затем я слышу свою маму:

— Келли Лоуренс иди сюда сейчас же. Я говорила тебе держаться от него подальше.

Я чувствую, как грудь Кайдена вздымается вместе с моей, когда он пытается вздохнуть вместе со мной, шагая то вперед, то назад, словно не может решить куда идти или что делать.

— Келли Лоуренс! — кричит мама, и голос эхом разливается по улицам, что собаки начинают лаять. — Это рождественские каникулы. Ты должна быть здесь со своей семьей.

Но я и так со своей семьей. Я взываю к каждой последней крупицы храбрости, что до этого цвела внутри меня, отрываюсь от плеч Кайдена и уверенно встречаю его пристальный взгляд.

— Пожалуйста, забери меня отсюда, — умоляю его срывающимся голосом. Гнев быстро затухает в его зрачках, когда он прикрывает глаза. — Я не смогу без тебя.

Мы как будто снова сливаемся вместе, и наши сердца стучат в унисон, хаотично и дико, но все равно вместе. И это все, что имеет значение. Только он и я, защищены от криков и воплей, окружающих нас. Он отступает к грузовику, держа меня, и открывает дверцу. Не отрывая от меня взгляда, забирается внутрь и закрывает дверь. Теплый воздух окутывает нас, пока мы держимся друг за друга. Через несколько секунд дверь со стороны водителя открывается, и Сет запрыгивает в салон, за ним Люк. Крик наполняет кабину, но звук печки и стерео заглушают их. Когда мы отъезжаем, я понимаю, что не одинока в этом мире. Я в грузовике, полном людей, которые заботятся обо мне достаточно, чтобы не спрашивать из-за чего была вся эта суета. В один прекрасный день я им все объясню.

Кайденом начинает поглаживать своей рукой мой затылок, и его пульс отдается через кончики пальцев. Он продолжает целовать мою голову и бормотать, что все будет хорошо. Только не уверена, он говорит это мне или себе.

Когда чувствую, что грузовик выезжает на дорогу, я наконец, оглядываюсь на дом. Мама стоит посередине подъездной дорожки на снегу без куртки и обуви. Ей должно быть холодно, но ее лицо выглядит красным в тусклом свете крыльца. Папа стоит на ступеньках, одетый в джинсы и его любимый свитер, почесывая голову. А Калеба нигде не видно.

Я хочу, чтобы так оно всегда и было. Хочу, чтобы он просто исчез, а мама и папа махали мне на дороге, позволив жить той жизнью, которой я должна была жить давным-давно.

Кайденом

Могу сказать, что она беспокоится обо мне, и я уверен, что если бы мы были одни, она бы сказала мне, что мы не обязаны ехать. Она думает, что я могу развалиться на части, но единственное время, когда я не сломлен полностью — это когда нахожусь рядом с ней. По крайней мере, я так думал, пока с Люком ждал, когда она с Сетом выйдут из гаража.

Люк курит сигарету, пока мы ждем. Никто не произносит и слова, Люк вдыхает и выдыхает, после того, как делает затяжку, печка приглушает холодный воздух, проникающий через открытое окно.

— Ладно, — произносит он, высовывая руку в открытое окно и стряхивая пепел. — Я просто хочу знать одну вещь.

Я всматриваюсь в гараж перед нами, а свет фар освещает следы шин на снегу.

— И, какую же? — спрашиваю, не уверенный, хочу ли слышать его ответ.

Он снова берет сигарету в рот, бросая пачку на приборную панель. Делает глубокий вдох и выдыхает дым, расслабляясь на сиденье.

— Стоило ли оно того?

— Драка с Калемом? — уточняю, не глядя на него.

Запах дыма становится сильнее, потому что он делает еще одну затяжку.

— Да.

Мой пристальный взгляд устремляется к комнате над гаражом. Откуда льется свет, и я вижу фигуры Келли и Сета двигающиеся взад и вперед перед окном. Я помню, что мы с Келли сделали в прошлый раз, когда были там, как она себя чувствовала, когда я был внутри нее – как я себя чувствовал.

— Да. — Это маленькое слово, которое в действительности ничего не значит, но все же что-то означает. На самом деле, думаю, оно означает нечто большее, чем я готов признаться самому себе.

Люк снова кладет сигарету в рот, и бумага увядает в оранжевом свечении, потому что он делает затяжной вдох.

— Так... у тебя все хорошо?

Я барабаню пальцами по верхней части дверной ручки.

— Да, я в порядке.

Он зажимает сигарету между пальцами и убирает ее изо рта, выдыхая дым, что заполняет кабину.

— Ты уверен потому... потому что, если тебе когда-нибудь понадобится поговорить или что-нибудь еще, я рядом.

Это наш самый серьезный разговор, который был у нас когда-либо, и думаю, что знаю почему он его завел. Старшая сестра Люка – Эми, покончила с собой. После того как это произошло, однажды ночью, он был полностью опустошен и плакал передо мной, обвиняя себя, что не замечал никаких признаков.

Я киваю.

— Правда, я в порядке.

Люк и я затихаем, пока Келли и Сет не выходят, и я вновь начинаю расслабляться. Но тогда весь Ад вырывается из Преисподние, потому что боковая дверь дома распахивается.

— Да не может быть, — говорит Люк, когда Калем шагает наружу. — Дерьмо, Кайдэн...

Я уже вылезаю. Мои кулаки сжаты, адреналин зашкаливает в теле, и я не представляю, что собираюсь сделать. Все эмоции с той ночи вновь поглощают меня, и хорошие и плохие. Калем видит меня и подливает масло в огонь, бушующий внутри меня. Я собираюсь сделать то, что, вероятно, разрушит мою жизнь навсегда, когда Келли кидается на меня. Она продолжает умолять меня остановиться, ради нее. Но Калем не

останавливается, называя ее шлюшкой, и мне хочется убить его. Я на самом деле чувствую это, мне нужно забить его до смерти, и все чувства «за», чтобы это произошло.

Тогда Келли смотрит на меня своими красивыми голубыми глазами и выглядит так, будто вот-вот заплачет. Она произносит 5 маленьких слов, что меняют мою жизнь и оставляют шрам в моей душе навсегда.

— Я не смогу без тебя, — шепчет она, держась за меня, словно я ее спасательный круг.

Внезапно я осознаю, что ничего не смогу сделать с ним, потому что это причинит ей большую боль, нежели Калебу. Поэтому я отхожу и забираюсь в грузовик, хватаясь за нее, чтобы удержать себя от падения в темноту.

~ ~ ~

Никто не говорит на протяжении большей части дороги. Кажется, что каждый из нас боится первым подать голос, а еще больше боимся услышать, что именно покинет наши рты. Голова Келли лежит у меня на плече, а ее пальцы двигаются по внутренней части моего запястья. Знаю, что она может почувствовать заживающие шрамы на коже, и это вызывает у меня чувство неловкости, но я не отстраняюсь. Если ей нужно прикоснуться ко мне, то она может сделать это.

Ее телефон постоянно звонит, играя Blue October “Hate Me”, но она не отвечает.

— Все будет хорошо, — шепчет она, а спустя минуту погружается в сон, практически сворачиваясь в клубок у меня на коленях, потому что тут едва хватает места, чтобы передвигаться с четырьмя людьми, забившимися в одной кабине. Но это все что у нас есть, а большего и не надо.

Люк за рулем уже половину ночи, полный решимости добраться как можно быстрее. Я предлагал ему смениться несколько раз, но он постоянно отказывался. На радио звучат Шевелл, облака рассеиваются, когда мы приближаемся к океану, а звезды усеивают небо. Интересно, возможно ли изменить себя и стать кем-то другим? Тем, кого я не знаю. Тем, кто не режет себя и не хочет скрывать эмоции за болью, тем, кто может быть достоин того, чтобы держать ее в своих руках, как я сейчас.

Я смотрю вниз на Келли в своих руках. Волосы спадают на лицо, одна нога перекинута поверх моей. Одна из ее рук лежит на моих коленях, а другая напротив ее груди. Знаю, что должен рассказать ей все, но не уверен, как она справится с этим. Она поделилась своими тайнами, поэтому я взял дело в свои руки и избил Калеба, и был готов избить его снова по щелчку пальцев.

Я не сожалею о содеянном.

И никогда не буду.

~ ~ ~

— Проснись и пой, Спящая красавица. — Что-то тяжелое ударяет меня по голове. Я подскакиваю, вскидывая руки в воздух. Солнечный свет попадает в глаза, и я моргаю несколько раз от его резкости. Люк стоит в стороне от меня с открытой дверью и с самодовольной улыбкой на лице. — Черт, я думал, ты никогда не проснешься.

Я смотрю в сторону на сумку, которой он, очевидно, стукнул меня, а затем бросил на песок, расстилающийся передо мной и соединяющийся с океаном. Цвет ярко-синего неба отражающегося от воды, чертовски слепит мне глаза. Я бывал на пляже несколько раз раньше, когда мать с отцом решали, что нам стоит попытаться быть семьей. Это всегда заканчивалось хреново, когда кто-то с кем-то ссорился, и вся поездка длилась недолго.

— Сколько мы уже здесь? — Зеваю я и ставлю ноги на землю, поднимаясь и разминая руки над головой.

Люк наклоняется в салон, забирает сумку и захлопывает дверь, размахивая ключом на пальце.

— Минут десять. Келли сказала мне не будить тебя, но в этом не было ничего забавного.

Я рад, что он ведет себя как задница, а не обращается со мной, как с суицидальным уродом.

— Ну, спасибо тебе.

Он приподнимает брови, направляясь к передней части грузовика.

— Нет проблем.

Пляжный домик принадлежит отцу Люка – это то, что я знаю. Но, то, чего я никогда не мог понять – как его отец мог позволить это себе, и быть не в состоянии заплатить за обучение Люка. Я спрашивал его об этом однажды, но Люк лишь пожал плечами. Он не любит говорить об отце, и даже до развода родителей не нравилось. Я встретился с ним только раз, когда мне было шесть и когда мы с Люком стали друзьями. Он казался каким-то отстраненным, как будто не знал, что делать с Люком или с самим собой. Неделю спустя, после нашей встречи, он упаковал свои вещи и уехал. Люк очевидно ездил к нему, где-то раз десять с тех пор, и каждый раз, возвращаясь, он никогда не рассказывал о своей поездке. А я никогда и не спрашиваю.

Деревянное крыльцо слегка вибрирует, когда я ступаю на него, направляясь к боковой двери дома. Сетчатая перегородка закрыта, но дверь позади распахнута, чтобы теплый воздух мог проникать внутрь. Я слышу, как волны океана бегут по песку и музыку, смешивающуюся со звуком смеха Келли.

— Предупреждаю, — говорит Люк, распахивая перегородку. — Сет уже потребовал комнату, где есть кровать. Келли сказала, что будет спать с ним, но я ни за что не буду делить ее с тобой.

Я иду внутрь и закрываю после себя дверь.

— Я нормально посплю на диване. — Мне бы хотелось спать вместе с Келли, держать ее, провести с ней ночь, но так вероятно будет лучше, потому что не уверен насколько близко я хочу быть с ней.

— Отлично, потому что я ненавижу спать на диване. — Он движется через кухню в коридор с сумкой на плече, а я остаюсь стоять в одиночестве. Тут есть несколько барных стульев окружающих импровизированный стол возле окна, что открывает вид на пляж. Я сажусь на один из них, ставя ногу на подставку и кладя руку на колено. Помню, когда был маленьким, океан казался мне одной из самых удивительных вещей, которых я когда-либо видел. Я был очарован тем, как волны скручивались и смывали песок, оставляя свой отпечаток. Иногда мне хотелось встать на краю и почувствовать их удары о мои ноги, а после сделать шаг и двигаться вперед. Еще один шаг, и он бы поглотил меня...

— Кайдэн. — Голос Келли проскальзывает над моим плечом. Я слышу, как она подходит ко мне, и чувствую тепло тела, когда она останавливается у меня за спиной. — Ты в порядке? — Она кладет руку мне на плечо, и в ее пальцах чувствуется дрожь.

Я помню, как в первый раз поцеловал ее на детской площадке во время ярмарки, на мосту, прижимая к сетке. Она дрожала от моего прикосновения, и я наслаждался этим каждую секунду и в тоже время ненавидел, потому что это заставляло меня чувствовать такие вещи, к которым я был не готов.

— Все хорошо. — Я надеваю на лицо фальшивую улыбку и оборачиваюсь. — Просто задумался.

Я беру ее руку с моего плеча, переплетая пальцы, и встаю на ноги.

— О чем? — спрашивает она, склоняя голову так, что прядки каштановых волос попадают в глаза. — О том, что случилось прошлой ночью...с... — Она изо всех сил пытается произнести его имя, и я быстро даю ей сорваться с крючка, чтобы убрать боль в ее глазах.

— Нет, не об этом. — Я откидываю ее волосы назад свободной рукой, а затем позволяю ей скользнуть к щеке и насладиться ощущением кожи. — О том, как в последний раз был на берегу океана.

Она кладет свою руку на мою, пока та задерживается на ее щеке.

— Сколько тебе было лет?

— Двенадцать. — Мои мысли окунаются в прошлое к ощущениям океана и власти сильных волн. Я избавляюсь от воспоминаний в голове — Знаешь, что? Я, правда, не хочу говорить об этом. — Я убираю свою руку вместе с ее от лица и опускаю вниз. — Чем хочешь заняться сегодня?

Похоже, это глупейший вопрос, когда между нами такое напряжение в воздухе.

Но она лишь улыбается, раскачивая наши руки и давая то, что мне нужно.

— Наверное, нам надо пройти по магазинам, чтобы тебе не пришлось носить одну и ту же одежду все время.

— Шоппиг, да? — Мои брови взмывают, и я вздыхаю. — Ладно, давайте пройдемся по магазинам.

Келли

Думаю, мы выйдем как безумцы, идя по оживленной улице, огражденной зданиями и магазинам неоновых цветов, среди толпы людей, одетых в пляжную одежду. Я чувствую себя слишком разодетой в своей синей рубашке и джинсах. Мои конверсы не приспособлены для песка, и я продолжаю жалеть, что не привезла свои сандалии, про которые говорил Сет, когда мы собирались.

Я думала, что это бред, но теперь, глядя на весь этот песок, мне хочется зарыться в него пальцами. Я пялюсь себе под ноги, когда иду и проскальзываю сквозь толпу. Мне всегда некомфортно в толпе, потому что это всегда заканчивается прикосновениями, независимо от того как я этого избегаю. Но получая постоянные толчки в плечо от мужчин и женщин, я понимаю, что мой внутренний съеживающийся инстинкт со временем подуспокаивается.

— Я говорил тебе, — шепчет Сет мне на ухо.

Я гляжу на него, с его огромной улыбкой на лице. Его глаза скрыты за серебряными очками, на нем тонкая красная футболка, джинсы и сандалии.

— Говорил мне о чем?

— О том, что будешь жалеть, что не взяла сандалии. — Он подает мне руку, и я берусь за нее, словно мы двое обычных людей, прогуливающих по тротуару. Только это не так, и я вспоминаю об этом, когда он снова открывает рот.

— Ты... ты хочешь поговорить об этом? — спрашивает он, когда мы проходим мимо магазина с выставленной коллекцией солнечных очков на витрине в окне.

Я качаю головой, задерживая внимание на магазине возле меня, стараясь не думать о том, что почувствовала, увидев Калеба вновь, как пережила все то, что он сказал или то, что моя мама звонила и отправляла мне сообщения сотню раз, которые я отказываюсь проверять.

— Я в порядке, — отвечаю ему. — И не смотря на то, что у меня нет шорт и сандалий, я наслаждаюсь солнцем и песком.

Он с улыбкой смотрит на меня, добавляя еще лучей в этом солнечном свете.

— Хорошо, я рад. — Улыбка вдруг исчезает. — Но если тебе нужно поговорить...

— Тогда я приду к тебе. — Я указываю на леденцы, висящие на уличных фонарях чуть выше наших голов. — Странно видеть елочные украшения там, где нет снега.

— Да, это точно. — Его телефон звонит в кармане, он протягивает руку, чтобы отключить его, даже не глядя кто это.

Я слежу за ним, но он только улыбается в ответ, и я не даю, не задавая лишних вопросов, потому что это то, что он делает для меня.

Кайден и Люк идут чуть впереди нас, разговаривая и смеясь. Люк заглядывается на девушек, особенно тех, которые одеты в обтягивающие платья.

— Не понимаю, как им может быть удобно в этом, — говорю я, когда Сет рывком тянет меня в сторону от человека, одетого, как тако и раздающего ярко-розовые листовки.

— Кому и в чем? — Он уводит нас назад к центру тротуара.

— Людям. — Я смотрю вокруг на оживленную улицу, ссутулившись. — Я имею в виду большинство девушек, едва одетых.

Сет смеется надо мной, а затем притягивает ближе к себе.

— Думаю, тебе нужно попробовать одеваться так же.

Мои глаза расширяются, и я начинаю паниковать, глядя на небольшое количество ткани практически на всех. Не то что бы они голые или даже в купальниках, на многих короткие платья, но и от этого мне становится не по себе.

— Сет, нет ни единого шанса, что я смогу надеть платье. — Я вспоминаю Калеба и как он назвал меня шлюшкой на крыльце. Знаю, это не должно беспокоить меня, но это не так.

— Я так не считаю, — заверяет он меня с уверенностью. — Думаю, в один прекрасный день тебе будет комфортно в собственной коже, как и всем этим людям в своей.

Я хмурюсь, сомневаясь.

— Сомневаюсь.

Он осматривает улицу, и его глаза останавливаются на высокой женщине с распущенными светлыми волосами цвета подсолнуха в бледно-розовом сарафане. Ее волосы пляшут на слабом ветерке, который пахнет солью и рыбой, и всем, что связано с океаном.

— Если что-нибудь подобное?

Я качаю головой, вдыхая свежий воздух, ускоряющий мое сердцебиение.

— Ни в коем случае.

Он стреляет в меня убийственным взглядом своими карими глазами.

— Почему нет?

— Мне было двенадцать, когда я в последний раз была в платье, — отвечаю тихо с низкоопущенной головой, пока стыд омывает меня. Оно было розовое с цветочками, и я любила кружиться в нем.

Вдруг он все понимает.

— О, Келли, я сожалею.

Он кладет пальцы мне под подбородок и заставляет оторвать глаза от ног.

— Все нормально. — Я скольжу ступнями по доскам слегка изогнутого моста, когда мы проходим по нему. — Ты же не знал.

Он замолкает на некоторое время, и я снова возвращаю свой взгляд к ногам.

— А как на счет того чтобы просто попробовать?

Я смотрю на него пораженно.

— Я думала, мы закрыли эту тему.

Он качает головой, крепко вцепившись в меня взглядом. Его светлые пряди поблескивают на солнце, и он выглядит бледнее, чем большинство окружающих нас здесь людей.

— Я не хочу, чтобы ты перестала двигаться вперед.

Я машу рукой перед собой.

— Но мы движемся вперед.

Он улыбается.

— Я не это имел в виду.

— Я знаю. — Вздыхаю тяжело, в то время как тепло солнца ласкает мои щеки. — В любом случае, это не имеет значения. У меня нет платья.

Улыбка на его лице становится шире, и он начинает взволнованно подпрыгивать и размахивать руками.

— Боже мой, я просто обязан купить тебе одно.

Я осматриваюсь вокруг, смотря на витрины. Некоторые из них магазины одежды, с полураздетыми манекенами на витринах. Другие с пляжными прибабасами, а на углу улицы стоит пляжный зонтик, и человек в майке и шапке Санты расхаживает под ним с открытками.

— Сет, я правда думаю, что не смогу.

Он подталкивает меня плечом.

— Мы можем хотя бы попробовать. — Он тянет меня в сторону за руку, и мы пересекаем улицу, направляясь к ярко-розовому магазину с нарисованными ромашками на окне и с платьями, весящими на вешалках внутри. — Мы купим тебе одно, и если тебе понравится, то сможешь его носить.

— А если нет?

— Тогда мы просто насладимся покупкой платья.

Я вздыхаю, но не спорю, и он воспринимает это как согласие. Он ускоряется и проводит нас через людей, а я сгибаю плечи так, чтобы избежать касаний.

— Эй, куда это вы направляетесь? — Кричит Люк на тротуаре, сложив руки в импровизированный рупор.

Кайден смотрит на нас так, словно думает, будто мы бежим от него. На нем пара темных джинсов и облегающая черная рубашка. Его челка спадает на глаза, уши и шею. Он все такой же заросший на лице, и мне интересно, сколько еще пройдет времени, прежде чем он сможет побриться снова, вновь оказаться возле бритвы.

Он громко спрашивает: «Ты в порядке?»

— Да, иди найди себе одежду, — кричу я, махая, и затем Сет тянет меня назад, и мы шагаем на бордюр противоположного тротуара. — Мы вас догоним.

Люк выглядит озадаченным, но потом пожимает плечами и движется по тротуару с Кейденом позади себя. Я отрываю пристальный взгляд от них и оборачиваюсь, запутываясь в своих развязавшихся шнурках. Я стряхиваю песок, когда мы оказываемся у главного входа в магазин с ромашками. Вдали слышатся шепчущие звуки волн, ударяющиеся о берег.

— И сандалии тоже, — добавляет Сет, подтягивая меня, когда я спотыкаюсь о ямку в тротуаре.

Я киваю, восстанавливая равновесие.

— Сандалии – звучит неплохо.

Мы роемся в стойках снаружи некоторое время, но не находим ничего, что удостоилось бы звания «Первое достойное платье Келли», как выразился Сет. Мы бродим внутри, подальше от солнца, в прохладно воздухе от кондиционера. Продащица читает журнал за прилавком и поднимает глаза на нас, прежде чем вернуть внимание чтению.

Сет размахивает рукой перед лицом.

— Здесь жарко и пахнет вишней.

— Думаю, что такая температура здесь это нормально, — уточняю я. — Просто мы приехали из одного из самых холодных мест в мире.

Он бросает на меня сомнительный взгляд, а затем начинает просматривать стойку с футболками.

— В мире?

Я направляю к одной из круглых стоек в центре небольшого магазина и пробегаю пальцем вдоль верхушек вешалок.

— Ладно, может быть в стране.

Он смеется, и я присоединяюсь, пока мы разглядываем вещи. Каждый раз, когда он достает платье, я качаю головой и отказываюсь. Не то что бы они все уродливые, дело во мне – мне правда не хочется носить ни одно из них. Я хочу остаться в своей одежде и остаться спрятанной, за исключением, может быть, ног. Кажется, если я надену платье, то могу вернуться в тот день.

Я подхожу к секции со шлепанцами-вьетнамками и подбираю себе пару с фиолетовыми камушками на вершинах. Я проверяю размер, и они идеально подходят. Я собираюсь пойти в кассу и заплатить за них, когда Сет вышагивает ко мне, спрятав одну руку за спиной.

— Ладно, думаю, что нашел его, — говорит он, останавливаясь передо мной. Во рту у него леденец на палочке, и мне интересно, где он достал его, но я не спрашиваю, потому

что Сет больше запутывает, чем объясняет. — Но, прежде чем я покажу его тебе, я хочу, чтобы твоя голова была ясной.

— Собраться с мыслями. — Я проскакиваю через одну стойку, заполненной кучей сандалий.

Он кивает, вынимая леденец изо рта. Его губы окрашенный в красный цвет, так же как и зубы.

— Закрой глаза, отчисти голову от того места и продолжай двигаться, думаю, если ты сделаешь это, то оно сможет тебе понравиться.

Магазин пустует, за исключением продавщицы, которая очень увлечена журналом. Я рада, что никого нет, иначе бы чувствовала себя глупо. Я закрываю глаза, вдыхаю через нос и выдыхаю через рот.

— Ладно, попытаюсь опустошить голову за пять секунд до назначенного времени.

Он смеется надо мной, а затем сжимает мою руку.— Не пытайся отчистить голову. А отчисти ее. — Чувствую, как он движется, приближаясь. — Сделай это. Представь Кайдена.

Я приоткрываю один глаз.

— Не думаю, что это поможет разобраться в мыслях. На самом деле, думаю, это лишь еще больше омрачит их.

Он качает головой и кладет леденец обратно в рот.

— Нет, этого не будет. Я обещаю. — Его речь звучит смешно, когда он заталкивает сладость за щеку.

Я вздыхаю и закрываю глаза, представляя Кайдена и его великолепные зеленые глаза. Его поразительную совершенную улыбку и нежные, восхитительны на вкус, губы. Да, его губы могли бы быть моей любимой частью. Моя голова проясняется.

— Ладно, я думаю о нем.

— Теперь подумай о том, насколько ты ему доверяешь.

— Хорошо... — Мои мысли быстро плывут обратно в ту ночь, когда я лежала под ним беспомощная, но не сопротивляющаяся, потому что он держал меня, неистово целовал, прижимался ко мне полностью с головы до пят, соединяя воедино наши потные тела. Он довел меня до того, о чем я даже не подозревала, и заставил меня чувствовать вещи, которые, как я думала, не смогу почувствовать.

— Он не позволит чему бы то ни было случиться с тобой, Келли, — говорит Сет спокойным голосом, успокаивая мои нервы. — И никто не позволит, ни Люк, ни я. У тебя есть три сильных парня. Ты не одна, и не должна больше скрываться.

Я понимаю, о чем он говорит, и это переполняет меня. В течение шести лет я чувствовала себя самой одинокой в мире, прячась в своей комнате. Но теперь я здесь, у меня есть Кайден, Сет, и даже Люк. Я не одна. У меня есть друзья. Слезы начинают жалить глаза, и одна капелька стекает по моей щеке.

— Ты лучший друг во всем мире, — говорю я, сдерживая слезы и открывая глаза. — Я имею в виду, что...

— Я знаю, о чем ты. — Улыбка играет на его губах, и он выставляет руки перед собой, показывая платье, которое выбрал. — Та-да.

На нем есть тонкие ремни с различными оттенками фиолетового, вроде как окрашенные в ручную, и есть кружевная отделка вдоль верхушки и низа. Похоже, что оно из шелка с неглубоким вырезом и, кажется, с длиной до колен.

Я пробегаю пальцами по мягкой ткани и проверяю размер.

— Ты думаешь это оно? Вылечит меня от страха?

— Нет, думаю, что тебе самой надо излечиться от страха, — отвечает он, размахивая передо мной платьем. — Оно будет просто восхитительно смотреться на тебе, и оно сочетается с обувью.

Я смотрю вниз, на фиолетовые сандалии в руке, а затем обратно на платье.

— Да, они действительно сочетаются, — говорю я, и он ждет, чтобы я взяла платье. Наконец, я выхватываю его и направляюсь к прилавку.

— Разве ты не собираешься примерить его? — крутится Сет вокруг сойки позади меня.

Я складываю платье и обувь рядом с кассой и стаканчиком с кучей ручек с пушистыми наконечниками.

— Ни в коем случае. Пока не вернусь домой.

Он закатывает глаза, а затем отходит в сторону к разделу с шортами. Продавщица не торопясь поднимается со стула и направляется к кассе, зевая. Затем звонит телефон, и она обращает свое внимание на него.

— Секундочку. — Говорит она, выставляя указательный палец, и направляется к телефону на углу стола.

Я терпеливо жду с одной рукой на прилавке и с другой на платье. Помню, когда была маленькой, то носила платья все время. Я бегала в них и играла в мяч, и всегда сдирала кожу с колен.

— Может тебе не стоит играть в мяч, — говорила мама мне все время. Но я не хотела слушать, потому что мне нравилось чувствовать себя принцессой, которая могла заниматься спортом. Я бегала вверх и вниз по футбольному полю, позволяя крошечным ножкам нести меня, пока волосы и платье развевал ветер. Я была так счастлива, и понимаю, что это, скорее всего, был один из последних раз, когда я чувствовала себя настолько беззаботно.

Продавщица смеется, говоря что-то в трубку, — Ни в коем случае. Ты издеваешься надо мной? Он этого не сделал.

— Да, кстати, он так и сделал, — бормочет Сет и насмешливо кладет грудку одежды на прилавок. Девушка впивается в него взглядом, наматывая шнур вокруг пальца. Сет гримасничает ей в ответ, а она поворачивается к нему спиной.

— Теперь мы пробудем здесь вечность. — Я просматриваю различные ожерелья на маленькой подставке около кассы. На большинстве навешаны морские ракушки, и у каждого есть миниатюрная бутылочка с песком.

— Ну, я собираюсь подать жалобу ее менеджеру, — говорит Сет достаточно громко, чтобы продавщица услышала.

Я беру верхнюю вещь, что выбрал Сет – пара джинсовых шорт.

— Ты собираешься носить это? — спрашиваю я с сарказмом.

— Ха-ха, ты, должно быть, чувствуешь себя лучше, излучая сарказм. — Он кладет майку на прилавок. — И нет, это для тебя.

Я поднимаю майку.

— У меня с этим все нормально. — Потом подбираю пару черных кружевных трусиков, а затем откидываю их в сторону, словно они ядовиты. — Этого слишком много.

Я направляю руки к стопке вещей, чтобы зачерпнуть ее и унести, но он кладет свои руки сверху.

— На всякий случай, — говорит он, а затем хитро улыбается. — Это как если бы ты почувствовала себя скандальной.

Мои щеки пылают так горячо, как черный асфальт мерцает в солнечном свете недалеко от магазина. Но я улыбаюсь и на мгновение сдаюсь. Видимо мне придется взять одежду, а затем поспорить, когда мы вернемся домой, где никто нас не увидит.

— Хорошо, — говорю я, а после улыбаюсь, указывая на человека, идущего по улице в паре мини розовых шорт и футболке. Я пытаюсь действовать непринужденно и контролировать свой румянец, но это трудно, когда кругом так много оголенной кожи. — Но если мне придется надеть эти вещи, ты должен одеваться в одни из тех.

Он смотрит туда, куда я указываю и усмехается.

— Согласен, но только на синий цвет. Розовый плохо на мне смотрится.

— Боже, ему должно быть холодно. Они не кажется теплым. — Я начинаю смеяться при мысли о Сете в них, а затем мой смех усиливается, когда он присоединяется ко мне. Мы истерически смеемся, в то время как продавщица кладет трубку. Слезы текут по нашим щекам и морщинки играют вокруг наших ртов. Мы продолжает смеяться даже после ее неодобренных взглядов, потому что мы на пляже, пытаемся развлечься. И смех — первый шаг к веселью.

К тому моменту, как мы покидаем магазин, на улице становится жарче, но может быть это из-за тех последних вещей, которые Сет бросил поверх кучи одежды. В руке у меня сумка, а Сет несет еще несколько. Сейчас солнце находится на своем пике и освещает всех. Но я чувствую себя ужасно. Виновато. Грустно. Я гуляю под солнцем и смеюсь, в то время как Кайден носит так много тьмы внутри себя.

Глава 10

#14 Дать волю веселью

Кайден

Солнце такое яркое. Действительно чертовски яркое. Может, это оттого, что я несколько недель просидел дома безвылазно. А может, потому что чувствую тьму внутри. Кому, черт возьми, знать. Я стараюсь особо об этом не задумываться, иначе придется думать о боли — чувствовать ее — а мне этого пока не хочется. Возможно, никогда не захочется.

Мы с Люком бредем по тротуару под солнцем. Когда покупали себе одежду в местном магазинчике, я, в конечном итоге, выбрал кое-что для Келли. Не знаю, когда — если вообще — вручу это ей, но вещица была просто идеальна, чтобы ее не приобрести. Может, когда-нибудь, я надеюсь.

Так как Келли с Сетом до сих пор не вернулись, мы решили отправиться на пляж. Люк продолжает засматриваться на каждую проходящую мимо девушку. Он ведет себя странно, даже для себя. Но с ним всегда так, когда что-то плохое случается дома.

— Ты в порядке? — спрашиваю у него, пока мы переходим улицу на перекрестке.

Люк смотрит на меня, сдвинув брови.

– Да. С чего мне быть не в порядке?

Когда доходим до другой стороны улицы, он спрашивает:

– Ты сам как?

– Нормально, – лгу я, уворачиваясь от женщины, которая проталкивается через толпу, громко говоря по телефону. Люк и ее провожает взглядом, обернувшись, до тех пор, пока она не сворачивает за угол. – Просто немного устал. – Глупейшее оправдание, когда-либо мной придуманное, но Люк не допытывается.

Оставшийся промежуток пути проходим молча и останавливаемся в конце тротуара. По близости нет машин, но мы оба просто стоим, глядя на сушу, переходящую в океан. Волны довольно слабые, солнечные блики отражаются от поверхности воды, ослепляя.

Прикрыв глаза рукой, я начинаю переходить через дорогу. На пляже не слишкомлюдно, только мне не хочется быть даже среди небольшого количества отдыхающих, собравшихся у кромки океана. Я просто не хочу находиться среди людей сейчас. Хочу забиться в какой-нибудь темный угол, потому что мне кажется, будто все вокруг знают, что творится у меня в душе, благодаря повязкам и браслетам на моих запястьях. Такое ощущение, словно всё, что я тщательно старался спрятать внутри, вышло наружу. Люк знает. Полуодетые люди на пляже знают. Келли знает.

– Как тут народ развлекается? – спрашивает Люк, пока мы бредем туда, где пенистые волны сталкиваются с береговой линией, стирая следы, оставленные на мокром песке.

Пожимаю плечом, убирая ладонь от глаз.

– Понятия не имею. Твой же отец тут живет.

Он сжимает челюсти.

– Да, но это не значит, что я знаю что-либо об этом месте... или о нем.

– Откуда у тебя вообще ключ от дома?

– У меня нет ключа.

Я вопросительно смотрю на Люка.

– У тебя нет ключа?

– Нет, – спокойно отвечает он.

Великолепно. Именно то, что мне нужно. Мне и так грозит обвинение, если Калев не примет отцовскую взятку. А после вчерашнего, я думаю, не решит ли он отказаться. Сегодня утром пришло сообщение от мамы – он послал ее по телефону, когда она позвонила, проверяя, в силе ли их договоренность или нет. Часть меня хочет, чтобы он отказался. Часть меня хочет разорвать любые связи с отцом. От данных размышлений во мне начинают зарождаться ярость и агония, только я мгновенно их подавляю, так как не могу справиться с этим без острого предмета, чтобы перенести внутренние раны на поверхность.

– Нам грозят неприятности? – спрашиваю, теребя повязку, отклеивая лейкопластырь и приклеивая обратно.

– Нет, – отвечает Люк, приближаясь к воде. – Он редко сюда приезжает. А если приедет, то вряд ли разозлится. Скорее, обрадуется.

Я заканчиваю разговор, потому что знаю – его это беспокоит. Поставив пакеты с одеждой рядом, сажусь на песок, подгибаю колени, облачиваясь на них. Люк

приземляется сбоку от меня, и мы просто сидим, позволяя тишине смыть боль, как волны омывают берег.

Вероятно, я так бы и сидел дальше, если бы не сработал мой мобильный. Сняв руку с колен, достаю телефон из кармана.

Келли: Вы где?

Я: Мы на пляже. А вы где, ребята?

Келли: В торговом центре, ищем вас.

Я: Идите до конца улицы, в сторону пляжа. Мы тут, в конце первого прохода.

Келли: Хорошо.

Убрав телефон, снова облакачиваюсь на колени.

– Они идут сюда.

Люк кивает головой, затем смотрит в сторону горизонта.

– Чем займемся вечером? Не хочу просто расслаивать без дела. Я приехал сюда, чтобы сделать... что-нибудь.

– Думаю, я останусь дома. – Я вытягиваю ноги перед собой. – Настроения нет гулять.

Он обдумывает мои слова, сощуривая свои карие глаза из-за яркого света.

– Слушай, я знаю, ты через многое прошел, но... но мне кажется, тебе меньше всего надо сидеть и думать об этом.

– Нам не обязательно куда-то ходить. – Голос Келли раздается сзади, и мое тело мгновенно напрягается, когда меня заполняют эмоции.

Я оборачиваюсь и смотрю на нее. Солнце светит в ее огромные голубые глаза, обрамленные длинными ресницами. Волосы собраны вверх, кожа поблескивает из-за жары. У нее в руках большой пакет, а на лице скептическое выражение. Сет стоит неподалеку от Келли, держа целую кучу коричневых бумажных пакетов с логотипом в виде фиолетового цветка. Он озадаченно смотрит на океан.

Поднимаюсь на ноги, спрашивая:

– Что купила? – Киваю в сторону ее пакета и через силу улыбаюсь. – Что-нибудь хорошее?

Келли нахмурирует брови, бросает взгляд на свою покупку, потом снова на меня.

– Не знаю.

То, как она это произносит – так смущенно – заставляет меня задуматься, что же там лежит. Я тянусь за пакетом, чтобы ее подразнить.

– Можно мне посмотреть?

Келли отрицательно качает головой, убирая руку за спину, ее щеки слегка розовеют.

– Ни за что.

Ладно, теперь я еще больше заинтригован. В поисках объяснений гляжу на Сета, но тот лишь небрежно пожимает плечами.

– Келли ведет себя как Келли.

Не уверен, что это значит, ведь обычно Келли милая и очаровательная, но сейчас она замкнутая и нервная.

– Хорошо... Хотите перекусить?

Келли кивает, а я невольно думаю о том, что она мне рассказала – как вызывает у себя рвоту. Не знаю, что с этим делать, и могу ли вообще что-либо сделать. Я понимаю плохие привычки, как они тобой овладевают.

Люк ворчит, поднимаясь и отряхивая с джинсов песок.

– Никаких суши, или крабов, или чего-нибудь относящегося к морепродуктам.

У меня на губах появляется улыбка.

– Кажется, мы после первого совместного похода в ресторан уяснили, что никто из нас четверых не любит морепродукты.

Сет поднимает руку над головой, указывая пальцем на себя.

– Эм, привет. Уверен, я сказал, что люблю суши.

– Ты сказал, – говорит ему Келли, после чего бросает на меня взгляд из-под ресниц. – Это нам с Кайденом не понравилось.

– Похоже, с тех пор прошла целая вечность, – бормочу я, пока моя память возвращается назад, в то время, когда впервые с ней встретился, когда все было иначе. Боже, она невероятно прекрасна, гораздо в больших смыслах, чем окружающие когда-либо поймут. Как бы глупо и банально ни звучало, но Келли вечно будет обладать моей чертовой душой... или, точнее, фрагментами, которые от моей души остались.

Не представляю, каким образом она это делает. Как в один момент я могу чувствовать себя настолько хреново, но стоит ей улыбнуться, и боль на мгновение отступает.

Я не могу больше терпеть. Мне нужно быть с ней, как был раньше. Черт, она нужна мне прямо сейчас, пока я не потерял рассудок.

Хватаю Келли за руку, удивив ее, и веду за собой через пляж к улице, потому что в данную секунду мне безразлично всё, кроме желания к ней прикоснуться. Ее обувь увязает в песке, пока она торопится вслед за мной. Я ищу уединенное место, потому что мои намерения не для всеобщего обозрения. Замечаю проход между двумя маленькими магазинчиками, у одного фасад ярко-желтого цвета, у второго – голубой, словно солнце и небо. Они покрыты наклонными крышами, которые практически соединяются над узким переулком.

– Кайден, что ты делаешь? – сбивчиво спрашивает Келли, спотыкаясь, едва поспевая за мной.

Я качаю головой, пробиваясь через толпу, и иду по дорожке вдоль побережья.

– Подожди немного.

Перейдя через улицу, завожу ее за угол желтого магазинчика. В конце прохода стоит большой мусорный бак, с другой стороны – гора деревянных ящиков. Место далеко не идеальное, но понятие совершенства переоценивают.

– Ты в порядке? – спрашивает Келли, запыхавшись, когда мы останавливаемся.

Я делаю вдох, оборачиваясь к ней. Не даю времени отреагировать, ни себе, ни ей, обхватывая рукой талию, прижимая ее миниатюрное тело к себе. Келли удивленно вздыхает, едва мои губы касаются ее. Я знаю, что, скорее всего, пожалею об этом, оставшись один. Но сейчас она мне нужна.

Наши рты соединяются, и я наконец-то снова способен дышать. Кажется, будто весь прошлый месяц я тонул, глотая воздух, только когда легкие были готовы взорваться. Но ее поцелуй вытягивает меня на поверхность.

– Кайден, – бормочет Келли, сжимая мою рубашку в кулаках. – О, Боже.

Я запускаю язык ей в рот, она размыкает губы, пуская меня глубже. Буквально поглощаю ее, только сейчас осознавая, как изнемогал без нее за время разлуки. Приближаясь к зданию, притягиваю Келли к себе, наши ноги путаются, в то время как мы пытаемся сохранить равновесие. Она роняет свой пакет на землю, а я упираюсь рукой в стену. Древесина царапает мои ладони, я наслаждаюсь ощущением грубой поверхности. Только мое сердце, разрывающееся от поцелуя с ней, болит гораздо сильнее.

Келли тихо стонет, когда я скольжу руками по ее спине вверх, к шее. Этот звук практически сводит меня с ума. Легкий поцелуй разгорается подобно пламени, и мое сердце вновь возвращается к жизни. Она раскрывает рот, чтобы мой язык проник еще глубже. Я провожу им по ее небу, дразня, дыша ею. Келли обнимает меня за талию, ища опоры.

Несмотря на желание остановиться, я утрачиваю весь контроль. Мои руки перемещаются на бока Келли, быстро спускаются вниз, к бедрам. Приподнимаю ее, обхватив пальцами ноги, она прижимается ко мне, скрепя лодыжки у меня за спиной.

Ее губы дрожат, когда я осторожно их прикусываю, что напоминает мне, насколько Келли невинна, и что я – единственный, кому она доверяет так к ней прикоснуться. Это должно чего-то стоить. Потому что Келли – самый необыкновенный, изумительный, добрый, любящий человек, которого я когда-либо встречал.

И если она обо мне заботится – это что-то значит.

Келли

Я забыла, каково это, как пугающе, но в то же время чудесно, когда он ко мне прикасается, чувствует, держит в своих руках, отпуская собственную боль. Поначалу я не понимаю, что происходит. В один момент мы обсуждаем суши, а через секунду Кайден тащит меня с пляжа. Я пытаюсь спросить, зачем, но он заставляет мой разум умолкнуть одним касанием губ, и все мысли о жизни – обо всем – рассеиваются. Кайден целует меня, не отталкивает, и, возможно, это значит, что мы сдвинулись с мертвой точки.

Я ощущаю вкус мяты и желания у него на губах, он одолевает меня своим языком. Его щетина, словно наждачная бумага против моей кожи, я прижимаюсь к нему, жажду его прикосновений, и жутко боюсь, что он меня когда-нибудь отпустит. Если бы могла, я бы провела вечность в объятиях Кайдена, поэтому знаю – он будет в порядке... мы будем в порядке.

Похоже, Кайден думает о том же, потому что он меня поднимает, притягивает ближе. Мои ноги, как на магнитах, смыкаются у него за спиной. Из глубины его груди вырывается хриплый стон. Меня шокируют образы, возникающие в памяти – я снова в гараже, нервничаю, но очень хочу быть с ним во всех возможных смыслах. Хочу дышать, жить опять.

Я позволяю его языку исследовать каждый миллиметр моего рта. Все мое тело, от кончиков пальцев до макушки, дрожит, а когда Кайден прикусывает мою губу, проводит по ней зубами, дрожь только усиливается.

– Кайден, – стону я, обхватывая руками его шею, притягивая его ближе. Он прижимает нас к стене. Руки Кайдена опускаются ниже по моему телу, мои бедра изгибаются к нему. От нас исходит жар, пока наши языки тают и переплетаются вместе. Порыв удовольствия пронесется у меня между ног, когда я чувствую его эрекцию, ощущение становится интенсивнее, как только Кайден сжимает мою грудь. Я забываю, где мы находимся, насколько трудно порой существовать. Я просто хочу его. Так сильно. Хочу, чтобы он не отпускал меня никогда.

Но затем его губы меня покидают, он опускает меня на землю так же поспешно, как поднял. Мы снова оказываемся в тупике, и я стараюсь не рассыпаться в прах. Мои губы припухли, легкие жадно втягивают воздух, каждый участок кожи, к которому он прикасался, приятно покалывает, а все мысли только о том, что мне этого мало.

Изумрудные глаза Кайдена блестят, он дышит прерывисто, переведя взгляд с меня в сторону пляжа.

– Я не должен был этого делать.

Качая головой, кладу руку ему на щеку.

– Кайден, посмотри на меня.

Он моргает из-за солнца, затем через силу встречается со мной взглядом.

– Келли, я не могу. Нам надо... нам надо просто быть друзьями.

– Просто друзьями? – Я хмурюсь, потому что не хочу быть друзьями. Только в данный момент мои желания неважны. Важно, чего хочет он. – Тебе действительно нужно именно это?

Кайден кивает, плотно сжав челюсти.

– Пока да... – Он тяжело сглатывает, засовывая руки в карманы, напрягая мускулы. – И дело не в тебе. Честно. – Его взгляд направлен не на меня, а мне за плечо. – Дело во мне.

Я прикусываю губу, тщательно подбирая слова.

– Как хочешь, Кайден. Я рядом. Ты можешь со мной поговорить.

Он решительно смотрит мне в глаза, и я замечаю искру в его взгляде, которую не видела с момента нашего воссоединения.

– Я знаю.

Улыбка появляется у меня на губах, я отважно протягиваю руку и переплетаю наши пальцы.

– Пошли, поедим, пока Сет не закатил истерику. Весь последний час он жаловался, что жутко голоден.

Кайден кивает, его рука почему-то вздрагивает, когда я поглаживаю большим пальцем его ладонь.

– Хорошо. – Он фальшиво улыбается, и я ненавижу, что ему приходится притворяться ради меня. Это значит, он закрылся в себе, а мне этого не хочется. Я хочу, чтобы он доверял мне так же, как я доверяю ему. Я у него в долгу.

Я обязана ему многим.

Я обязана ему всем.

~ ~ ~

Час спустя мы сидим на террасе ресторанчика, практически возле океана. Воздух пахнет солью, легкий бриз целует мои щеки, задувает пряди волос мне в глаза. Солнце садится, и жара уже более-менее терпима. Посетители занимают несколько круглых деревянных столиков, но в целом в ресторане довольно тихо.

Наша четверка молча изучает меню. Кайден сидит рядом, его колено соприкасается с моим. Не уверена, замечает ли он, но я не смею шелохнуться, опасаясь, что он опять отстранится.

– Так как насчет суши? – шутит Сет, нарушая молчание. – Или крабов.

Люк закатывает глаза, щелкая суставами пальцев.

– Думаю, я остановлюсь на гамбургере.

Кайден закусывает губу, я наблюдаю, как он изучает меню, и мечтаю о его поцелуях. Он держит руки под столом, раз за разом щелкая резиновыми браслетами у себя на запястье. Судя по звуку, должно быть больно, но я не решаюсь его остановить. Раз ему так надо, значит так и будет.

– Наверно, я выберу то же. – Кайден закрывает меню, кладет его на центр стола, рядом с кетчупом и горчицей.

Снова повисает тишина. Сет начинает с кем-то переписываться, Люк смотрит в сторону пляжа. Затем наконец-то появляется официантка с напитками, и принимает наши заказы. Мы тихо пьем, лишь шум волн заполняет пустынные пространства между нашими мыслями.

– Довольно. – Внезапно заявляет Сет, стукнув рукой по столу. Мы втроем подпрыгиваем от удивления. Кайден едва не роняет свой стакан на пол.

Люк резко поворачивается к Сету, посылая ему убийственный взгляд.

– Твою мать, в следующий раз предупреждение будет очень кстати.

Сет подносит трубочку ко рту, шумно отпивая.

– Извините, но эта мертвая тишина сводит с ума. – Он опускает свой напиток и вытирает рот тыльной стороной кисти. – Нам надо развлечься.

Кайден мгновенно напрягается, браслет продолжает щелкать.

– Да, думаю, я просто вернусь в дом.

Сет качает головой, разрывая обертку трубочки на мелкие кусочки.

– Ни за что. Мы приехали сюда не для того, чтобы сидеть дома. Мы приехали развеяться.

– Сет, я не думаю... – начинаю я.

Он меня перебивает, сгребая кусочки бумаги к центру стола.

– Нет. Этому не бывать. У всех нас есть проблемы, нам всем надо отвлечься от жизни ненадолго. Поэтому мы приоденемся и пойдем куда-нибудь.

– Куда? – спрашивает Люк, делая глоток. – В клуб, или типа того?

– Никаких клубов, – прошу я, складывая руки в молитвенном жесте. – Пожалуйста.

Сет выразительно смотрит на меня.

– Мисс Келли, мы это уже проходили. В клубах весело. И у тебя есть большой, сильный Кайден, который тебя защитит.

Мои плечи напрягаются, поникнув, когда я думаю, насколько далеко он зашел, защищая меня, и Кайден хватает меня за руку под столом. Словно читая мои мысли, он, наклонившись, шепчет мне на ухо.

– Все будет в порядке, – тихо произносит Кайден, заглядывая мне в глаза и улыбаясь одним уголком рта. – Мы пойдем, если ты захочешь.

Я склоняюсь к нему до тех пор, пока между нашими губами остается минимум пространства.

– Я хочу заняться тем же, чем ты.

Его зрачки расширены, а дыхание ласкает мою кожу.

– Если ты хочешь выбраться куда-нибудь, значит, я тоже хочу.

Мы так никогда не договоримся. Похоже, Сет приходит к такому же заключению.

– Значит, решено, – говорит он, немного меня раздражая, ведь я явно вижу, что Кайден никуда не хочет. – Сегодня ночью мы идем гулять и чертовски здорово оторвемся.

Люк опускает стакан на стол. Я замечаю, как он поглядывает на Кайдена. Может, не у одной меня есть опасения.

– Всех план устраивает? – интересуется Люк, глядя только на Кайдена.

Тот от меня отстраняется, пожимая плечами, потом тянется за своей содовой.

– Я не против, чувак.

– Мне кажется... – начинаю возражать я.

Поставив свой стакан обратно, Кайден сжимает мою руку, после чего наклоняется, смачно, но нежно целуя меня в щеку.

– Келли, со мной все будет хорошо. – Он дышит мне в шею, поглаживая пальцами мое запястье. – Обещаю... Тебе надо... тебе надо перестать обо мне беспокоиться.

– Такого никогда не случится, – шепчу я, медленно выдыхая, однако в итоге киваю. Мои щеки пылают от его поцелуя. Я не хочу идти в клуб, но не по той причине, о которой думает Сет. Я переживаю из-за Кайдена. Мы не говорили о случившемся, а поговорить необходимо. Потому что я ничего не понимаю. Мне лишь хочется уединиться с ним, чтобы задать вопросы, скопившиеся у меня в голове за прошедший месяц.

Сет поднимает свой стакан, предлагая тост.

– Скажу так – с данного момента, по крайней мере, в течение следующих двух дней – да будет веселье.

Люк тяжело вздыхает, толерантно протягивая руку за своим напитком и присоединяясь к Сету.

– Если мы не будем сидеть в доме, я согласен на любое веселье.

Кайден, не отпуская моей руки, второй поднимает свой стакан.

– Я «за».

Они все смотрят на меня, и я чувствую себя совсем крошечной. Обхватывая пальцами влажный стакан, вздыхаю и чокаюсь с парнями.

– Ладно, но никаких глупостей.

Сет хихикает.

– Дорогая, глупости – мое второе имя, так что просто плыви по течению.

Люк фыркает, даже Кайден не сдерживает улыбку. Но я продолжаю хмуриться, потому что у меня такое чувство, будто мы бежим от своих проблем. В своей жизни я усвоила один урок – убегая, ты только даешь повод себя догнать.

– За веселье, – объявляет Сет, стучаясь своим стаканом с нашими, разливая в процессе содовую на стол.

— За веселье, — бормочем мы, давая обещание, которое вряд ли все сможем сдержать. Пусть мне хочется верить, что последующие несколько дней будут наполнены смехом, радостью и солнечным светом, я все равно опасаясь, что может нагряться шторм.

Глава 11.

#45 Не дай парню расстроить себя

Келли

— Сет, не думаю, что смогу сделать это. — Меня всю передергивает, когда я смотрю на свое отражение в зеркале. Моя кожа бледная, и даже притом, что платье мне до колен, чувствую себя раздетой. Ремешки едва прикрываю плечи, и я выставляю напоказ столько тела, сколько не показывала за прошедшие шесть лет. Видно всё: и веснушки на кожи, и выступающие кости ключиц, и насколько у меня плоская грудь. Даже сандалии на ногах заставляют меня чувствовать себя голой. И распущенные волосы, поклонницей которых я никогда не являлась.

— Я выгляжу странно, — говорю, отдергивая подол платья. — И... голой.

Сет качает головой, делая шаг назад, чтобы рассмотреть меня. Его волосы перекинуты на одну сторону, с легким начесом спереди. На нем пара коричневых шорт и серая рубашка на пуговицах с подвернутыми рукавами. — Ты прекрасна.

Я скрещиваю руки на груди.

— Я не смогу выйти в этом.

— Конечно, сможешь, — говорит он, снова поворачиваясь к зеркалу.

Я отрицательно качаю головой.

— Сет, почему ты так категоричен по этому поводу?

Он возится со своими волосами и не отвечает. С решительным выражением лица он отворачивается от зеркала и смотрит на меня. — Келли, я решительно настроен лишь по той причине, потому что ты нет. Ты должна отпустить это. Я знаю, это трудно, но нужно двигаться дальше, мы все должны двигаться вперед и отпустить прошлое.

— Это то, чем ты занимаешься? — спрашиваю я. — Потому что, кажется, будто ты бежишь от чего-то.

— Я не убегаю ни от чего. — Он застегивает нижнюю пуговицу на рубашке. — Я закончил с побегами с того дня, как начал встречаться с Грейсоном. Это как будто мне удалось освободиться от страха произошедшего, и я, наконец, могу быть самим собой снова.

— Но как ты забыл о том, что случилось? — Интересуюсь, разглаживая складки рукой на платье. — Как ты не думаешь об этом?

Он легонько улыбается и кладет руки мне на плечи, глядя прямо в глаза с огоньком решимости. — Ты не забывай. Просто проходи мимо. Отпусти. Будь той, какой должна, а не такой, какой они заставляют тебя чувствовать.

— Но как я могу отделить одно от другого. — Говорю я, позволяя руками опуститься по сторонам. — Иногда я чувствую, как все смешивается. Как сейчас. Я чувствую себя неправильно из-за того, как одета, но я не знаю, это из-за того произошло или из-за того, что я просто-напросто не люблю платья.

Уголки его губ приподнимаются, и, тогда он целует меня в лоб.

— Походи в нем и узнаешь.

Он отступает от меня и идет к своей сумке, что лежит на двуспальной кровати. Вытаскивает одеколон, снимает колпачок и брызгает им на рубашку. А я ныряю в свою сумку и быстро просматриваю письмо, которое написала Кайдену. До сих пор не уверена в том, чтобы показать его, и я думаю, стоит ли мне бежать от этого или принять. Может быть, пришло время столкнуться с неизбежным.

— О, я забыл спросить. — Он защелкивает крышку одеколona. — Что у тебя под платьем?

Я закусываю губу, борясь со смущением, потому что ношу черные кружевные трусики, что он заставил меня купить. — Ничего.

— Ого, ты решила не носить нижнее белье? — отвечает он с усмешкой. — Это даже к лучшему.

Я освобождаю губу из плена и улыбаюсь.

— Ты же знаешь, что я не это имела в виду.

— Знаю, — он подмигивает мне. — Но это было забавно. — Он бросает одеколон обратно в сумку. — Ты готова сделать это?

Я смотрю на себя в зеркало, отмечая необъятность моих глаз, что занимают чуть ли не все лицо. Конечно, я доверяю Кайдену так, что позволяю видеть меня всю, но я не уверенная во всем мире, потому что он большой, страшный и вечно в движении. В одну минуту он кажется домом, а в другую — далеким и незнакомым.

Я поддаюсь вперед, и Сет открывает для меня дверь. Мои колени дрожат, пока я направляюсь на кухню, где Люк и Кайден смеются над чем-то сидя за столом. На нем стоит высокая бутылка с коричневой жидкостью. Когда я шагаю ближе, то вижу, что это Джек Дениэлс. Еще в руках у Люка зажженная сигарета, и дым заполнил уже весь воздух.

Я останавливаюсь в дверном проеме, смотря, как глаза Кайдена загораются каждый раз, когда он говорит о чем-то. Интересно, пьян ли он, потому что он преодолел путь от печального до счастливого всего за пару часов. На лице широченная улыбка, а взгляд остекленевший.

— Уже выпили? — Сет потирает руки, выглядя нетерпеливым и выскакивая вперед, задевая мое плечо. Я хватаюсь за столешницу, чтобы не упасть, и делаю шаг в сторону, частично скрывая себя.

Глаза Кайдена проясняются, когда он видит меня и тут же отвечает суетливо. — Ага, мы думали начать пораньше, — говорит Кайден Сету, беря бутылку в руки и протягивая ему. Его взгляд направлен на меня, и я вновь вспоминаю все те забавные моменты, что были у нас, и это оставляет мне надежду, хоть многие вещи и выглядят сейчас мрачными.

Он улыбается, вскакивая из-за стола, царапая плитку пола ножками стула. Он довольно долго неровной походкой огибает стол, в то время как Сет похищает его место.

Волосы Кайдена уложены и спадают на шею. На нем темно-серая рубашка и пара свободных джинсов, свисающих с бедер. Еще он одел несколько кожаных браслетов на запястья, чтобы скрыть на них повязки, его лицо выбрито, и это вызывает у меня волнение, потому что, это означает — ему пришлось иметь дело с бритвой.

— Привет, — говорит он, пересекая кухню большими шагами, обходя шкаф с посудой.

— Привет, — отвечаю я, разворачиваясь и оказываясь перед ним, при этом моя спина вдавливается в столешницу. Я мельком смотрю на его руки, проверяя наличие свежих ран. Все выглядит хорошо, если исключить то, что я не вижу, что там под повязками.

Он резко останавливается, на лбу появляются складки, когда его взгляд медленно исследует мое тело, на мгновение задерживается на груди, прежде чем остановиться на моих глазах. — Не думаю, что когда-нибудь видел тебя в платье.

Я качаю головой, мои локти согнуты, а пальцы впиваются в края столешницы.

— Это потому что у меня его не было. До этого момента во всяком случае.

Его взгляд продолжает свое шествие, и это заставляет меня нервничать. Наконец, его глаза останавливаются на моих, и даже через море алкоголя, я вижу настоящего Кайдена на той другой стороне.

— Ты прекрасно выглядишь.

— Спасибо, — отвечаю спокойно и убираю несколько прядей волос за ухо. — Я думаю...

Его губы обрушиваются на мои, и я делаю глубокий вдох через нос, когда ноги начинают подгибаться. Его теплый язык проникает в мой рот, он на вкус, как Джек Дениэлс и пахнет сигаретным дымом. Его рука оборачивается вокруг моей талии, и он удерживает весь мой вес, когда наши тела сливаются. Он меняет угол наклона, и наши ноги переплетаются, а мое сердце ускоряется в груди. Край стола упирается мне в спину, но меня это не беспокоит. Все что меня беспокоит – это он.

Мои руки скользят по его и пробираются до волос. В глубине моего сознания здравомыслящий голос кричит мне прекратить это, потому что он пьян и запутался, а мне нужно остановить его.

— Что ты делаешь? — Немного наклоняю голову назад. — Я думала, тебе нужно было, чтобы мы были друзьями.

— Да, — уверяет он меня, сдавленным голосом, а затем вновь соприкасается с моими губами. Я пытаюсь вырваться и в тоже время прижимаю его к себе. Я в смятении. В замешательстве. Я ужасный человек.

Его пальцы перемещаются на мои бедра и вдавливаются в кожу, когда он приподнимает меня и усаживает на столешницу. Моя голова ударяет о шкафчик, когда его руки перемещаются на внутреннюю сторону бедер и раздвигают их. Перемещаясь дальше, его пальцы движутся выше, пока не достигают чувствительной части. На мгновение забываю, где я и кто я, раскрывая ноги шире, позволяя ему приблизиться.

— Кхм, мне не нравится прерывать вас. — Голос Сета возвращает меня к реальности, и я сразу отскакиваю в сторону, тяжело дыша и вновь ударяюсь головой о шкафчик. — Как бы я вас ни любил, ребята, мне бы не хотелось увидеть, как далеко это может зайти. Вам, видимо, стоит сохранить свой пыл до того момента, как останетесь одни.

Кайден кладет свою голову мне на плечо, яростно дыша, и его тело напрягается под моими руками.

— Извини, — шепчет он, уткнувшись в ключицу, а затем отстраняется, вызывая у меня еще большее недоумение.

Я разглаживаю платье, натянув как можно ниже, и спрыгиваю со столешницы. Я провожу руками по волосам, пытаюсь уложить их на место, и стараюсь изо всех сил не заплакать из-за острого чувства в сердце.

Сет выгибает бровь, глядя на меня.

— Видишь, платье – это не так уж и плохо.

Я сжимаю губы, потому что это не смешно, но все же.

— Думаю, что нет. — Я хмурюсь. Это вызывает боль в каждой частичке моего тела. Все, чего я хочу, это быть с ним вне стрессовой ситуации, где мы сможем наслаждаться друг другом, быть настоящими, быть собой.

Его плечи поддегиваются, когда он издает низкий смех, а затем тянет ко мне руку.

— Давай, детка, — он касается моей нижней надутой губы. — Не дай парню расстроить себя. Давай веселиться.

Я киваю и следую за ним по кухне, мы останавливаемся возле небольшого плетеного стола. Сет несет бутылку Джека Дениэлса и взмахом руки предлагает ее мне.

— Вот, это поможет расслабиться.

Я смотрю на Люка и Кайдена, ждущих возле задней двери, и затем обратно на Сета.

— Это все, конечно, здорово. Но кто-нибудь должен быть за рулем.

Люк качает головой, улыбаясь и проводя рукой по коротким каштановым волосам. На нем свободная красная рубашка и пара поношенных джинсов.

— У меня странное чувство дежа-вю, уверен, что ты тоже самое сказала тем вечером, как мы пошли в клуб.

— Да, — признаю я, откидывая волосы с плеч. Не знаю это ночь такая теплая или все из-за поцелуя, но мне вдруг стало очень жарко. — Но что мы будем делать? Всюду ловить такси?

Люк кивает, беря свой телефон и поднимаясь со стула.

— Уже позаботились. Одно должно подъехать где-то в пять.

Сет машет бутылкой перед моим лицом, и жидкость брызжет по стеклу.

— Давай, расслабься. — Он наклоняется, понизив голос. — Тебе нужно расслабиться, Келли. Ты была слишком напряжена в последнее время.

Он прав. Я и так нанервничалась и мне нужно расслабиться, хоть на секунду забыть о тяжелом грузе на моих плечах. Я беру у него бутылку и без всяких раздумий подношу горлышко к губам, откидываю голову, делая слишком большой глоток. Я остро реагирую, роняя бутылку и хватаясь я грудь.

Кайден выставляет руку вперед, лови бутылку прежде, чем она приземлится на пол.

— Черт возьми, — говорит он, а затем подходит ко мне, поглаживая мою спину. — Успокойся.

Я кашляю и борюсь с рвотным позывом. Я не любитель выпить, и обычно пью в небольших количествах.

— Немного перестаралась, — говорю сквозь кашель, держа руку на груди.

Он убирает мои волосы назад, и его ладонь задерживается на моей щеке. Он продолжает касаться, и действует так, как не должен. Я смущена и задыхаюсь, а мне просто хочется почувствовать себя свободной.

— Келли, ты не должна пить, если не хочешь. — Он говорит это так тихо, что только я могу его услышать.

Я отступаю и расправляю плечи.

— Знаю. Это и тебя касается.

Он снова смотрит на меня и сглатывает.

— Вот. — Он протягивает бутылку Сету и спешит к двери, открывая ее. Выходит на улицу, и дверь захлопывается, оставляя нас троих в растерянности и смущении. Не знаю, что мне нужно сделать, нужно ли идти за ним. Я понятия не имею, что ему нужно.

Внезапно, я осознаю, что вообще много о нем не знаю.

Кайден

Она думает, что я злюсь на нее, но это не так. Я злюсь на себя. За то, что приехал сюда. За то, что поцеловал ее. За то, что прикасался к ней так, как хотел. Она заслуживает лучшего. А я не настолько силен или хорош, чтобы держать от нее подальше.

Я договариваюсь с Люком, и меня сажают на переднее сиденье в такси, а Сет и Келли садятся сзади. Это дает мне время остыть и перестать думать о ней в этом проклятом платье. Все, что я хочу сделать – это утащить ее обратно в дом, сорвать одежду и заняться с ней любовью снова. Но я должен прекратить думать об этом. И нужно перестать пить, потому что это пробуждает во мне чувства, которые я пытаюсь держать запертыми внутри моего стального сердца.

Люк и Сет продолжают передавать друг другу Джека и делать глотки, низко опуская головы, чтобы таксист – молодой человек с длинными волосами и козлиной бородкой – не увидел. Сет предлагает его несколько раз Келли, но она качает головой и отказывается на все предложения. Она даже не взглянула на меня, после того как мы покинули дом, и продолжает возиться с завязками на платье и смотреть в окно на небо. Небо темное, и рождественские огни горят на улице, свечение которых отражается в ее глазах. Они кажутся самыми печальными на свете, еще печальнее, чем когда я встретил ее впервые, если это вообще возможно.

На радио играет какая-то глупая песня. Какой-то парень поет о любви, и я ловлю себя на мысли, что хочу проткнуть свои барабанные перепонки, или, по крайней мере, сделать парочку надрезов на коже. Я не хочу думать о любви и о том, что она значит для меня. Я ни о чем не хочу думать.

Я уже собираюсь попросить Люка передать мне бутылку, как такси останавливается перед длинным кирпичным зданием, вклиняемым между себе подобными. Около него выстроилась толпа, и музыку, играющую внутри, можно услышать даже на дороге.

Люк вынимает деньги из бумажника и отдает их таксисту, а затем проскальзывает в открытую дверь.

— Вы, ребята, платите за напитки. — Он собирается выходить, и я качаю головой, пока Люк выскальзывает и выбирается из машины.

Я жду Келли, но она не двигается. Когда я, наконец, осмеливаюсь заглянуть через плечо, то обнаруживаю, что она смотрит на меня. Я кладу руку на спинку сиденья и нагибаюсь, чтобы быть лицом к ней.

— Все в порядке? — спрашиваю ее.

Она прикусывает нижнюю губу и трясет головой.

— Нет.

Я борюсь с желанием прикоснуться к ней.

— Что случилось?

Она освобождает нижнюю губу и скользит к краю сиденья.

— Я не знаю кто ты.

Моя челюсть чуть ли не падает на землю.

— Что?

Она делает прерывистый вздох, вытаскивая ноги из машины.

— Я не знаю кто ты. Не буквально, но это причиняет боль. — Она больше ничего не говорит, выбираясь наружу, оттягивает платье за подол и присоединяется к Сету и Люку на тротуаре.

Не знаю, как воспринимать то, что она сказала. Я рассказал ей больше, чем кому-либо другому. На самом деле, когда думаю об этом, то понимаю, что никому ничего не рассказывал, а перед ней полностью обнажился. Мои ботинки шаркают по гравию, когда я захопываю дверь. Такси отъезжает, скрипя шинами, а я остаюсь стоять на обочине.

Келли цепляется за руку Сета, но я не могу точно сказать, кто за кого держится. Люк уже тянется за сигаретами и вставляет одну в рот. Люди говорят, смеются, веселятся, но внутри моей головы ураган.

Она не знает меня.

Она действительно не знает меня.

И это потому, что я не позволяю ей.

Внезапно я чувствую себя мудаком. Я обязан объяснить ей, почему она нашла меня истекающим кровью на полу.

Я теряюсь в своих мыслях, когда очередь продвигается вперед, и мы заходим внутрь здания. Люк нашел клуб от восемнадцати и старше, поэтому нам не нужно поддельное удостоверение. Как только мы переступаем порог двери, то нас окутывает удушающая атмосфера. Слишком много гребанных людей, плотно забивших маленькое помещение. Спертый воздух, но, к счастью, здесь не разрешают курить. Музыка оглушительна. И пол вибрирует от нее. Я раньше никогда не возражал от подобных мест, но внезапно на меня накатывает слабенькая клаустрофобия. Я думаю, что у Келли также, потому что она цепляется за заднюю часть куртки Сета, словно ее жизнь зависит от нее, пока он идет впереди, расталкивая толпу. Люк исчезает в толпе.

Кто-то спотыкается, идя из бара, и разливает пиво по всему полу рядом с ногами Келли. Она отпрыгивает в сторону, пальцы ее отпускают Сета, но снова тянутся к нему. Но люди мешают ей, и я могу утверждать, что она пытается не паниковать.

Я делаю несколько больших шагов и хватаю ее за талию. Ее тело напрягается, и я быстро целую ее в голову и шепчу, — Расслабься, это я.

Она кивает на звук моего голоса и ее плечи смягчаются. Я медленно приближаюсь к ней, пока ее затылок не прижимается к моей груди, и тогда я обнимаю ее за талию, надежно прижав к себе, и движусь сквозь толпу. Я убеждаюсь в том что, держу локти так, чтобы никто не смог подобраться близко и прикоснуться к ней, и, когда мы, наконец, вырываемся из толкучки, то оба делаем глубокий вдох.

Мои руки расслабляются вокруг нее, но я не позволяю ей отстраниться, пока мы движемся к угловому столику, где сидят Люк и Сет. Я отпускаю ее только для того, чтобы выдвинуть стул, а она дарит мне неуверенную улыбку, когда садится. Я сажусь с другой стороны стола, желая не быть здесь.

— Боже, здесь просто сумасшедший дом, — говорит Люк, взъерошивая свои волосы, пока оглядывается на бар, толпу возле двери и на танцпол в углу. — И жарко.

Сет кивает и тянется за сигаретами, что лежат в его переднем кармане. Но затем его лицо мрачнее, и он смотрит на столики вокруг нас.

— Минуточку. Здесь нельзя курить, да?

Люк качает головой, откидываясь на стуле и разминая мышцы, и скрещивает руки.

— Да... Это просто убивает меня.

— Думаю, что это сигареты те, кто собираются тебя убить, — нервно шутит Келли, пока ее глаза мельком глядят на танцпол.

Люк стреляет в нее смертоносным взглядом, но потом качает головой и улыбается.

— Ну, раз я не смогу курить, то хотя бы буду пить. — Он отодвигает стул подальше от стола и поднимается на ноги. — Что будете?

— Самое слабое, что есть в наличии, — отвечает Келли, заламывая руки на коленях и впиваясь ногтями. Она беспокоится, и я хочу знать почему. Это из-за меня, или это что-то другое?

Сет достает телефон и начинает нажимать на кнопки.

— Я не разговаривал с Грейсоном со вчерашнего дня. — Вздыхает он. — Думаю, он расстроен из-за меня.

Келли опирается руками о стол.

— Почему?

Сет пожимает плечами, скользя пальцами по экрану.

— Потому что я, возможно, высказал кое-что по поводу наших отношений.

— Например? — спрашивает Келли.

— Например, то, что я хотел бы отдохнуть. — Он таращится на телефон и вздыхает, а Келли хмурится в его сторону. — Не смотри на меня так. Я не это имел в виду. Я устал и много думал, и я не имел это в виду.

Келли проводит рукой по поверхности, стряхивая немного соли на пол.

— Ты сказал ему об этом?

— Пока нет, — отвечает он. — Но я работаю над извинениями.

— Сет. — Она протягивает руку через стол и прикасается к его руке. — С каких пор ты все держишь в себе? Ты никогда так не делал. Это нездорово.

Он пожимает плечами, бросает взгляд на меня, а затем берет Келли за руку.

— Пойдем со мной на минутку, — говорит он, вставая из-за стола, заставляя ее подняться на ноги.

Кивнув, она следует за ним, не оглядываясь на меня. Все что я могу услышать, это лишь отзвуки их голосов в моей голове. Никогда и ничего не сдерживать в себе. Это вредит здоровью.

Если это правда, тогда я явно не самый здоровый человек в мире. Я чувствую, как все скапливается внутри меня. Что я из себя представляю. Что чувствую. Моя жизнь и пустота, которые вечно будут владеть мною. Если же это неправда, тогда мне нужно разобраться в последних годах моей жизни. Но мне сложно думать сейчас, потому что чувства накрывают меня с головой, и тогда я вскакиваю на ноги. Несусь через весь зал, направляясь в уборную, и пихаю открытую дверь. В комнате несколько парней, поэтому я захожу в одну из кабинок и запираюсь. Прижимая руки к лицу, пытаюсь сделать несколько глубоких вдохов, а затемдвигаю пальцы на запястья, шелкая браслетом. Я делаю это снова и снова, пока не появляется большой красный рубец, но это все еще не приносит облегчения.

Мне нужно что-нибудь – что угодно, чтобы эти чувства ушли. Я обыскиваю кабинку, в поисках чего-нибудь острого, как край металлического диспенсера для бумаги. Это отчаянное решение, которое может привести к столбняку. Не уверен, что смогу сделать это. И когда направляю к нему запястье, то замечаю застежку на одном из кожаных браслетов. Рассматриваю ее, как более удачную альтернативу и помещаю другое запястье выше, а затем с силой дергаю ее вниз. Кожа распарывается, и боль вспыхивает в руке. Когда кровь проливается, мое сердце успокаивается.

Я сажусь на унитаз и позволяю крови течь на пол, брызгая красными капельками на плитку возле моих ног. Я кладу голову на руки, чувствуя стыд с удовлетворением, и задаюсь вопросом, как, черт возьми, попал в это место и как докатился до такого.

Я могу вернуться к тому моменту, когда все началось, мне было около двенадцати. Это случилось сразу, после того, как моя команда упустила бейсбольный мяч, из-за того, что я промазывал каждый раз, когда был отбивающим. Часть меня делала это нарочно, на зло, потому что знал, что это рассердит отца. И хоть мне было больно каждый раз, когда он злился, ему тоже было больно, внутри.

Я помню, каким спокойным был отец на обратном пути до дому, что заставляло меня нервничать. Его пальцы вцеплялись в руль, когда он управлял машиной. Ветер дул и поднимал клубы пыли. Небо было облачным, и я помню, как сожалел, что дорога не бесконечна.

Но всему приходит конец, и в скором времени мы останавливаемся перед нашим домом. Трава была скошена, и косящий газон парень все еще убирал груды подстриженной травы.

— Иди внутрь, — наконец заговорил отец низким голосом, что означало – я в полной заднице.

Я схватил свою битку с перчаткой и вылез из машины. С низко опущенной головой я шел по дорожке, смотря себе под ноги, пока не добрался до парадной двери. Взглянул наверх, только чтобы открыть ее, а затем снова опустил глаза вниз, как только вошел.

Я начал подниматься по лестнице, надеясь, что на этот раз он просто забудет об этом. Но на полпути я услышал, как хлопнула входная дверь, и ветер снаружи затих. Я продолжил путь наверх, хотя надеялся, что каким-то образом смогу придумать, как сделать себя невидимым.

— Ты не хочешь рассказать что, черт возьми, произошло? — Его голос ударился о мою спину.

Я знал, что мне следовало развернуться и поговорить с ним, но я запаниковал и прибавил шаг. Это всегда было неверным решением. Он помчался вслед за мной, и, к тому моменту как я достиг вершины лестницы, он схватил меня за шиворот.

Он отдернул меня назад, спускаясь вниз по лестнице, а я изо всех сил пытался устоять ногами на полу, пока бита и перчатка выскользывают из моих рук.

— Ты хоть представляешь, как тебе повезло? — Он развернул меня лицом к себе, и я, спотыкаясь о собственные ботинки, врезался в стену.

— Повезло? — спросил я, став в устойчивое положение. — Как?

Я обычно не возражал ему, но мой разум был где-то в другом месте. Как-то в школе меня спросили, откуда на руке взялся синяк, и я едва ли не рассказал им правду. Что мой отец толкнул меня на одну из полок в гостиной, из-за того, что пролил соду на пол. Но я струсил, и сквозь молчание ко мне пришло осознание. Моя жизнь всегда будет такой.

— Что ты сказал? — отец обрушился на меня, вены вздулись на его шеи, а костяшек пальцев побелели, когда он сжал их в кулаки.

— Я сказал, что устал от всего этого, — пробормотал я, опустив голову. — Я ничего не сделал и проиграл игру.

Тишина, последовавшая после моего тихого голоска, была чертовски устрашающей, и когда я, наконец, решился поднять голову, то был потрясен, увидев, что его пальцы смягчились, а вены разгладились.

Было одно мгновение, когда он выглядел почти человеком, и я думал, что наконец-то достучался до него. Но тогда его глаза покраснели, и он шагнул вперед.

— Ты знаешь, что мой отец сделал бы, если я проиграл, а затем бы перечил ему, как ты только что? — Он замолк в ожидании моего ответа.

— Нет, сер, — сказал я. — Не знаю.

Он шагнул ближе, возвышаясь надо мной.

— Он бы кричал на меня перед всеми этими людьми и говорил бы мне правду, а правда заключается в том, что нам нужно становиться лучше.

Иногда, когда он сердился, то упоминал своего отца, что он сделал с ним, вроде как объясняя свое насилие. Я задавался вопросом: «когда вырасту, тоже буду подобное переживать со своими детьми?». Мысли о том, что я мог стать таким же, пугали меня. Я не хотел становиться тем, кто заставляет людей страдать.

Я затаил дыхание, ожидая, что он ударит меня, но его рука оставалась в стороне.

— Я не понимаю тебя, — сказал он. — Ты такой бестолковый. Неважно, сколько раз я пытаюсь научить тебя, как нужно себя вести, ты всегда все портишь. И затем ты проваливаешь игру на глазах у всех, заставляя выглядеть меня отцом-неудачником, который, как гребанная киска для своего сына. — Мышцы на его руках напряглись, а вены на лбу пульсировали. — Ты ничего не заслуживаешь. Ты кусок дерьма. И чертов неудачник. Ты даже не заслуживаешь того, чтобы стоять здесь.

Он продолжал и продолжал разоряться на меня, но не бил. Каждое его слово ранило – оставляло шрам. Все больше и больше. Режет. И ранит. И ранит. И ранит. Я чувствовал себя маленьким и невидимым, как и мечтал раньше. Когда он закончил, то отвернулся и оставил меня одного в холле.

Помню, я подумал, что было только хуже от того, что он не ударил меня. По правде сказать, я желал о том, чтобы он лучше ничего не говорил, а просто выбил из меня дерьмо. Тогда бы я мог свернуться в клубок и избавиться с помощью сна от боли. Вместо этого боль была в моей голове, крови и сердце. Я хотел этого так сильно и сделал единственное, что смог придумать.

Я поднялся вверх по лестнице в ванную и взял первую бритву, что попала под руку. Это было лезвие для замены одной из бритв матери. Край был довольно притуплен, и на нем была полоса какого-то дерьмого лосьона сверху.

Но это не имело значения. Этого было достаточно. Я приложил лезвие к задней части руки и сделал надрез. Потребовалось несколько раз резануть, прежде чем кожа распоролась, каждая царапина была приятна. К тому времени, как кровь начала сочиться, я почувствовал себя лучше. Я поместил руку над раковиной и позволил боли стекать вместе с кровью.

Я прогоняю воспоминания подальше и поднимаюсь на ноги. Мне нужно убираться отсюда. Сейчас же. Мне нужно спастись от этой чертовой поездки и вернуться домой, прежде чем привяжусь еще сильнее. Поспешно выхожу из уборной, поворачиваясь боком, чтобы протиснуться через людей, и направляюсь к двери.

Я пойду обратно в домик, заберу свои вещи и поеду домой на байке, в этот гребанный дом, которому принадлежу, потому что не смогу выжить в другом месте.

Проталкиваясь через последний ряд людей, я замечаю Келли и Сета на танцполе. Играет медленная песня, и она держится за него, что-то говоря со складками на лбу. Ее глаза, кажется, наполнены слезами, что становится моим центром внимания. Я думаю о том, какая она хрупкая, и бросаю взгляд вниз, на свои запястья, понимая то, как легко могу сломать себя.

Глава 12.

#88 Не сдерживаться. Выпустить все наружу

Келли

— Ладно, думаю, я все испортил. — Первое, что говорит мне Сет, когда дверь уборной захлопывается. В туалете несколько женщин, но они все держат пиво, и кажется, не против того, что Сет здесь. Либо так, либо они настолько пьяны, что приняли Сета за женщину.

— Что случилось? — Я прислоняюсь к раковине. — Что-то с Грейсоном, полагаю.

Он качает головой вниз и вверх.

— Я запаниковал.

— Мне знакомо это слово, — говорю я ему, — но что заставило тебя запаниковать?

— Наши... — Он понижает голос и отодвигается в сторону, когда входит кучка девушек. Одна стреляет в него глазами, и он смотрит в ответ на нее с враждой. — Наши отношения.

— Твои и Грейсона?

— Да, все из-за воспоминаний.

Женщины, заполнившие уборную, внимательно слушают, поэтому он хватается за мою руку и заводит в кабинку для инвалидов. Закрывает дверь, отпускает меня и проводит пальцами по волосам. Он выглядит встревоженным, что странно, потому что он редко бывает таким.

— Сет, что бы это ни было, пожалуйста, расскажи мне, — говорю я, опираясь на стену. — Ты же знаешь, что можешь рассказать мне все.

На лице настороженное выражение.

— Это из-за близости.

Неловко топчусь при слове близость, как будто это рефлекс, внедренный внутри моего тела.

— Я могу справиться с этим.

Он потряхивает головой.

— Уверена?

Я делаю шаг вперед, пожимая плечами.

— Да, я твой лучший друг и ты можешь рассказывать мне все, что угодно.

Он вздыхает и начинает ходить в маленьком пространстве.

— Я не могу пройти через это... и не потому что беспокоюсь о том, как далеко это может зайти. А потому что, я продолжаю вспоминать.

— О чем? — Мой голос спокоен.

Он останавливается и, его руки висят по сторонам.

— О Брэйдене.

Брэйден был первым бойфрендом Сета и парнем, который был полностью ответственен за надирание задницы Сета футбольной командой, избегая столкнуться лицом к лицу со слухами об их отношениях.

— У тебя есть к нему чувства? — Спрашиваю я, щелкая задвижкой мизинцем.

— Нет, дело не в этом... — колеблется он, — дело в... в том, что мое сердце разбито.

Все это время Сет казался таким сильным, но также как и у всех у него есть свои страхи, и я должна поддержать его, так же, как и он всегда поддерживает меня. Я занимаю его место на минуту и становлюсь утешающим лучшим другом, который пытается помочь облегчить боль.

— Все будет хорошо, — я делаю шаг к нему и беру его руку в свою. — Грейсон не Брэйдон.

— Я знаю, — вздыхает он, сжимая мою руку. — Но иногда, я ловлю себя на том, что возвращаюсь в то место, где лежу в грязи, а они выбивают ногами из меня дерьмо.

Я оборачиваю руки вокруг него и обнимаю, отметив, что чувствую себя в безопасности рядом с ним.

— Я знаю, но иногда двигаться дальше – это единственный способ, которым мы можем избежать нашего прошлого, так ведь? По крайней мере, это то, что ты всегда говорил мне.

— Знаю, — шепчет он и обнимает меня в ответ, притягивая меня ближе. — И знаю, что ничего не случится. Грейсон не Брэйдон и он любит меня, но я продолжаю думать о этом проклятом Богом дне. Я был так чертовски счастлив, думал жизнь идеальна, а потом появились они и вывалили все эту грязь, как кучка роботов, которые повторяют один за другим. И... — Он отстраняется, и я могу сказать, что он вот-вот заплачет. — И не могу перестать представлять его лицо... с ненавистью в глазах, будто он осуждал меня за то, что был частью этого.

Я держусь очень тихо и даю ему время, чтобы он взял себя в руки. Сет был собой, это не займет много времени прежде, чем он отстранится. Он вытирает уголки глаз пальцами и выдыхает.

— В любом случае, я собирался сказать, до того как разревелся как ребенок, что немного напуган тем, что нужно двигаться вперед и я должен рассказать кое-что Грейсону и то что я расскажу не будет хорошим.

Я тянусь к рулону туалетной бумаги и даю ему несколько кусочков.

— Может быть... иногда просить прощения на самом деле легко.

Он стирает остатки слез бумагой и выбрасывает ее в мусорное ведро.

— Да, но иногда нет.

— Иногда да.

Это заставляет его улыбаться.

— Взгляни на себя. Мудрец. — Он резко обнимает меня. — Я думаю, это от того, что ты все свое время проводишь со мной.

Я выдавливаю улыбку, когда открываю дверь.

— Возможно.

К тому времени, как мы выходим из уборной, помещение заполнилось еще больше. Не люблю это. Это заставляет меня чувствовать тревогу и стыд из-за платья, которое я надела. Каждый раз когда кто-то дотрагивается до меня, меня передергивает внутри.

Я хватаю руку Сета и, он ведет меня к нашему столику, где Люк разговаривает с какой-то девушкой в коротеньком черном платье. Ее светлые волосы уложены, декольте почти вываливается из платья, и она сидит на моем стуле. Когда мы подходим к столу, ее глаза изучают меня и затем она отворачивается, игнорируя меня.

— Эй, — говорит Сет, до того, как она что-либо ответит. Он наклоняется над столом и берет две полные рюмки из восьми, что стоят посреди стола. — Думаю, Келли и я пропустим по одной и пойдем потанцуем.

Люк кивает и снова начинает общаться с девушкой. Я встаю позади Сета, и он поворачивается ко мне, предлагая выпивку. Я отвлекаюсь, и без раздумий беру рюмку и опрокидываю ее себе в рот. Алкоголь обжигает и раздражает мой пищевод.

— Буээ, — давлюсь и показываю Сету пустую рюмку. — Я не хотела пить это.

Сет хихикает надо мной и откидывает голову, выпивая стопку. Он берет мою стопку со своей и ставит их на стол. Одна переворачивается, но его не беспокоит это. Он берет мои руки и тянет на танцпол.

— Мы реально собираемся сделать это? — Моя голова слегка затуманена и ноги, как резина. — Я чувствую себя не очень.

Сет кивает, затем вращается вокруг, покачивая немного бедрами, и встает в зажигательную позу.

— Нам с тобой надо расслабиться.

Я смотрю на людей, окружающих нас, которые трутся друг об друга под низкие биты знойной песни.

— Танцы никогда не расслабляли меня.

Он придвигается ко мне, щелкая пальцами и раскачиваясь взад и вперед.

— Да ну. Я видел, как ты танцевала в машине, когда мы направлялись в Афгон.

Я трясую головой, но мои губы растягиваются в улыбке. Я начинаю танцевать с ним, двигаясь не слишком сильно, но достаточно, чтобы почувствовать, как мое настроение возрастает. Когда эту мелодию сменяет медленная, Сет кладет руки на мои бедра. Когда мы начинаем раскачиваться под ритм песни, с каждым движением в моей груди нарастает комок. Мои воспоминания уносятся к моменту, в котором мы с Кайденом танцуем, и на мгновение мне кажется, что все будет хорошо. Но это не так. Кайден не говорит со мной, и все, что я могу — это представлять его, лежащего на полу, бледного, как снег с останавливающимся пульсом. Я могу видеть порезы на его запястьях. Могу почувствовать мой ужас и страх за него. Как не хочу, чтобы он умирал. Как он мне нужен. Навсегда. Комок в груди растет и, я клянусь, мои ребра сейчас треснут от этого.

— Келли, что такое? — Сет стирает пальцами с щек слезы, которые вытекают из моих глаз.

— Я не хочу, чтобы он умер, — шепчу я сквозь рыдания. — Не хочу.

Его глаза расширяются.

— Он не собирается умирать, Келли. Он будет жить.

— Я знаю это. — Отвечаю, зная, что он не понимает. Кайден, похож на меня во многих отношениях. Он держит это в себе, пока не сломается. И если он сломается, я не смогу помочь.

Почему? Я не смогу продолжать жить без него, борясь с болью каждый день. Я чувствую, что это так же, как снова потерять его, когда я увидела его на полу. Я думала, он был мертв, и мое сердце разрывалось в груди, врезаясь болью в ребра.

Я не могу сделать это без него. Мне нужно спасти его и сделать нас счастливыми.

Кайден

Когда я понимаю, что она плачет, я спешу к ней, расталкивая всех на своем пути. Видя, как слезы выкатываются из этих потрясающих голубых глаз – это разрывает мое сердце пополам и больше меня ничто не заботит, кроме того, чтобы она почувствовала себя лучше.

Когда она замечает меня, ее глаза расширяются и она начинает вытирать слезы с щек. Сет оборачивается и смотрит на меня, затем отпускает ее талию и отступает.

— Разберешься? — спрашивает он, и я киваю. Он продвигается через толпу, а я занимаю его место, вставая перед Келли.

Ее пальцы скользят по розовым щекам стирая слезы, но я ловлю ее руку и отодвигаю от лица. Свободной рукой прикасаясь к ее щеке, пальцем проводя по дорожке от слез, вытирая.

— Что случилось? — спрашиваю я, притягивая ее ближе. — Что-то произошло?

Она качает головой, в ее глазах клокочет ярость, а все больше слез грозятся выкатиться из ее глаз.

— Я в порядке, просто немного устала.

— Келли, пожалуйста, скажи мне, что случилось, тогда я попробую исправить это.

Она трясет головой и ее горло дергается, как будто она задыхается.

— Правда... Ничего. — Она начинает рыдать, и при каждом всхлипе ее плечи вздрагивают.

Мои руки оборачиваются вокруг нее и я притягиваю ее к груди. Она прячет лицо в моей рубашке, и ее слезы впитываются в ткань. Я не смею двигаться, даже если все вокруг нас танцуют. Я глажу ее по спине и по волосам.

— Шшш... — шепчу я, пытаюсь не заплакать. Я не знаю почему, но я могу почувствовать ее боль, даже если понятия не имею из-за чего ей больно. Стараюсь сдержать слезы. Я фокусируюсь на новых шрамах и старом ожоге. Но это не помогает, и вскоре я понимаю, что собираюсь разреветься – мы оба.

Я беру ее на руки, а она даже не смотрит на меня или не кажется ошеломленной. Ее ноги оборачиваются вокруг моей спины, а ее руки скользят вверх по моей груди и затем обнимают меня за шею. Люди смотрят на нас с удивлением, когда я прокладываю путь сквозь толпу, удостоверившись, что подол ее платья не задрался сзади, придерживая его. Когда я выхожу на улицу, она пытается отстраниться, но я сильнее сжимаю руки, заставляя остаться на мне. Сейчас, когда я заполучил ее, я не могу позволить ей уйти.

Поддерживая ее, махаю таксисту. Водитель смотрит на меня с усмешкой, я все еще несу ее, а затем сажусь на заднее сиденье.

— 552 Мэйн Бич Драйв. — Говорю я ему, тянусь и приподнимаюсь, закрывая за собой дверь.

Он пожилой человек, я ловлю его взгляды несколько раз через зеркало заднего вида. Вытаскиваю одну руку и кладу ей на голову, в то время, как другая на ее талии. Она все еще плачет, и ее слезы пропитали всю мою рубашку.

Такси едет вперед, и счетчик начинает тикать. Я прижимаю ее к себе, а своей щекой прижимаюсь к ее голове. Примерно на полпути к дому, когда фонари на главной улице сменяются на гирлянды, она поднимает голову и кладет подбородок мне на плечо, глядя в заднее окно. Я не спрашиваю ее, что случилось, и она не рассказывает мне. Она просто смотрит на удаляющиеся мерцающие огни, пока мы едем вперед, в ночь, зная, что в конечном итоге мы должны покончить с этим, и один из нас должен нарушить тишину.

Глава 13.

#89 Признать правду и принять ее

Келли

Песня, звучащая по радио в такси, такая жизнерадостная; певец клянется в любви девушке, от которой сбежал. Я ему завидую, потому что он смог поведать об этом миру. Я же, с другой стороны, только поняла, что, кажется, влюблена в Кайдена, и что никогда не смогу ему это сказать. Не только потому, что боюсь отказа, но и из-за страха перед неизвестностью. Никогда прежде не любила. Никогда не понимала этого. Но сейчас осознала, что беспокойство и пережитые мной душевные муки вполне могут оказаться любовью.

Я крепко прижимаюсь к нему, чувствую, как его грудь вздымается и опадает подо мной, и наблюдаю за рождественскими гирляндами, свет которых от движения смешивается во вспышки золотого, серебряного и зеленого. Это красивое время года, но я никогда не была особой поклонницей Рождества. Оно напоминает мне о том времени, когда я радовалась и бежала к елке, чтобы открыть подарки. Однако в двенадцать лет рождественские подарки напомнили мне день рождения, воспоминания о котором всегда повергают меня в ужас.

Помню первое Рождество после случившегося. Всю ночь пролежала в кровати, не сомкнув глаз, разглядывая потолок, и надеялась услышать повозку с оленями, как в детстве. Только во мне не осталось воображения и веры в волшебство, я не слышала ничего, кроме ночной тишины и секретов, утаенных в моем сердце.

Следующим утром, когда услышала, что в комнату вошла мама, притворилась спящей.

— Келли, — прошептала она. — Келли, дорогая, вставай. — Мама осторожно потрясла меня. — Милая, по-моему, тебя ждет сюрприз от Санты.

Я подняла глаза и встретилась с ней взглядом. На маме был розовый шелковый халат, ее волосы заплетены и собраны в пучок на затылке. Она была не накрашена, но мне казалось, ей так лучше.

— Доброе утро, — сказала мама, радостно улыбаясь. — Готова посмотреть, что тебе подарили?

Я была утомлена после бессонной ночи, поэтому перевернулась на другой бок, положив руки под подушку.

— Я не в настроении для подарков.

Она дотронулась рукой до моей спины, отчего я вздрогнула, подумав о последнем разе, когда ко мне прикасались, пока я лежала на кровати.

— Келли, с тобой все хорошо? Ты такая грустная последние несколько месяцев.

— Со мной все в порядке, — огрызнулась я. — Меня просто тошнит от Рождества и притворства, будто верю в вещи, в которые на самом деле не верю. Санты не существует, мам. Я перестала в него верить в восемь лет.

— Ну, конечно же, я об этом знаю, — ответила мама, убрав руку с моей спины. — Но если не подыграть, то пропадет вся магия и веселье.

— Магии и веселья тоже не существует, — ответила я, отодвигаясь от нее. — Мне надоело подыгрывать... Я хочу спать. Я устала.

Она просидела рядом целую вечность, размеренно дыша, затем встала на ноги; матрац приподнялся, потеряв ее вес.

— Ладно.

Вот и все ее слова. После этого мама вышла из комнаты, и навязчивые воспоминания вновь завладели мной. Даже сейчас я гадаю, почему она ничего не сказала. Она должна была заметить, что со мной что-то не так. Когда-нибудь я наберусь смелости и спрошу у нее. Я должна. Иначе так никогда и не узнаю ответ, о чем буду сожалеть до конца дней.

— Келли. — Голос Кайдена доносится сквозь пелену мыслей. Я поднимаю глаза, понимая, что отключилась. Подняв голову, гляжу в темноту за окном и на океан в дали.

— Я уснула? — Моргаю, затем отпускаю его плечи, чтобы потереть свои заспанные глаза.

Он кивает, убирая прядь волос с моего лица.

— Да, но все нормально.

Такое ощущение, что щеки и глаза припухли от слез.

— Извини.

Его пальцы останавливаются на моей скуле; Кайден испуганно смотрит мне в глаза.

— Я сказал, что все нормально, Келли. Честно... Мне понравилось держать тебя... Я почувствовал себя спокойнее.

Я сдерживаю вновь нахлынувшие слезы.

— Ладно.

Он кивает; мы оба молча соглашаемся, что с нами в данный момент все хорошо, что быть вместе – это нормально. Я собираюсь слезть с его колен, но он обхватывает руками мою талию и сдвигает меня в сторону, в результате чего я соскальзываю на сиденье. Опустив ноги, сконфуженно наблюдаю, как Кайден тянет руку к своему карману, достает бумажник, из которого вытягивает двадцатку, затем, перегнувшись через сиденье, отдает ее водителю.

После этого он начинает откидываться обратно, но вдруг открывает дверцу и выходит из машины. Потягивается, подняв руки вверх, потом предлагает руку мне. Я беру его ладонь, чувствуя тепло его кожи, пока Кайден помогает мне выбраться наружу и не

отпускает меня, даже захлопнув дверь. Мы стоим на подъездной дорожке возле пикапа Люка, а такси сдает назад, выезжая на улицу. Когда оно скрывается из виду, Кайден смотрит на меня.

— Хочешь немного прогуляться? — спрашивает он, указывая головой в сторону побережья.

Я согласно киваю, всхлипнув.

— Прогулка сейчас очень кстати.

Кайден едва заметно улыбается и переплетает наши пальцы. Держась за руки, мы идем мимо домов в сторону пляжа. Песок попадает в мои сандалии, охлаждая кожу. Идти трудно, потому что ноги увязают, поэтому я останавливаюсь, легко потянув руку Кайдена.

— Что такое? — спрашивает он, не отпуская мою ладонь.

Я скидываю свои сандалии и, нагнувшись, поддеваю их пальцами. Когда выпрямляюсь, Кайден кивает, сообразив, в чем было дело, и мы продолжаем свой путь, глубже в темноту. Слышу убаюкивающий шум волн, из одного дома доносятся звуки музыки. Песок забивается мне между пальцами; я слушаю каждый звук, чувствую прохладу в воздухе.

— Тебе холодно? — спрашивает Кайден, когда мы медленно приближаемся к кромке воды.

Я смотрю на свои руки, ощущаю дрожь, в лунном свете замечаю мурашки у себя на коже.

— Немного.

Он вздыхает, затем оборачивается в сторону дома на вершине песчаного уклона.

— Давай я сбегаю обратно, принесу твою куртку.

Я быстро качаю головой, крепче сжимая его руку.

— Нет, пожалуйста, останься тут. Нам надо... Нам надо поговорить.

Кайден скептически меня оглядывает; в темноте его глаза кажутся пустыми. Он напряженно потирает шею, затем опускается на песок, утягивая меня с собой. Осторожно потянув, усаживает меня к себе на колени и прижимает спиной к своей груди. Я откидываюсь назад, закрывая глаза, чувствуя себя в безопасности, чувствуя, словно нашла свое место.

Только Кайден пробуждает во мне подобные чувства, даже больше, чем Сет, больше, чем сама я. Кроме него мне ничего не нужно, и я надеюсь, он ощущает то же самое. Но прежде чем спросить, я хочу еще кое-что узнать... хочу понять.

Глубоко вздохнув, задаю вопрос, — Кайден, что произошло?

Три простых слова, настолько тяжелых и важных, что они способны развернуть землю. Он напрягается, отчего я тоже напрягаюсь, прежде чем обернуться и заглянуть ему в глаза. Он тяжело сглатывает, отчего я тоже тяжело сглатываю. После глубокого вдоха, воздух практически бесшумно выходит обратно через его губы.

Когда слышу голос Кайдена, мое сердце едва не останавливается.

— Отец ударил меня ножом.

Кайден

Понятия не имею, зачем рассказываю ей. Я этого не планировал. Я планировал хранить это в тайне вечно, как и все остальное. Но она сидит тут, ждет меня, доверяет мне себя обнять, быть с ней рядом. Она ожидает правды, и я хочу открыть ей правду. Хочу отдать ей всё.

— Отец ударил меня ножом.

Вот так просто я разбиваю коробку внутри своего сердца на тысячи острых осколков.

Ее глаза расширяются, она перестает дышать. Келли явно готова снова заплакать, поэтому я обнимаю ее, крепче прижимаю к себе.

— Расслабься. Со мной уже все в порядке.

Ее кожа холодная как лед. Потираю ее руки ладонями в попытке согреть. Келли дрожит, не от холода, а от прикосновения. А может от шока после моего признания. Внезапно мне хочется забрать свои слова обратно, потому что я не должен был взваливать это на ее плечи.

— Прости. Мне не следовало тебе говорить.

Она высвобождает руки, сжатые между нашими телами, и кладет их мне на грудь. Немного от меня оттолкнувшись, смотрит мне в глаза.

— Следовало... Ты должен был сказать мне раньше.

Я качаю головой, прижимая ладонь к ее поясице, чтобы она осталась рядом.

— Келли, тебе не нужно об этом знать... У тебя своих проблем достаточно.

Внезапно она выглядит рассержено, ее глаза вспыхивают, и я отклоняюсь назад, опасаясь, что она меня ударит.

— Кайдэн... Я не...

Келли не может подобрать слова. Она немного сдвигается, подгибая колени, кладет руки мне на плечи и отвечает, пристально глядя на меня, — Это моя вина.

Я пытаюсь возразить, но Келли закрывает мне рот ладонью.

— Ты не должен был бить Калеба... Я не должна была позволить тебе узнать о нем. Если бы ты не знал, то ничего бы не случилось. Мы бы остались у меня дома, в постели.

— Неправда, — говорю я, мои губы движутся против ее руки. — Хорошо, что ты мне рассказала. Он не имеет права расхаживать на свободе и жить в свое удовольствие, когда лишил нормальной жизни тебя.

Келли опускает руку себе на колени и вздыхает.

— То же самое делает твой отец. — Она раздраженно выдыхает. — Об этом хоть кто-нибудь знает?

Я качаю головой и пожимаю плечами.

— Моя мама, но она знала обо всем... о побоях... Ей все равно.

Взгляд Келли перемещается в сторону океана.

— Это неправильно, — бормочет она, затем оборачивается обратно ко мне. — Мы должны кому-нибудь рассказать.

Она начинает подниматься, но я сжимаю пальцами ее бок и удерживаю ее на месте.

— Келли, рассказывать другим бессмысленно... и тебе... тебе надо перестать беспокоиться обо мне. — Мое дыхание становится неровным. Черт. Это самые трудные

слова, которые я когда-либо произносил. Но мне нужно сказать. Мне нужно, чтобы она поняла кто я в глубине души. — У меня проблемы. Серьезные. То, что я сказал за ужином... о том, что режу себя... Я сломлен. Я не знаю, смогу ли когда-либо перестать... перестать себя резать. Тебе надо держаться от меня подальше. Пожалуйста, уйди.

Она разглядывает мое лицо, отчего у меня внутри все переворачивается.

— Нет.

Я качаю головой.

— Келли, тебе не нужно...

— Нужно... — Она прикладывает ладонь к моему рту, и, сжав свои губы, продевает палец другой руки под один из моих резиновых браслетов. — Кайден, тебе кажется, что я слепо принимаю решение, но это не так. Думаю, я давно поняла, что ты... что ты себя режешь. Еще до того, как ты мне сказал.

Мое сердце сжимается, когда Келли убирает руку с моего рта.

— Как?

В уголках ее глаз скапливаются слезы.

— Той ночью, когда мы... когда ты и я... — Она шатко вздыхает. — Когда мы занялись сексом, я увидела порезы у тебя на руках, и подумала... У меня мелькнула мысль, что ты мог нанести некоторые из них сам.

— Почему ты ничего не сказала?

— Что я должна была сказать? "Ты себя режешь?". К тому же, я не хотела в это верить.

Мое сжавшееся сердце превращается в пустое место.

— Потому что это слишком для тебя?

Келли быстро качает головой.

— Нет, потому что я не хотела верить, что у тебя внутри скрыто столько боли... Я знаю, насколько должно быть больно, чтобы зайти так далеко... чтобы захотеть себе вредить.

В данный непостижимый момент я осознаю кое-что. Кто-то меня понимает. Келли меня понимает. Она знает, но не боится меня или того, что скрыто у меня внутри. И, хоть я сам не до конца все понимаю, я этого хочу – я хочу ее. Черт, как такое вообще возможно, что я годами ходил мимо, годами жил с ней в одном городе... учился в одной школе... но никогда ее не замечал? Как бы все сложилось, если бы я ее заметил?

— У меня слишком много проблем, — настаиваю я, желая, чтобы Келли поняла абсолютно все. — Я причиняю себе боль, позволяю другим причинять мне боль и никому об этом не говорю.

— Но ты должен. Тебе нужно рассказать кому-нибудь про отца. Даже если они думают, что ты сам наносишь себе травмы, люди должны узнать.

— Никто мне не поверит. Меня недавно арестовали за то, что избил Калеба, и на моем теле чертова уйма шрамов, которые я сам себе нанес. Никто не поймет.

— Ну и что, — отвечает Келли, впиваясь пальцами мне в плечи и прижимаясь ближе. — Мы заставим их понять.

Я замираю и смотрю на нее. Как кто-то вроде нее может существовать на самом деле? Это невозможно, но все же она сидит передо мной, красивая как никогда в бледном свете Луны.

— Келли, но что насчет тебя и Калеба? Ты никому не сказала про него. — Я чувствую себя последним мерзавцем после этих слов, но мне кажется, они должны быть озвучены.

— Я над этим работаю, — бормочет она дрожащим голосом. — Ты и я, мы во всем разберемся... Мы больше не позволим другим людям на нас влиять. — Кажется, Келли произносит речь скорее для себя, чем для меня, но это нормально. Я хочу, чтобы она кому-нибудь рассказала, и чтобы этот кусок дерьма потерял над ней власть.

Келли смотрит на меня, и я вижу, что она вот-вот заплачет. Я не хочу, чтобы она плакала. Я хочу, чтобы она была счастлива.

— Келли, скажи, что тебе нужно, — прошу я, убирая прядь волос ей за ухо.

— Мне нужно, чтобы мир перестал быть таким уродливым местом, наполненным болью. — Слезы проливаются из ее глаз. — Мне нужно проснуться и действительно поверить, что все будет хорошо, вместо того, чтобы просто на это надеяться. Я хочу стать одной из тех счастливиц, у которых хорошая жизнь.

Я киваю, потому что хочу того же для нее.

— Ты можешь получить все это. Только скажи, что тебе нужно для счастья.

Келли смотрит мне в глаза; слезы стекают по ее щекам.

— Ты.

Я вздрагиваю, потому что она только что отдала всю себя человеку, который пуст и разрушен внутри. Не знаю, что делать. Не знаю, смогу ли дать ей то, чего она хочет. Я не понимаю привязанность или любовь. Я не понимаю, что делает жизни людей полными. Мои губы приоткрываются, только я понятия не имею, какие слова готовы с них сорваться, но мне не выдается шанса выяснить, потому что губы Келли припадают к моим, лишая меня возможности ответить.

Может, она знала, что могла получить не тот ответ, который рассчитывала услышать, а может просто хотела меня поцеловать. В любом случае, я отстраняюсь назад, обхватываю ладонями ее щеки и говорю, — Келли, я тебе не нужен. Поверь мне. Я ничего не смогу тебе дать.

Она лишь качает головой и вновь меня целует, сжимая мои плечи изо всех сил. На сей раз я не могу сдержаться. Келли дрожит у меня в руках, и я хочу, чтобы ей стало лучше, поэтому целую ее в ответ, сначала медленно, но затем голод берет верх, и я начинаю целовать ее неистово, со всей страстью, заточенной внутри.

Мы падаем на песок. Она лежит на мне сверху, наши тела нераздельны, языки переплетаются. От ее теплоты мой мозг отключается, я забываю, где нахожусь. Есть только я и Келли, и в одно чертово мгновение я готов поклясться, что все будет хорошо. Что моя жизнь будет такой. Только она и я.

Навсегда.

И в течение какого-то момента данная мысль меня совершенно не пугает.

Келли

Я вижу, что пугаю его, поэтому начинаю идти на попятную, боясь отказа. Но затем замечаю кое-что во взгляде Кайдена, поселившегося в нем за годы избиений и Бог знает

чего еще. Внезапно мне становится ясно. Он не может меня любить, потому что не понимает любовь. Ему понятна боль, разочарование, но не любовь. В этот момент я осознаю, что не могу сказать Кайдену о своих чувствах, однако могу показать.

Чувствуя потребность быть ближе к нему, я собираю крупицы смелости и целую его. Он отвечает на поцелуй, но затем отстраняется. Мои внутренности завязываются в узел, только я не сдаюсь. Припадаю к его губам, и, наконец, после повторного шанса, Кайден целует меня в ответ.

Поначалу он нежен, его язык мягко касается моего. Но внезапно мягкость трансформируется в отчаяние; мгновение спустя мы падаем назад. Я приземлюсь на Кайдена сверху, наши рты слиты в поцелуе, тела идеально совпадают. Его руки скользят по моему телу, по шее, по спине. Спускаются все ниже, проникают под мое платье, его пальцы резко впиваются мне в кожу.

Я напрягаюсь от столь интимного прикосновения, но потом вспоминаю, что Кайден видел и чувствовал всю меня. Расслабляюсь, позволяя его рукам исследовать мое тело. Без предупреждения он переворачивает нас и приподнимает мою ногу себе на бедро. Его ладони скользят выше, оставляя жаркий след на моей коже, и я едва не вспыхиваю, когда они достигают моих трусиков.

Я начинаю дрожать, от нервов, от холода, от предвкушения, но каждое ощущение исчезает, как только Кайден вводит свои пальцы в меня. Из моей груди вырывается неприличный стон, а тело выгибается ему навстречу. Он начинает меня ласкать, тихие стоны срываются с моих губ. Я чувствую, что приближаюсь к краю, и вот-вот стану свободной. Только Кайден вдруг останавливается и снова от меня отстраняется. Момент рассеивается, я откидываюсь на песок. Кайден садится, утягивая меня за собой.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я, запинаясь. Мое лицо горит. — Что-то не так?

Он сжимает пальцами мою талию и держит крепко, поднимаясь. Песчинки осыпаются с нашей одежды; Кайден поддерживает меня руками, прижимая ближе к себе, затем идет в сторону дома.

— Я несу тебя внутрь, — отвечает он тихо, быстро меня поцеловав. — Пока ситуация не зашла слишком далеко. — Кайден снова припадает к моим губам в нежном поцелуе. — Нам не следует оставаться на пляже... у всех на виду. — Он прикусывает мою нижнюю губу, отчего я вздрагиваю, пока мы поднимаемся по подъездной дорожке. — И нам не следует оставаться в песке... а то получится беспорядок.

Пытаюсь сдерживать румянец, но у меня никогда не получалось скрыть смущение, поэтому щеки пылают огнем.

Кайден обходит машину Люка и поднимается по ступенькам на освещенное крыльцо. Он улыбается, глядя на меня, а потом проводит пальцем по моей щеке.

— Знаешь, я скучал по твоему румянцу. Это так мило.

Я еще больше краснею, но решаю не заикливаться – ведь все равно ничего не смогу с этим поделать. Улыбаясь, Кайден смещает меня немного в сторону, а я сплетаю пальцы, обнимая его за шею, пока он открывает дверь, не опуская меня на пол. Едва мы успеваем войти в кухню, его губы снова накрывают мои.

Он запускает пальцы в мои волосы, не прерывая поцелуй, и идет через дом, врезаясь в угол кухонной стойки и ударяясь локтем о стену в коридоре. Вокруг темно, но в гостиной горит торшер, а в спальне мягкие лучи лунного света просачиваются через окна.

Руки Кайдена опускаются по моей спине под платье, когда он заворачивает в нашу с Сетом комнату.

— А если они вернуться? — спрашиваю я, едва дыша. Такое ощущение, словно у меня останутся синяки на губах от поцелуев.

Кайден поддерживает меня под бедра, прижимает ближе к себе, и я чувствую его эрекцию. Нас разделяют только его джинсы и мои трусики.

— Мы замкнем дверь... но только... только если ты захочешь продолжить. — Не отпуская меня, он захлопывает дверь и запирает замок.

Мне нравится, что он спрашивает. Еще больше мне нравится, что я хочу продолжить. Я хочу быть с ним. Я могу быть с ним. Несколько месяцев назад подобная идея казалась неосуществимой, невозможной, недостижимой. Только сейчас, с ним, всё внутри меня изменилось, мои сердце и душа уже не утопают во мраке. Кайден – мой свет; надеюсь, однажды я смогу стать светом для него.

Мои губы приближаются к нему, — Я хочу быть с тобой.

Он больше ничего не произносит. Его губы обрушиваются на мои. Кайден снова двигается с места, перемещая руки мне на талию. Его пальцы оставляют за собой пылающий след. Он опускает нас на кровать, затем садится, скидывая на пол сумку Сета. Его тело накрывает мое, наши губы вновь воссоединяются, словно испуская электрический разряд. Когда язык Кайдена проникает ко мне в рот, я сжимаю пальцами его волосы и придвигаю его лицо еще ближе. Я хочу его полностью, без остатка.

— Келли, — стонет он. Его руки перемещаются мне на живот, ласкают кожу, отчего поток жара опускается вниз, между ног.

Спина выгибается к нему, пока я наслаждаюсь, ощущая движения его языка. Если бы я могла загадать одно желание, то пожелала бы постоянно испытывать это чувство – когда абсолютно и блаженно растворяешься в ком-то. Нет, не просто в ком-то. В Кайдене. Я обвиваю ноги вокруг него, открываюсь ему, ощущаю его тяжесть на себе. Кайден опирается на одну руку, а второй поднимает подол моего платья до уровня лифчика. На долю секунды тревога сковывает все внутри, но я напоминаю себе, что это Кайден. Он никогда меня не обидит. Он будет меня защищать, чего бы ему это ни стоило.

Застонав, откидываю голову назад, когда Кайден прижимает свои бедра ко мне. Он делает это снова и снова, наши тела сталкиваются, соединяются. В каждом движении – неиссякаемая страсть, и я забываю, где нахожусь. Для меня существует только данное мгновение, все остальные моменты моей жизни мертвы. Мои ногти впиваются ему в лопатки, когда чувствую, будто поднимаюсь к звездам за окном, а секунды спустя падаю обратно на землю. Часто дыша, расслабляю руки, в то время как Кайден замирает.

Затем он садится, схватив мою руку. Встав с кровати, приподнимает меня, чтобы я села на край, и становится передо мной. Тянется к юбке, и одним ловким движением стягивает с меня платье. Сердце подпрыгивает в груди, когда Кайден расстегивает застёжку моего бюстгалтера, после чего тот спадает с моих плеч. Я вновь начинаю задыхаться, но шепчу своему сердцу успокоиться, и тянусь к его футболке. Дыхание Кайдена становится шатким, когда я провожу ладонями по его груди, потом поднимаюсь на ноги и снимаю с него футболку. Моя рука лежит над его сердцем, которое бьется неровно под моей ладонью.

С трудом сглатываю, глядя на все еще заживающий шрам у него на боку, обвожу его пальцем. Глаза обжигают слезы, пока я думаю о том, как этот шрам тут оказался, что пережил Кайден, что он переживает сейчас

— Келли... — говорит Кайден, приподнимая мой подбородок, чтобы я посмотрела на него. Он опускает руку, обхватывает пальцами мое запястье. Подносит кисть к своим

губам и целует мою ладонь; я вздрагиваю, когда его дыхание невесомо касается моей кожи. — Я в порядке.

Нет, ты не в порядке, – хочу ему возразить. Твой отец ударил тебя ножом, и вся тяжесть ситуации пала на твои плечи. Ты не можешь быть в порядке.

Кайден отпускает мою руку, хватает ворот своей футболки, стягивает ее и бросает на пол рядом с моим платьем и лифчиком. Его волосы взъерошены, губы покраснели от неистовых поцелуев. Мой взгляд перемещается с лица Кайдена обратно на шрамы. Некоторые из них маленькие, некоторые – нет. Самый протяженный пролегает вдоль его груди, и кажется грубым на вид.

— Упал на грабли, когда отец меня ударил, — поясняет Кайден будничным тоном, словно это пустяки. Словно это просто случилось, и он уже обо всем забыл.

Мне хочется плакать. Я провожу пальцем по шраму, ощущая неровности, и представляю, насколько больно ему было.

— Кайден, я...

Его губы заставляют меня умолкнуть, он падает на меня, и мы снова лежим на кровати. Кайден отстраняется после того, как его язык исследует каждый миллиметр моего рта.

— Я знаю, ты хочешь, чтобы я поговорил с тобой об этом... и я поговорю... но сейчас мне нужно другое. — Он проводит пальцем по моей щеке, отчего мои веки смыкаются. — Я хочу только тебя, хотя бы на мгновение.

Его прикосновение доводит мое тело до безумия. Я не знала, что такое вообще возможно. Киваю, желая принадлежать ему хотя бы на мгновение. Он едва заметно улыбается, целуя меня в щеку, после чего поднимается, снимает джинсы и боксеры, стягивает с меня трусики. Прежде чем откинуть джинсы в сторону, Кайден достает из бумажника презерватив, а затем замирает надо мной, положив руки по сторонам от моей головы, глядя мне в глаза.

— Ты же знаешь, если тебе будет нужно, чтобы я остановился, замедлился, или если просто захочешь поговорить, я все сделаю, — говорит он, пытаясь успокоить меня. Я нервничаю, несмотря на то, что уже делала это с ним прежде.

— Я знаю. — Медленно вдохнув и выдохнув, едва не говорю, что люблю его, потому что держать эти слова в себе мучительно.

Но я молчу, и вот Кайден уже целует мои губы, входя в меня. Нет такой сильной боли, как в первый раз, когда мы занимались сексом, поэтому мои ноги раздвигаются, и я более охотно встречаю его толчки. Обвив руки вокруг него, прижимаюсь теснее, пока мое тело снова переносится туда, где я свободна, где есть только мы с ним.

Моя кожа покрывается потом. Мышцы рук и груди Кайдена сокращаются, когда его движения ускоряются. Все мысли покидают мою голову. Мне хочется задержать это мгновение, взять его в руку, сохранить навечно, потому что тогда моя жизнь станет цельной, захватывающей, настоящей.

Она станет идеальной.

Кайден

Я быстро усвоил урок – у меня не получается сохранять контроль рядом с ней. Каждый раз, когда Келли смотрит на меня, клянусь, она завладевает очередным фрагментом моей души. В отличие от большинства людей, ей безразлично, что я испорчен. Когда мы целуемся, я исчезаю. Разбитый, бездушный, пустой Кайден,

созданный после первого удара отца, прекращает существовать. Я принадлежу Келли, и хочу лишь быть с ней.

Я поднимаю ее, несу в спальню, потому что то, что собираюсь с ней сделать, не для грязного пляжа. Целую ее так долго, как могу, прижимаюсь к ней, с восхищением наблюдаю, как она содрогается от удовольствия. Мне нужно больше, поэтому я поднимаюсь, утягивая Келли за собой, раздеваю ее. Затем она раздевает меня. Я знаю, она смотрит на мои шрамы, думает о том, в результате чего они остались. Когда снимаю футболку, ее взгляд сосредотачивается на самом большом рубце в центре моей груди.

— Упал на грабли, когда отец меня ударил, — говорю я, сам не зная почему. Ненавижу об этом рассказывать, только мне вдруг хочется, чтобы она узнала, потому что тогда мне будет лучше, и груз на плечах станет немного легче.

Келли явно собирается сказать что-то, что может разрушить момент, поэтому я обрушиваю свои губы на ее, лишая нас обоих дыхания и голосов. Я падаю на нее, поддерживая свой вес, замечаю, насколько маленькой и беззащитной она выглядит подо мной.

Когда снимаю нашу оставшуюся одежду, испуганное выражение Келли под стать моему внутреннему страху. Ее глаза такие огромные; я чувствую, как она вздрагивает с каждым вздохом.

— Ты же знаешь, если тебе будет нужно, чтобы я остановился, замедлился, или если просто захочешь поговорить, я все сделаю, — говорю, стараясь ее успокоить. И это правда. Я остановлюсь, если она меня попросит. Ради нее я готов на все.

Келли ничего не отвечает, и я вхожу в нее, ощущая ее тепло, желая остаться в данном мгновении навсегда и лишь чувствовать ее. Это успокаивает, пугает. Это идеально. Лишь с ней я позволяю себе пережевать чертову гамму эмоций. Когда я с ней — чувствовать не так уж сложно.

Она раздвигает ноги шире и крепче обнимает меня, а я погружаюсь все глубже в нее, зная, что с этим ничто не сравнится. Я двигаюсь в ней, восхищенно наблюдаю, как взгляд Келли рассеивается, голова запрокидывается назад. Она прикусывает губу, выгибает шею, ее ногти пронизывают мою кожу. Черт, мне ненавистно то, насколько это приятно, но не могу сдержаться. Даже когда я с Келли, желание испытывать боль вместо чувств до сих пор здесь, скрыто внутри меня.

— Кайдэн, — стонет Келли, теряя себя в моих движениях.

Она прижимается ко мне, наша кожа влажная, мы дышим прерывисто. Я замираю внутри нее. Моя голова склонена, поэтому дыхание Келли касается моей щеки, ее пальцы скользят по моей спине вверх-вниз. Когда снова обретаю контроль над собой, целую ее в щеку и начинаю отстраняться, только Келли крепче сжимает ноги вокруг моей талии, держа меня на месте, не позволяя выйти из нее.

Немного приподнявшись, смотрю ей в глаза, в попытке понять, что не так.

— С тобой все нормально?

Она кивает со странным выражением на лице.

— Просто пока не готова тебя отпустить.

У меня на губах появляется улыбка. Искренняя, а не на показ, как большинство моих улыбок. Я целую Келли, вкладывая в поцелуй каждую унцию страсти, что во мне есть.

— Дай мне несколько минут, — говорю, переворачиваясь на бок. — И я снова буду в деле.

На сей раз, она меня отпускает, я ложусь на спину, сложив руки под головой, и смотрю в потолок. Вспоминаю каждый свой шрам; сейчас у меня складывается впечатление, словно они все стали меньше. Я начинаю понимать кое-что... Но не уверен, что действительно хочу это понять. С Келли я чувствую себя лучше. Значит ли это, что я должен быть с ней? Хотя мне не хочется, чтобы так было. Не хочу ее обременять.

Укрываясь простынями, Келли поворачивается на бок и откидывает волосы с моего лица.

— О чем ты думаешь? — спрашивает она, проводя пальцем между моих бровей и разглаживая беспокойную складку.

Обернувшись, смотрю ей в глаза.

— Ты действительно хочешь знать?

Она кивает, опустив руку себе на бедро. Мой взгляд скользит по ее хрупкой фигуре.

— Я всегда хочу знать.

Тоже переворачиваюсь на бок, чтобы мы оказались лицом к лицу.

— Я думаю, что ты должна меня оставить.

Ее дыхание учащается.

— Ты хочешь, чтобы я ушла?

Быстро кладу руку ей на бедро.

— Ни секунды не думай, будто я хочу, чтобы ты ушла. Я не хочу тебя отпускать, никогда. Хочу, чтобы ты была рядом. Со мной... Но не хочу, чтобы ты была со мной. Я хочу, чтобы ты была счастлива... если в моих словах есть хоть доля смысла.

Она обдумывает то, что я сказал, прикусывая нижнюю губу, а мне лишь хочется склониться и тоже ее прикусить, но это разрушит мои намерения отпустить Келли.

— Я понимаю, что ты пытаешься сказать. Но не согласна с тобой. Ты единственный... — Ее нижняя губа дрожит, когда она делает глубокий вдох. — Ты единственный, с кем я могу почувствовать себя целой.

— Ты не знаешь наверняка. — Я продолжаю пытаться ее оттолкнуть. — Наверняка найдется еще кто-нибудь.

Она качает головой.

— Нет... и... и я не хочу, чтобы нашелся.

— Келли, — говорю тихо, положив руку ей на щеку, поглаживая пальцем родинку на ее виске. — Со мной ничего хорошего у тебя не будет. Ты заслуживаешь лучшего. — Произнеся эти слова вслух, я словно ощущаю глубокую рану в груди. Но я должен это сказать.

— Нет ничего лучше, — едва слышно отвечает она, смотря в изножье кровати и пытаясь сдержать слезы. — Просто тебе самому нужно это понять.

— Я лишь хочу, чтобы ты была свободна... от моих проблем, сложностей моей чертовой жизни.

— Я не хочу быть свободной. Я хочу быть здесь. С тобой. Я... меня не беспокоят сложности твоей чертовой жизни или твои проблемы. Я просто хочу тебя... И хочу, чтобы ты был счастлив. Ты этого заслуживаешь.

Твою мать. Никто никогда не говорил мне такого. Я даже не уверен, что значит счастье. Больше не могу себя контролировать. Каждый мой шрам изнывает, и мне нужно их заглушить. Я склоняюсь, обхватываю рукой затылок Келли, приподнимаю ее и целую с такой настойчивостью, от которой мои шрамы словно вновь открываются. Переворачиваю нас, прижимаю ее к кровати, опускаю руку на ее грудь. Келли вздрагивает, разводит колени, и я снова у нее между ног. Целую ее пылко, прикусываю губы, касаюсь каждого доступного участка ее тела. Когда наконец-то отстраняюсь, едва могу отдышаться, затем прокладываю дорожку из поцелуев по линии челюсти, спускаюсь на ее шею, к ключице. Покусываю нежную кожу, отчего Келли крепче сжимает ноги вокруг меня.

Опускаюсь все ниже, ее бедра приподнимаются, когда я обвожу языком ее сосок, потом целую. Она сексуально стонет, запускает пальцы мне в волосы. Мой поцелуй становится жестче, после чего я переключаюсь на другую грудь. Ласкаю ее языком до тех пор, пока не дохожу до иступления.

Отклонившись назад, достаю новый презерватив. Секунды спустя я снова в ней. Мне хочется, чтобы так было всегда. Только Келли и я, без звуков и тяжести окружающего мира. Без чертовых жизненных сложностей.

Глава 14.

#10 Взглянуть правде в лицо и отпустить ее

Келли

Мы занимаемся любовью бесчисленное количество раз, на протяжении всей ночи, а затем, наконец, я надеваю рубашку Кайдена, а он влезает в свои боксеры. Позже мы лежим на кровати и отдыхаем. Где-то под утро в дом заваливаются Люк и Сет, ужасно пьяные и создающие очень много шума. Несколько секунд спустя, Сет начинает дергать дверную ручку и тарбанить в дверь.

— О, Келли Лоренс,пусти меня, — бормочет он, стуча по древесине.

Потом я слышу, как Люк отвечает, — Не пушу, клянусь моей бородой—бородищей!^{1*}

За этим следует много смешков и после звук разбитого стекла.

Я смотрю на Кайдена, одной рукой обнимающей меня, а другой играющей с моими волосами. Он улыбается мне, когда я укладываюсь лицом на его грудь.

— Они в стельку, — говорит он. — И смею предположить, что Люк уронил бутылку на пол в своем классическом стиле.

— И много раз он так делал?

— В прошлом, много. Такое ощущение, что он забывал, как использовать свои руки или что-то типа того.

Я смеюсь лежа на его груди, а он целует меня в макушку.

— Следует ли мне впустить его? — спрашиваю я.

— Неа, — отвечает Кайден. — Пускай остаются там и раздражают друг друга.

Я хихикаю, когда Сет продолжает стучать в дверь. Он делает это довольно долго, прежде чем сдаться, и дом в конечном итоге погружается в тишину. Даже если последние несколько часов были восхитительны, у меня все еще вертится тонна вопросов на языке, но я боюсь последствий, которые будут, если задам их.

¹ Фраза из сказки "Три поросенка". Момент когда поросенок не хочет пускать волка в дом.

— Скажи мне, о чем ты думаешь? — повторяет он вопрос, заданный ранее мною, накручивая на палец локон моих волос.

Вглядываясь в его лицо, я замечаю маленькие шрамы на нем, и не могу поверить, как к многому люди не замечают.

— Думаю, что тебе следует рассказать кому-то о своем отце.

Он застывает, и прядь волос падает с его пальца.

— Келли, я не могу сделать это. Никто не поверит мне.

Руками я опираюсь на его грудь и перекидываю ногу через него.

— Нет, они поверят. Просто мы должны найти правильного человека.

Он качает головой, тяжело сглатывая, и устремляет свой взгляд на Луну в окне.

— Я не могу.

Я кладу руки на его плечи, надавливая на них.

— Да, ты можешь... и знаешь почему... — затихаю я, потому что то, что я скажу, вероятнее вторая самая трудная вещь, которую я когда-либо хотела сказать. А первая из которых что я, на самом деле, должна рассказать кому-то еще, — потому что я собираюсь тоже кому-нибудь рассказать.

Его взгляд встречается с моим, оценивая мое выражение лица с большой озабоченностью.

— Ты собираешься рассказать кому-нибудь о Калебе?

Мое сердце пытается убить меня изнутри, грохоча в груди.

— Да, я сделаю это, если ты тоже поговоришь с кем-нибудь.

Это кажется легким, по крайней мере, в моей голове. Я пообещаю ему, что расскажу моей семье свой секрет, как только он расскажет о своем отце кому-нибудь, тому, кто сможет предпринять какие-нибудь меры. Хотя, когда на самом деле придет время сказать об этом миру, это будет сложно, грубо, больно, обидно, стыдно... Я могла бы написать список в моем дневнике, как это будет и на это просто не хватит страниц.

— Келли, я думаю это чудесно. — Поощряет он меня. — Ты должна рассказать родителям.

— Но я собираюсь рассказать, если только ты скажешь о своем отце. — Знаю, что это шантаж, но это все, что я имею на данный момент. — И тебе нужно рассказать правду — нам обоим это нужно.

Его брови хмурятся.

— Ты меня шантажируешь?

Мои плечи поникают, и я чувствую себя самым худшим человеком в мире.

— Я делаю это только потому, что тебя люб... забочусь о тебе. — Мои глаза расширились от слова, которое я чуть не произнесла.

Я знаю, что он заметил, но притворяется будто этого не было. Он абсолютно спокоен лежа подо мной.

— И что будет после того, как мы расскажем это кому-то?

Слезы начинают скапливаться в моих глазах и скатываться по щеке, подбородку, капая на него.

— Свобода. — Пытаюсь остановить слезы, но стена внутри меня рушится, и вскоре, я теряю контроль над эмоциями. Я вновь начинаю рыдать. Он, скорее всего, может подумать, что все, что я делаю – это плачу.

Он притягивает меня вниз к себе, и я прячу лицо у него на груди, держась руками за его плечи. Слезы затуманивают мое зрение, когда я смотрю на стену с моей стороны.

— Хорошо, я сделаю это... я все расскажу..., — говорит он так тихо, что звуки падения моих слез практически заглушают его слова. — Но только ради тебя. Я сделаю это только для тебя.

Не уверена, что мне понравился его ответ. Не хочу, чтобы он делал это ради меня. Хочу, чтобы он сделал это для себя, мне хочется, чтобы он осознал, что он хороший человек. Человек которому досталась поклоняющаяся Сатане девушка, которую все всегда боялись. Человек, который может разрушить неприступные стены. Человек, который может помочь другому вновь стать целым.

Человек, в которого я влюбилась.

Кайден

Не могу поверить в то, что слышу. Она хочет рассказать кому-нибудь. Чтобы мы признались вместе. Чтобы открыли наши темные секреты миру и позволили другим делать с этим все, что им вздумается. Это поражает меня больше чем что-либо, пока она практически не произносит, что любит меня. Она быстро отдергивает себя, как будто боится сказать это, но этого достаточно, чтобы я мог сказать, что она именно это имела ввиду. И это что-то значит для меня. Я знаю это. Это не похоже на то что у нас было с Дейзи. Это были просто слова между мной и ней, и это было ничем иным, как частью сценария. Если Келли говорит это, то знаю – это означает, что она любит меня и я не знаю, что с этим делать. Любовь... Любовь... Любовь. Что, черт возьми, это слово означает?

У меня нет ни одной подсказки, и мне не нравится, как затрепетало мое сердце, когда слова практически сорвались с ее губ, как будто бы оно ожидало в тишине, когда заветное слово соскользнет с ее губ, словно это привело бы его снова к жизни. И не имеет значения, что я чувствую. Она сказала, что расскажет, если я расскажу, и неважно как чертовски сильно я не хочу говорить кому-либо об этом, но так тому и быть. Потому что я отставил боль и стыд в сторону, чтобы забрать ее. Я бы ударил себя в сердце, если бы это означало, что ее жизнь станет легче.

Мы валяемся в кровати какое-то время, слушая шум океанских волн разбивающихся о берег. Здесь, за окном, птицы галдят, а в гостиной кто-то храпит. Я обнимаю ее, пока она не засыпает, мечтая, чтобы этот момент продолжался вечно. Чтобы я мог лежать здесь с ней и быть в гармонии с собой и с жизнью.

Но каждый нерв в моем теле трепещет, и адреналин бушует во мне намного сильнее, чем волны снаружи. Мне нужна бритва или что-нибудь острое, потому что я снял эти чертовы резинки с рук. Пытаюсь щипать себя тысячу раз, но потом наконец царапаю кожу ногтями. Боль и чувства, которые приходят после этого, продолжают нарастать, как волны снаружи. Продолжаю думать о том, как я использовал бритву Люка, чтобы сбрить щетину, и даже если я хотел, я сопротивлялся желанию порезать кожу, потому что я не мог перестать думать о поцелуе Келли в переулке.

Хотя, на этот раз, я не могу отключить это. Это поглощает меня, нуждается, принуждает, несмотря на желание выкинуть все из головы и тела. В конце концов, я не могу больше терпеть. Смотрю на Келли, убедившись, что она все еще спит, и затем осторожно поднимаю руку и просовываю под ее голову. Быстро отодвигаюсь в сторону, выползая из-под нее, и после, аккуратно опускаю ее голову на подушку.

Она невнятно что-то бормочет, поворачиваясь на бок и подкладывая руки под щеку. Я застываю на момент, уверяясь, что она не проснулась, а затем тихо пересекаю комнату, направляясь в ванную. Включаю свет и закрываю дверь. Сумка Келли стоит на стойке, и хотя я ненавижу идею копания в ее сумке, но мне нужна бритва. Единственная альтернатива, которая у меня есть, это ударить что-нибудь, но от этого будет много шума, и я могу сломать что-нибудь.

Роюсь в сумке, пока не натыкаюсь на маленький мешочек на дне. Вытаскиваю его и вздыхаю с облегчением, когда нахожу бритву посреди косметики с маленькой бутылочки шампуня. Я беру ее и провожу пальцем по верхнему лезвию, проверяя остроту. Она выглядит, как и в первый раз, когда я использовал ее: розовая и с какой-то полоской наверху. Но она острая и осознание этого, успокаивает меня.

Я решаю, что лучшее место для надреза, это место, которое она не заметит. В конце концов, спускаю повязку вниз и подношу бритву к запястью, не к вене, но к месту, где уже есть коллекция шрамов. Моя голова наклоняется вперед и я уже готов сделать первый надрез, когда слышу, что дверь открывается.

Я застываю. Никто никогда не заставлял меня за этим занятием. И хуже всего то, что это Келли. Мне даже не нужно оборачиваться, чтобы понять, что это она. Я могу почувствовать запах ее шампуня и могу слышать звук ее неравномерного дыхания.

— Кайден. — Ее голос пугающе спокоен, не то, что я ожидал.

Черт возьми. Дермо. Твою мать. Я не хочу оборачиваться, потому, что тогда это окажется правдой, и она сможет увидеть, как я на самом деле слаб. Плюс, она прервала меня. Я никогда не останавливался, когда уже приступал к этому. Не знаю, как собирается реагировать мое тело или мозг.

Ее ноги шлепают по полу, и она останавливается в дюймах от меня. Моя голова все еще наклонена вниз, а зубы сильно прикусывают язык. Ее ноги появляются в поле моего зрения, они обнажены на три четверти, а затем идет моя рубашка, которая облегает ее маленькое тело.

— Кайден, — повторяет она, звуча так чертовски спокойно, что становится тревожно.

Край бритвы до сих пор около моей кожи, каждый мускул и каждая вена напряжены под кожей, переплетаясь и запугываясь в узлы.

— Келли, выйди и закрой дверь. Я буду через минуту.

Следует долгая пауза, и я уже начинаю подумывать, что она на самом деле рассматривает это.

— Нет, — говорит она твердо. — Не выйду.

Моя рука дрожит, и сердце скачет в груди. Я не хочу огрызаться на нее, но я паникую, и мои чувства контролируют меня.

— Келли, клянусь Богу, если ты вообще обо мне заботишься, ты развернешься и пойдешь обратно в комнату.

Она делает маленький шагок, сокращая уже ограниченное пространство между нами.

— Я забочусь о тебе и поэтому не собираюсь выходить отсюда.

Резко вскидываю голову вверх, и ярость начинает плескаться во мне, пламя охватывает мое тело. Я собираюсь разрушить все, но не могу остановиться.

— Убирайся отсюда к черту!

— Нет. — Решимость вспыхивает в ее глазах. Она не выглядит, как Келли, которую я знаю. Она выглядит сильной и уверенной. — Я не позволю тебе сделать это.

Наклоняюсь к ней с все еще прижатой к руке бритвой, и замечаю ее взгляд прикованный к ней.

— Если ты знаешь, что лучше для тебя, ты выйдешь. Ты не понимаешь этого... Сейчас я не нуждаюсь в тебе. Уходи.

Ее рука тянется к моей, и она берет меня за запястье, ее тоненькие пальчики крепко держат руку.

— Я понимаю. Ты хочешь остановить к черту все то, что ты чувствуешь и это единственный путь который ты знаешь. Поэтому я понимаю, и не собираюсь уходить. Если бы ты вломился ко мне, когда я... когда я пыталась бы... когда я пыталась бы вырыгать что-то из себя, то хотела бы, чтобы ты остановил меня, зная, что я буду спорить и оправдываться. — Ее пальцы скользнули к моим, пытаюсь забрать бритву из руки. — Я понимаю тебя!

На долю секунды, ее слова останавливают неконтролируемый порыв вонзить бритву в кожу, но потом, паника снова накрывает меня. Я вырываю руку из ее хватки, готовый закричать на нее и, вероятно, сказать слова, которые оставили бы шрамы в ней на всю жизнь. Но, как только я двигаюсь, она вздрагивает и быстро прижимает свою руку к себе. На ее пальце виден порез от бритвы, и кровь капает на пол у ее ног.

Теперь мне насрать на бритву или избавление от эмоций. Я бросаю бритву в раковину.

— Келли, мне так чертовски жаль. Я не хотел этого делать.

Я снова все испортил.

Она зажимает палец и кровь начинает капать быстрее, а ее лицо искажается гримасой боли. Она смотрит на меня сквозь челку, и я готовлюсь к тому, что она собирается сказать: отказ, ненависть, гнев. Но она ничего не говорит. Вместо этого, она двигается ко мне и следующая вещь, которая происходит, она взбирается на меня, обнимает меня ногами за талию и прижимает к себе. Затем она закидывает свои руки мне за голову и прижимается лбом к шее, где бьется пульс. Я напрягаюсь, но потом спокойствие проникает в мое тело. Мое сердце начинает биться сильнее, когда она обнимает меня решительней, доверяя мне полностью. Я никогда не испытывал ничего подобного, особенно посреди одного из моих кризисов и не знаю, что делать с собой, кроме, как застыть с безвольно повисшими руками по бокам.

— Келли, — зову ее, но она затыкает меня, сжимая меня и целуя в шею.

— Все будет хорошо, — шепчет она, между каждым прикосновением губ, — обещаю.

Я не полностью понимаю, что она обещает или может понимаю, но еще не готов принять это. В любом случае, я осознаю то, что достаточно спокоен, чтобы покинуть ванную. Я возвращаюсь на кровать и укладываю нас. Она отказывается отпускать меня даже когда мы уже лежим на постели. Ее колени сжимают мои бедра, навалившись на меня, она пресекает все возможности отступления.

Но все в порядке. Впервые в моей жизни, я доволен настолько, что не хочу отступать.

Келли

Тогда был один из тех моментов, когда я знала, что каждая вещь, которую я делаю, важна, начиная от темпа моего дыхания и заканчивая тоном моего голоса. Честно, я была

напугана. Я почувствовала, как он проснулся, но не предала этому значения, пока не осознала. Это вытолкнуло меня из сна, и я пошла туда, зная, что это может сломать меня, так же как, когда мне было 12 лет. На этот раз все закончится по-другому, потому что сейчас я сильнее и спасу его, так же, как он спас меня.

Он был зол, что вполне объяснимо, но это не значит, что я сдалась, и в конце концов, это закончилось хорошо. Ну, кроме того, что я порезала палец, – болезненное напоминание, когда я открываю глаза.

Сквозь окно светит солнце, и лучи окрашивают небо в яркие оттенки оранжевого и розового. Мой палец пульсирует, и я осознаю, что не продезинфицировала его. Моя кровь на запястье, на руке, на постели, и на груди Кайдена – там, где лежала рука.

Я сажусь и прижимаю раненную руку к себе, моргая пока комната не становится четче. Я все еще одета в рубашку Кайдена и она пхнет его одеколоном. Спустив ноги с кровати, я оставляю его спать дальше, а сама направляюсь в ванную.

Мои волосы в ужасном беспорядке, а под глазами темные круги. Чувствую себя уставшей, когда открываю кран с теплой водой и вздрагиваю от того, что вода проникает в порез, смывая кровь и часть прошлой ночи. Я ставлю локти на края раковины и опускаю голову вниз, держа руку под струей воды.

— Ты в порядке? — спрашивает Кайден, и я поднимаю голову, вздрагивая.

Он стоит в дверном проеме, в боксерах, яркий утренний свет хорошо демонстрирует все его шрамы на груди и на мышцах живота.

— Все хорошо. — Выключаю кран и тянусь за полотенцем, зажимая им палец. — Просто забыла смыть это прошлой ночью. Вот и все.

Он входит в ванную, и я напрягаюсь, когда он протягивает руку к полотенцу. Убирает его и подносит мой палец ближе к лицу, осматривая его.

— Извини, что сделал больно. — Произносит Кайден.

Я качаю головой.

— Ты не сделал мне больно. Это была моя вина... и она того стоила.

Когда он смотрит на меня, в его взгляде стоит ужас, но затем этот взгляд исчезает и он тянет мою руку к своим губам. Оставляет нежный поцелуй на пальце, потом переходит вниз, чтобы поцеловать руку. Он продолжает оставлять цепочку поцелуев по моему предплечью, по сгибу руки, после поворачивает руку вверх и проводит губами до верхней части моего плеча. Он посасывает и проводит языком по коже. Ощущение его частого дыхания посылает по моему телу толпу мурашек, я кладу руки ему на плечи удерживая себя от падения.

— Ты самый удивительный человек, — шепчет он в мою шею, — ты реально удивительная.

Я почти начинаю плакать.

— Так же как и ты.

Его губы снова приоткрываются, и он посасывает кожу на моей шее, его язык пробует на вкус, а зубы нежно прикусывают ее. Моя голова откидывается в сторону, потому что это ощущается так приятно, и мои пальцы спускаются вниз, хватая его, а ноги подгибаются. Его рот начинает ползти вверх к сгибу шеи, где находится мой пульс, затем к линии челюсти и после к уголку губ. Его влажные губы увлажняют мою кожу и выбивают дух из мой груди, заставляя хватать воздух ртом.

Ощущение будто мы заперты в ящике, защищенные от мира и наших страхов. Мы не можем не дотрагиваться друг до друга. Существует столько много проблем вокруг нас, но все о чем я могу думать – это он. Когда наши губы соединяются, он разворачивает нас в сторону кровати и идет туда. Возможно, это безумие, со всем тем, что сейчас происходит, быть такими поглощенными друг другом, вместо того, чтобы работать над проблемами. Возможно, в один прекрасный день мы оглянемся назад и зададимся вопросом, о чем мы думали. Или возможно, вспомним день, когда мы решили избежать боли в руках друг друга.

Мы падаем на кровать, наши ноги переплетаются вместе, как лоза. Он поверх меня, на нем нет рубашки, поэтому мои пальцы путешествуют по его твердой груди, чувствуя тепло его кожи и танец его сердца в груди. Он поспешно садится между моих ног и рубашка, в которую я была одета ползет вверх по животу. Его пальцы ласкают кожу прямо под моим пупком и это щекотно, но в тоже время чувствуется так всецело хорошо. Мои колени поднимаются вверх, кода тепло скручивается спиралью меж моих бедер, и я размышляю, как далеко я продвинулась за такое короткое время, и как сильно наслаждаюсь его прикосновениями.

Его пальцы проскальзывают под резинку моих трусиков, и он начинает стаскивать их вниз по ногам. У меня все еще побаливает там из-за тех разов, что у нас были в последние двадцать четыре часа, но я ни за что не собираюсь останавливать его. Это полностью стоит того. Когда мои трусики доходят до лодыжек, я откидываю их в сторону, и затем он скользит по моим рукам и тянет меня вверх, сажая. Одним легким движением, он стягивает с меня рубашку через голову и бросает ее на пол.

Мои легкие судорожно вдыхают воздух. Я обнаженная перед ним. Снова. Я. Келли Лоуренс. Каждый раз, когда я думаю об этом, это захватывает меня. Я откидываюсь назад, в то время как он снимает свои боксеры, но быстро хватает меня за талию и тянет к себе. Потом садится, поднимая меня за талию. Я задыхаюсь, когда он ложится на спину и устраивает меня сверху, так, чтобы мои ноги были по разным сторонам от его бедер. Прежде чем я реагирую на внезапность, его пальцы проскальзывают к моей спине, и он берет мою грудь в рот. Он посасывает ее, пока я не начинаю громко стонать. Мои ноги сжимают его бедра. Затем он оставляет мою грудь, и укладывается на кровать с голодным выражением в глазах, который заставляет мою кожу вспыхнуть. Он приподнимает бедра и входит в меня. Из моего рта вырывается стон, прикусываю губу в поисках чего-нибудь за что можно схватиться. Будто читая мои мысли, он берет мою руку и кладет на плечо, и я сразу хватаюсь за него, опираясь, тогда он начинает скользить во мне снова и снова, пока я не начинаю думать, что взорвусь. Он давит рукой на мою спину, заставляя меня нагнуться к его губам. Последний раз толкнувшись во мне и проскальзывая языком внутрь моего рта, страстно целуя, все мысли испаряются из моей головы, и я теряю контроль над телом, воспаряя высоко и возвращаясь обратно.

Когда снова оказываюсь в реальности, я задыхаюсь и вся в поту, и думаю как изумительно это чувствуется. И не только секс. Связь. Контакт. Факт того, что я здесь. С ним. И я в порядке. Намного больше, чем в порядке. Думаю, что возможно, это то, самое, время, чтобы сказать ему. Вернуть мою свободу. Потому что заслужила иметь ее. Я заслужила, чтобы быть здесь, прямо сейчас.

Кайден

— Если бы ты мог загадать одно желание, что бы это было? — спрашивает Келли, выводя пальцем круги на моей ладони.

Уже поздно и солнце заливают комнату светом. Сет и Люк еще не проснулись. По крайней мере это то, что я определил по тишине в доме. Ее голова покоится на моей руке, ее нога подтянута к моему животу, а рука лежит на против моего сердца.

— Чтобы мы могли остаться здесь навсегда. — Отвечаю честно.

Ее голова поднимается, и она встречается со мной взглядом.

— И ты на самом деле мечтаешь об этом?

Я киваю, пропускаю пряди ее мягких волос, которые пахнут, как клубника, сквозь пальцы.

— Безусловно. Это чудесно.

Ее щеки начинают пылать, и я хочу знать о чем она думает.

— Что бы мы делали, если бы остались здесь навсегда?

Это чертовски мило, что ее грязные мыслишки заставляют ее краснеть.

— Все, что бы ты ни захотела. — Говорю я с частичкой смеха в голосе.

Она поворачивает личико вниз и оставляет поцелуй, слегка проводя языком.

— Я бы хотела остаться так, как сейчас.

Я смеюсь, и от моего резкого дыхания становится больно мышцам, потому что я не тренировался ни разу за прошедший месяц.

— И это все, чем ты хочешь заниматься? Потому что твои красные щеки говорят об обратном. — Пальцем глажу по ее щеке и она вздрагивает. Я люблю, когда она вздрагивает и ненавижу в тоже время, так как это показывает, как сильно я влияю на нее. — Или в мыслях ты занимаешься чем-то другим?

Она лежит в тишине какое-то время, затем, наконец, поднимает на меня взгляд, ее голубые глаза широко раскрыты. Ее щеки все еще красные, а волосы покоятся на ее лице и плечах.

— У меня нет ничего другого в мыслях, — говорит она, — мне просто было интересно.

Она лукавит, но я позволяю ей сорваться с крючка. Собрав прядь ее волос, заправляю ей за ухо. Я уже хотел сказать ей, что нам, возможно, следует выбираться из постели, когда в дверь постучали.

— Кхм... Я ждал так долго, как мог. — Говорит Сет за дверью. — Но мне нужно войти и забрать мои вещи.

Келли отталкивается от меня и встает на колени с простыней, прижатой к груди. Я хватаю край простыни и тяну вниз, затем глажу ее сосок пальцем. По ее телу проходит дрожь, и я чувствую удовлетворение, когда она начинает застенчиво улыбаться, слезая с кровати, голой.

Она ищет свою одежду, пытаюсь скрыть свое тело руками. Она такая маленькая, тоненькая, хрупкая. Я не могу помочь, но думаю о том, как она сказала, что вызывает специально у себя рвоту и думаю, возможно, мы должны поговорить об этом, так же, как мы говорили о моих проблемах.

— Келли, пожалуйста, — умоляет Сет, звуча хрипло с похмелья. — Мне реально нужны мои вещи.

— Секунду! — Келли хватает пару шорт и футболку из сумки, которую Сет вчера принес. Она улыбается мне сдержанной улыбкой, пред тем как ретироваться в ванну. — Впустишь его, как оденешься? — спрашивает она, когда я надеваю свои боксеры.

Прослеживаю за ней взглядом.

— Что ты делаешь?

Она пропускает пальцы через волосы.

— Пойду приму душ. У меня песок в волосах после прошлой ночи.

Медленная улыбка растягивает мои губы. Я знаю, что был слишком напорист, и скорее всего у нее все там жутко болит, но я ничего не могу поделать с этим. Как только картинка ее в душе, с горячей водой, стекающей по телу, волосам и груди, появляются в моей голове, я решаю, что мне нужно принять с ней душ. К тому же, сейчас все идеально, и я хочу растянуть это так долго, как могу, до того, как мы вернемся в реальную жизнь к нашим проблемам.

— Ооо! Мне тоже. — Я встаю с кровати, и она смотрит на меня с недоумением из проема ванной. Она не понимает, о чем я говорю, и я не ожидаю от нее этого. Она невинна и мила, и ее ум не повернут, как у Дейзи.

Я подхожу к ней, обожая то, что она кусает свою губу.

— Ты выглядишь потерянной. — Шепчу я, когда тянусь к ее руке.

Ее взгляд останавливается на моей груди, и на секунду я чувствую смущение.

— Так и есть. Хочешь принять душ первым? Я могу подождать.

Я улыбаюсь и эта улыбка настоящая, не маска. Подушечкой пальца провожу по ее нижней губе, а другую руку кладу на ее обнаженное бедро.

— Я бы сказал, что хочу принять душ... с тобой.

Она испускает удивленный вздох и я беспокоюсь, что слишком сильно давлю на нее. Затем ее щеки начинают алеть, когда она пробегает глазами по моему телу, кусая нижнюю губу. Она не говорит ничего, когда встречается со мной взглядом, но я точно могу сказать, что ей любопытно.

— Не беспокойся. — Прикладываю палец к ее губам. — Будет весело. Все в мыле, влажные и скользкие. — Ее глаза расширяются и я беру ее за бедра и приподнимаю. Она хихикает, и я улыбаюсь, заходя в ванну.

— Минуточку, — говорит она прямо тогда, когда я собираюсь, поцеловать ее. — Мы должны впустить Сета. А то он обидится.

Неохотно, я иду в комнату и отпираю замок. Затем стремглав возвращаюсь в ванну, все еще неся Келли, которая хихикает каждый раз, когда я дотрагиваюсь пальцами до ее живота. Пинком ноги я захлопываю дверь, и кричу:

— Сет, ты можешь войти! — И сразу накрываю ее губы своими и целую пока не кончается воздух в легких. Потом мы отстраняемся, дыша тяжело, а ее пальцы впиваются в мой затылок.

Я оглядываюсь вокруг, готовый включить душ.

— Подожди, а где душ?

Она указывает через плечо на угол около двери.

— Думаю он там.

— Это не шкаф?

Она пожимает плечами.

— Не думаю. Если бы это был... — Ее глаза блуждают между раковиной, туалетом и стойкой для полотенец. — Думаю, это не шкаф.

Придерживая ее за попу, я иду к углу около двери. Там небольшой шкаф с пустыми рейками и полками. Я поворачиваюсь налево, потому что это единственное место куда

можно пройти. Там огромное окно из матового стекла на всю стену, и океан прямо снаружи. Там также массивная овальная ванна в углу, которая стоит на прямоугольной платформе со ступеньками из плитки.

Келли хмурится.

— Здесь нет душа? — Пытается подавить улыбку. — Дерьмово. Я определенно была настроена на него.

Я слегка щипаю ее за ногу и она вскрикивает, брыкаясь на мне. Я подхожу к ванне, не отпуская Келли, и включаю кран.

— Что ты делаешь? — спрашивает она, наблюдая за струей воды, к которой я протягиваю руку и проверяю температуру.

— Набираю ванну. — Я в тайне люблю тот факт, что тут есть ванна и нет душа. Вещи, которые мы можем осуществить в этой большой ванне безграничны.

Она нервно ерзает, ее тело напряжено, когда она смотрит на ванну, наполняющуюся водой.

— Мы собираемся принять ванну вместе? — Ее носик морщится, и я уже собираюсь ей сказать, что она не обязана, если не хочет, когда она выдает: — Мы должны сидеть в грязи друг друга.

У меня вырывается смешок, и я поднимаюсь на ступеньку.

— На сколько я грязный, ты думаешь?

Время от времени у нее появляется этот коварный взгляд, и всегда бывает в полной мере.

— Не знаю. — Говорит она, соскальзывая с моего тела. — Парни известны своей нечистоплотностью, не так ли?

Я снова щипаю ее за ногу, и она подпрыгивает, смеясь визгливо. Движение толкает меня вперед, и я спотыкаюсь, опрокидываясь вниз. Я пытаюсь приземлиться так мягко, как могу, чтобы не навредить ей, и в конце концов, я стукаюсь локтем о край ванны, а вода расплескивается во все стороны. Она хохочет, когда я пытаюсь сесть в воде, вместе с ней на мне.

— Ооо, ты думаешь это смешно? — сажусь я, все еще держа ее за талию, и поглаживая пальцами ее влажную кожу. Капельки воды стекают по ее телу, волосам, мягкой коже и это лучшее, что я мог себе вообразить. Мы сидим так какое-то время, ожидая, когда кто-нибудь из нас заговорит.

— Келли, я должен спросить... — массирую ее тазовые косточки пальцами, — о твоём пристрастии рыгать.

Она перестает дышать, но не уходит от ответа.

— Я работаю над этим.

Я долго выдыхаю через нос.

— Ты слишком хрупкая ... чтобы делать это.

— Не о том говоришь.

— Знаю, но, несмотря на это, это делает тебя слишком худой, и мне ненавистна эта чертова мысль, что ты вредишь себе. — Я лицемер, но важно, чтобы она знала, что я чувствую, потому что она всегда говорит мне о своих чувствах.

— Возможно, мне следует с кем-то поговорить об этом, — отвечает она, противоречиво. — Хотя, у меня есть улучшения.

— Поговорить об этом с кем-то было бы хорошо. — Я закрываю глаза и набираюсь мужества. — Я... я говорил об этом с терапевтом в клинике. Как бы я сильно ненавидел эту чертову клинику и причину, почему я там был, он казался хорошим парнем. — Я меняю положение, когда воды становится больше. — Я продолжаю видеться с ним.

— Это хорошо, — хвалит она, что-то ища в моих глазах. — Может тебе следует рассказать ему о том, что делал твой отец?

Мои пальцы сильнее вдавливаются в ее кожу.

— Не думаю, что он подходящий человек.

— Тогда кто подходящий?

Кому я смог бы рассказать? Матери? Брату? После этого, единственные люди, которых я знаю, не будут знать, что блять делать с этой информацией.

— Думаю, я смогу это сделать.

— И ты сделаешь это. — Настаивает она, пропуская мои мокрые волосы сквозь пальцы и убирая их с лица. — И я пойду с тобой.

Я опасаясь и колеблюсь, и честно, так, как я забочусь о ней, я бы не хотел брать ее туда, чтобы она слушала все то дерьмо, которое я сделал.

— Келли... Не думаю, что это хорошая идея. Не хочу, чтобы ты слышала все кровавые детали.

— Я видела эти кровавые детали, — протестует она, и в ее уголках глаз собираются слезы. — Я смогу справиться с этим... если ты не хочешь, чтобы я там была. — Решимость горит в ее глазах.

— Келли, я правда думаю, что там тебе не место. — Возражаю я, мои внутренности скручиваются, когда я думаю о том, как она слышит ебанутые вещи из моей головы.

Она качает головой и берет меня за руки.

— Кайден, я могу помочь тебе, если только ты позволишь... Пожалуйста, позволь мне помочь тебе.

Сложно сказать нет, когда она смотрит на меня так, но даже если и так, то я все равно хочу идти один, но я слышу себя, говорящего:

— Хорошо, ты можешь пойти со мной... но пообещай мне одну вещь.

Она кивает мне с энтузиазмом.

— Все, что угодно.

— Ты пообещаешь мне, что я буду с тобой, когда ты расскажешь своей семье о Калебе.

Она раздумывает над этим, выглядя противоречивой, но затем быстро наклоняется вперед и легонько прикасается своими губами к моим.

— Хорошо, — шепчет она, напротив моих губ. — Мы сможем сделать это. — Бормочет она, и я не уверен, кому она говорит, мне или себе. — Потому что думаю, мы сильнее, когда вместе.

Я думал об это всю ночь, о том, как она меня успокаивает и отбивает желание резать себя. Она может быть права. На многих уровнях.

— Думаю, нам следует вернуться сегодня...я не должен был уезжать... ощущение будто я убежал от всего.

Она кивает, соглашаясь.

— Возможно, это была плохая идея.

— Нет, не плохая. — Я кладу пальцы меж ее ног, и ее дыхание от этого сбивается. — То, что случилось прошлой ночью... — понижаю свой голос, и приближаю свои губы к ее уху, пальцы запускаю в нее. Я хочу, как можно больше времени Келли, на тот случай, если это закончится не хорошо, потому что в моем мире обычно так и бывает. Больно думать об этом, но это реальность, и это могло бы быть безрассудным и разрушительным, если бы я уже не познал этот путь. — То, что случилось прошлой ночью, снова и снова... — я двигаю пальцем внутри нее, и ее тело выгибается, — никаким образом не было плохо. — Целую ее щеку, когда она закрывает глаза. — Это было невероятно.

Начинаю двигать пальцами, пока не подвожу ее к краю, и она не выкрикивает мое имя. Затем я снимаю свои мокрые боксеры и погружаюсь в нее, желая каждую ее частичку, зная, что в любой момент что-то может пойти не так. Но хоть раз в жизни, надеюсь, что все будет нормально. Надеюсь, что все пройдет хорошо. Не уверен, что это значит, но хочу это выяснить.

Глава 15.

#26 Столкнуться с неизбежным, что бы ты, черт возьми, не делал

Келли

Ванны не так плохи, как мне казалось. Я никогда не была заядлой купальщицей. Идея сидеть в воде и впитывать собственную грязь была мне противна. Но после принятия ванны с Кайденом, думаю, что изменила свое мнение. После того как мы выходим, то одеваемся и готовимся к походу на кухню. Это вроде как страшно, выйти из комнаты. Мы жили в этом волшебном, безопасном пузыре последние пятнадцать часов, и как только переступим порог, он грозится разорваться, особенно после того, как сообщим Сету и Люку что нам нужно вернуться пораньше.

Я надеваю джинсы с футболкой, стягиваю волосы в хвост и обуваюсь. На Кайдене клетчатая рубашка, джинсы и ботинки. Его волосы немного влажные, и ему пришлось снять бинты, потому что они намокли в ванной. Раны под ними совсем не зажили, а одна из них выглядит свежей. Он замечает, как я глазею на них, и закатывает рукава, чтобы спрятать руки.

— Я собираюсь работать над этим, — говорит он, опуская голову и защелкивая кнопки на рукавах. Часть волос попадает ему на глаза, и я не могу удержаться, чтобы не убрать их прочь.

— Я не могу потерять тебя. — Не уверенная, почему говорю это, но не могу перестать думать о нем, лежащем на полу, и как думала, что он не мог этого сделать. — Ты нужен мне.

Ему, кажется, становится неудобно от моих слов, пока он возится с пуговицей на рубашке. В прочем это неважно. Он должен знать. На самом деле, думаю, скажу ему это еще много раз, как сильно я нуждаюсь в нем, насколько он важен, потому что сомневаюсь, что он мог часто такое слышать.

— Ты готова? — Спрашивает он, наконец, оторвавшись от своей рубашки. Кайден тянется за браслетом на комод и надевает его не запястье.

Я киваю и открываю дверь.

— Сет не обрадуется из-за того что мы уезжаем.

— И Люк тоже. — Он обходит меня. — Ну да ладно.

Я следую за ним по коридору и на кухню. Сет и Люк сидят за столом, выглядя истощенными: мешки под глазами, что налиты кровью, бледная кожа и выглядят они отвратительно. Сет одет в шорты и серое поло, а волосы стильно взлохмачены. Люк был без рубашки и в паре полосатых пижамных штанов. Мне сразу же становится некомфортно при виде его голой груди с татуировками. Некоторые из моих старых чувств стыда и вины начинают выходить на поверхность, поэтому я просовываю палец через одну из петель для пояса на джинсах Кайдена. Не знаю для чего делаю это, вроде как держусь за него, и это насылает на меня успокаивающий эффект.

Он смотрит на меня через плечо, мерцая своими изумрудными глазами с беспокойством.

— Ты в порядке?

Я киваю, стараясь не смотреть в сторону Люка и кусая ногти.

— Да, все хорошо.

Он глядит вниз на мой палец в его петле для ремня, а после просто пожимает плечами. Я люблю его еще больше в этот момент, особенно, когда он оборачивает руку вокруг моего плеча и притягивает к себе, пока мы добираемся до стойки усеянной пивными бутылками, пеплом и окурками.

Он наклоняется и проводит губами по моему лбу, прежде чем объявить, — Итак, нам нужно вернуться сегодня.

Люк начинает рыться в холодильнике, а затем выныривает с бутылкой молока в руке, пинком закрывая дверцу.

— Ты что, издеваешься надо мной? Мы приехали только вчера утром.

— Я знаю, — отвечает Кайден, поглядывая на меня с оттенком страха в глазах. — Но...но есть кое-какие дела, с которыми нам с Келли нужно разобраться дома.

Сет кладет в рот сигарету и щелкает зажигалкой.

— Например? — Он бросает зажигалку на стол и откидывается назад, затягиваясь, а затем выпускает тонкую струю дыма.

— Например, как очень важные дела, — говорю я с пристальным взглядом, надеясь, что он поймет его.

И как по-настоящему хороший друг он улавливает смысл.

— Хорошо.

Люк бросает на него резкий взгляд, откручивая крышку бутылки.

— Ни в коем случае. Я – водитель. Поэтому я принимаю окончательное решение.

Кайден громко вздыхает и убирает руку с моего плеча. Он подходит к Люку и кладет руку на стойку, стоя прямо перед ним.

— Послушай, я знаю почему тебе не хочется возвращаться и мне правда не хочется чтобы ты делал этот, но мне нужно вернуться к тому от чего я бегу.

Не знаю, понимает ли Люк слова Кайдена в полной мере, но думаю, что он мог бы. Он кивает головой, ворча и выглядя раздраженным.

— Ладно, раз это важно, то так тому и быть.

— Спасибо. — Кайден возвращается ко мне. — Хочешь пойти и собрать свои вещи?

Я киваю, а после Сет начинает подниматься. Он кладет сигарету в пепельницу в форме листа, стоящую по центру, а затем толкает стул. Он встает на ноги, глядя на Кайдена, а после берет меня за руки. Мы идем рядом, направляясь в комнату. Как только дверь закрывается, он разворачивается и упирается руками в бока.

— Ладно, рассказывай, — требует он. — Что происходит?

Я качаю головой и наклоняюсь, чтобы подобрать шорты и одну из рубашек с пола.

— Я не могу сказать тебе.

Он таращится на меня.

— Почему?

— Потому что пока не могу. — Я скручиваю одежду и запихиваю ее в сумку, что стоит возле кровати. — От части потому что я не готова и от части потому что это не только моя тайна – она еще и Кайдена.

Он больше не давит на меня и начинает упаковывать свою сумку, пока я собираю одежду. Я немного навожу порядок, тяну время, потому что знаю – как только мы выйдем из дома: Кайден и я шагнем в реальность, и все что я могу – надеяться, что с нами все будет хорошо.

Глава 16.

#15 Перестать мучить себя

Келли

Мне страшно возвращаться домой и встретиться лицом к лицу с мамой, даже если Кайден будет со мной. На середине пути я включаю мобильный и обнаруживаю 37 голосовых сообщений и 58 смс. Все от нее, это просто невероятно, но всё же это реальность. У нее всегда были проблемы с вещами, что не вписывались в ее мир. И сбежавшая бунтарка-Келли не лучше, чем замкнутая готичка-Келли.

— Мы могли бы снять номер в гостинице, — предлагает Сет, когда въезжаем в город. — И провести там каникулы.

— И в любом случае не идти домой, — сварливо бормочет Люк.

Уже поздно, на деревьях в парке мерцают ярко-красные огни, а на входе стоит огромный надувной Санта, приветствуя нас. Кайден был очень тих всю дорогу и глядел в окно, погружившись в свои мысли, что сильно меня огорчило. Люк тоже был молчалив, куря без остановки, и Сет был не в лучшем состоянии.

Я смотрю на Кайдена, задаваясь вопросом, что он думает на счет идеи с гостиницей, все так же продолжая смотреть в окно.

— Мне кажется, если пойду в гостиницу, то уйду от своих проблем, — произношу я. — Мне, наверное, стоит пойти домой и встретиться с разгневанной матерью.

— Почему? — спрашивает Сет, удивляя меня. Я таращусь на него, пока дым змейкой покидает его губы, он вынимает сигарету и высовывает руку из окна, стряхивая пепел на улицу, постукивая пальцем по концу. — Келли, мне не нравится говорить это, — его карие глаза стреляют в сторону Люка, а затем – Кайдена, прежде чем он наклоняется и шепчет, — Но пока ты не можешь все рассказать маме, и сама-знаешь-кто больше не может официально появляться в твоём доме – это хорошее решение для тебя. Перестань мучить себя.

Я сжимаю губы, пока он откидывается назад.

— Я не мучаю себя, — бормочу в ответ.

— Уверенна? — Сет выбрасывает сигарету в окно, а после закрывает его. Грузовик Люка очень старый и не имеет автоматическую систему управления, поэтому рука Сета борется с тугой ручкой.

Кайден смотрит на меня с хмурым взглядом.

— Сет прав, — соглашается он спокойно.

Я думаю о том, сколько раз желала скрутиться в шар или стать не видимой, или вовсе исчезнуть. Но если бы я, возможно, смогла избавиться от оков Калеба, то, может сбежала бы от мучительных лет, что провела взаперти, замкнувшись в себе. Могу ли я сделать это? Просто стать свободной? Есть ли у меня такая власть? Мне действительно не нужно возвращаться, если я не хочу. Я смогу вернуться, когда буду готова признаться.

— Ладно, давайте снимем номер. — Это такое просто решение, но оно засело во мне навсегда.

Мне не нужно возвращаться домой, пока я не готова. У меня есть выбор, власть, свобода. Я могу порвать связи с вещами, что делают мне больно. Ты можешь сделать это. Я могу сделать все что угодно, если захочу. Мне просто нужно сделать это. Внезапно, я вновь могу дышать свободно. Улыбаюсь, и Сет с Люком смотрят на меня, как на сумасшедшую.

Кайден глядит на меня с натянутой улыбкой.

— Звучит неплохо.

Я улыбаюсь ему, удивляясь, почему он так расстроен. Все было хорошо, когда мы покидали пляжный домик, по крайней мере, я так думала. Наклоняюсь к нему и шепчу, — Ты в порядке?

Он кивает, озадаченно смотря на меня.

— Да, а почему не должен быть?

— Не знаю, — отвечаю ему, не сводя взгляда с его печальных глаз. — Ты выглядишь грустным.

— Ну, это не так. Честно. — Он возвращает свое внимание к окну, и мое сердце сжимается в груди, понимая, что он что-то недоговаривает. Но я не хочу давить на него перед Люком и Сетом, поэтому замолкаю.

Десять минут спустя мы регистрируем номер в гостинице, в ретро-стиле с двумя двуспальными кроватями и воздухом пропитанном плесенью. Сет и Люк начинаю спорить о спальнях местах, а я пользуюсь возможностью, чтобы поговорить с Кайденом о том, что его беспокоит.

— Ты уверен что все хорошо? — Спрашиваю, опускаясь на кровать возле него.

Он кивает, вертя в руках пульт, хотя телевизор выключен.

— Да, все нормально. Я уже говорил тебе это.

— Но ты был так молчалив, — говорю я. — Едва ли слово сказал с того момента как мы уехали из Калифорнии.

— Я просто устал. — Он бросает пульт на тумбочку и смотрит в окно. Он и в правду выглядит уставшим, но не думаю, что это истинная причина. Словно почувствовав мои сомнения, он кладет руку мне на колено и нежно сжимает его. — Келли, перестань беспокоиться. Я в порядке.

— Хорошо, — отвечаю спокойно, а затем поднимаюсь с кровати, чтобы воспользоваться ванной. Я закрываю дверь и сажусь на бортик. На самом деле, мне не нужна ванная; мне просто нужно собраться. Желание избавиться от тяжести внутри нарастает, мне хочется дать ей свободу, потому что давно не делала этого, и я волнуюсь за Кайдена и о предстоящем разговоре с мамой. Я начинаю постукивать коленями друг о друга, дыша через нос и считая до десяти, напоминая себе, что я сильная. Что могу прожить жизнь без опустошения желудка.

Мне требуется время, но спустя десять минут я успокаиваюсь, выхожу из ванной, и с удивлением обнаруживаю Люка и Сета на одной кровати, смотрящих телевизор, но нигде не вижу Кайдена.

— Куда делся Кайден? — Спрашиваю я, проходя между кроватями.

Они оба таращатся на меня, а затем осматривают комнату. Сет хмурит брови.

— Что? Я не слышал, как он ушел.

Люк зевает.

— Он пошел к грузовику за своей сумкой, — отвечает он. — Но он там уже несколько минут.

Паника проскальзывает сквозь меня, пока я отгибаю кровать и отдергиваю занавеску. Неоновый знак освещает автостоянку, грузовик стоит на парковке, а снежинки падают на капот и крышу. Я нигде не вижу Кайдена, но убеждаю себя, что он, скорее всего, поднимается по лестнице, которую не видно из окна. Надеваю обувь и выбегаю за дверь.

— Келли, что за фигня? — Слышу как кричит Сет и оставляю дверь открытой настежь. Не оглядываясь, спешу вниз и выбегаю на парковку. Открыв грузовик Люка, понимаю, что Кайдена там нет. Я обыскиваю парковку и даже заглядываю в вестибюль, выясняя, может он решил устроить набег на торговые автоматы, но и там его не оказывается. В моей голове проносится тысяча мыслей. Куда он пошел? Зачем ему уходить? Почему ему было так грустно?

К тому моменту как я возвращаюсь к лестнице, Сет и Люк спускаются вниз. Я чуть ли не плачу и вся продрогла без куртки.

— Он ушел, — бормочу я.

Они встречают меня у подножия лестницы, и Люк хмурится, смотря на грузовик.

— Что значит «он ушел»?

— Я везде искала. — Обнимаю себя руками, дрожа от холода и нервов. — Нигде не могу найти его.

Руки Сета оборачиваются вокруг меня.

— Я уверен, что с ним все в порядке. Может, он просто пошел прогуляться.

— Уже почти половина одиннадцатого и похолодало, — возражаю я. — Некуда идти.

— Возможно, он пошел к заправке, чтобы купить какой-нибудь еды. — Судя по голосу, он сам в это не верит. — Кажется, я видел несколько по пути сюда.

— Подождите секунду, — встревает Люк, вынимая телефон из заднего кармана. — Я позвоню ему, если ответит, то узнаю, что случилось. — Он набирает номер и подносит трубку к телефону, отходя от нас к грузовику и оставляя следы на снегу.

Сет обнимает меня, пока я наблюдаю за Люком, пинающим снег и держащим одну руку на животе. Он продолжает движение, отходя все дальше от гостиницы. Мои ноги слабеют, и я, в конце концов, присаживаюсь на лестницу.

Сет садится рядом.

— Я уверен, что все хорошо.

Я качаю головой.

— Он всю дорогу был расстроен. Думаю, его действительно что-то беспокоит. — Притягиваю колени к груди и кладу на них подбородок. Что если он собирается сделать что-нибудь... что-то плохое себе?

Я достаю свой телефон и пытаюсь позвонить ему сама. После четырех гудков вызов направляется в голосовую почту. Отключаюсь и начинаю набирать сообщение.

Я: Эй, где ты... Я беспокоюсь. Ты просто исчез.

Я жду, но ответ не приходит. Пытаюсь сдержать слезы, отчаянно желая убежать и жалея, что не могу свернуться в клубочек и плакать, пока не засну. Все во мне болит. И я боюсь. Не за себя, а за Кайдена и его действия. Я не могу выкинуть из головы то, что он пытался порезать себя. Вдруг все закончится тем, что он вновь причинит себе боль?

Наконец Люк направляется обратно к нам с озадаченным выражением на лице. Прежде чем он добирается до нас, мой телефон подает признаки жизни.

Кайден: Со мной все хорошо.

Он в порядке?

Я: Где ты?

— Я дозвонился, — говорит Люк, когда мой телефон вновь звенит. — Он сказал передать, что с ним все в порядке, но есть кое-что о чем ему надо позаботиться.

Я смотрю вниз на экран, стараясь держать телефон крепко в трясущейся руке.

Кайден: Мне нужно поговорит кое с кем и это не может ждать... С моим психотерапевтом... Слушай, я объясню все позже, когда вернусь, тогда мы поговорим. И, Келли, со мной все в ПОРЯДКЕ, честно.

Я ничего не понимаю. Мои руки дрожат, пока набираю сообщение.

Я: Я думала, что пойду вместе с тобой... и уже поздно. Все уже закрыто.

Он не отвечает, а я и не знаю что думать. Он на самом деле пошел на встречу? Или врет?

Я встаю, отряхивая снег с джинсов.

— Мы должны найти его.

Люк качает головой, протискиваясь между нами.

— Келли, я уверен что все хорошо..., и он сказал что скоро вернется, так что, думаю, мы просто должны дождаться его.

Я гляжу на Сета, задаваясь вопросом, что делать. Вздыхая, он обнимает меня и ведет вверх по лестнице.

— Я не сомневаюсь, что с ним все хорошо, — спокойно говорит он.

Я цепляюсь за него, надеясь, что он прав.

Кайден

Я помешан на идее рассказать правду и, наконец, решаюсь сделать это на обратной дороге домой. Чем больше я думал об этом, тем больше накручивал себя, до тех пор пока не почувствовал приближение взрыва. Всю жизнь я скрывал свои эмоции и тайны, и вдруг осознал, что должен выпустить их наружу. Сейчас же.

Даже при том, что уже поздний вечер, я понимаю – если лягу в кровать, закрою глаза и окунусь в сон, то, скорее всего, к утру мой разум передумает. Это та самая вещь, в которой я засел, и мне бы хотелось выбраться из него. Поэтому, как только Келли уходит в ванную, я выскальзываю из комнаты, пробормотав что-то о сумке в грузовике.

Знаю, что она расстроится из-за того что ушел ничего не сказав, но я должен был сделать это, иначе она бы посмотрела на меня печальными глазами, как у щенка, потому что хотела пойти со мной, как мы договаривались, и мне бы было сложно сказать «нет». Не смотря на то, что я сказал, что мы сделаем это вместе, по дороге домой я понял – мне нужно сделать это самому. Иначе я бы пошел на попятную, а я хочу выговориться. Обо всем.

Я выхожу из комнаты и иду в парк, расположенный ниже в нескольких кварталах, затем останавливаюсь, достаю телефон и визитку, которую дал мне Дуг. Давая ее мне он сказал, что я могу позвонить в любое время, и надеюсь он это и имел в виду.

Уже поздно и холоднее чем в морозильнике, воздух жалит кожу словно иглы. Начинаю звонить, хожу взад и вперед по тротуару, думая о том, что же все это значит. Столько сколько себя помню, я всегда делал то что хотел отец – в спорте, в правилах, в жизни. Всегда чувствовал обязанность вернуться в тот дом, несмотря ни на что. Не знаю почему и, возможно, никогда этого не пойму. Надеюсь это первый шаг к тому, чтобы обрезать связи с этим Богом проклятым домом, который не дает ничего, кроме страшных воспоминаний и бездушного монстра, что создал их.

Приятно думать об этом.

Я собираюсь сбросить вызов после пятого гудка, но тут кто-то отвечает на звонок, — Алло.

— Эмм... — не могу точно сказать он ли это. — Это Кайден... это Дуг?

— О, да, Кайден. — Слышится какая-то возня на заднем плане, а потом неизвестные голоса. Но затем наступает тишина. — У тебя все хорошо?

— Да, возможно, нет. — Я борюсь, но, кажется, будто чьи-то руки обвиваются вокруг моей шеи. Но я мысленно прогоняю их прочь, закрывая глаза и представляя Келли. — Знаю что уже поздно, но мне нужно рассказать, что произошло той ночью.

Наступает молчание.

— Офис закрыт, но я могу встретиться с тобой в круглосуточной закусочной Ларри, примерно через полчаса.

Я глубоко вдыхаю, и холодный воздух посылает облегчение в легкие.

— Хорошо.

Мы отключаемся, и меня радует мысль, что я встаю на тропу своего выздоровления.

Закусочная не слишком далеко, и я решаю пойти туда, хотя продрог до костей и пальцы начали синеть. Я добираюсь туда раньше, чем Дуг и заказываю чашку кофе. Уже достаточно поздно, и внутри никого, кроме нескольких дальнобойщиков со смазкой на джинсах и повара с официанткой. Я выбираю дальний столик от них, стойки и кухни. Не хочу чтобы кто-то еще услышал то, что я собираюсь рассказать – будет очень трудно произнести слова вслух.

Я начинаю щелкать браслетом, желая чтобы Келли была здесь и держала меня за руку, как мы планировали, но знаю, что лучше это сделать в одиночестве и уберечь ее от этого беспорядка. Официантка приносит мне кофе, когда раздается звон колокольчиков на входной двери. Ледяной ветер проскальзывает через двери, когда Дуг заходит внутрь, но так и надо. Отчасти это делает происходящее реальным и заставляет меня ощутить все.

Я кладу руки на стол, и когда он возвышается надо мной, то ногти впиваются в кожу и плечи напрягаются. На нем куртка и джинсы, а еще шапка. Это немного не характерно для него, потому что я привык видеть его в костюмах, но с другой стороны сейчас одиннадцать вечера, ночь.

— Здравствуй, Кайдэн, — говорит уставшим голосом, садясь напротив меня и снимая шапку. От этого его тонкие волосы встают дыбом.

— Мне очень жаль, что разбудил вас, — отвечаю ему, делая глоток кофе, чувствуя, как кипяток достигает живота. — Я переживал, что если не позвоню... то отступлю или еще что-нибудь в этом роде.

— Я рад что ты разбудил меня, — произносит он и вынимает руки из рукавов куртки. — Такие вещи лучше не откладывать.

Интересно, что он скажет, когда я расскажу ему обо всем. Я ставлю чашку и складываю руки на столе, снова прижимая ногти к коже.

— Вы были правы, — тороплюсь признаться: говорю быстрее, прежде чем струшу. Мои ногти проникают глубже в кожу и разрывают ее. Кровь начинает проступать.

— В чем? — спрашивает он, но думаю, он сам знает. Его глаза смотря на кровь на руках, но он ничего не говорит.

Я расслабляю пальцы, после которых остаются кровавые полумесяцы.

— В том, что произошло в тот вечер.

Он скрещивает руки на столе.

— Не помню чтобы говорил что-то о той ночи.

— Да, но вы... вы думали что мой отец... — Боже, как же это чертовски трудно. Почему это так сложно? Мой отец – чертов мудака. Он бил меня все эти годы. Просто скажи это. — Он тот, кто причинил мне боль той ночью. Ну, я имею в виду что тоже навредил себе, но и он... — Я звучу как ничтожество. Снова сжимаю пальцы, впиваясь в кожу. Каждая частичка моего тела хочет сбежать, остаться в одиночестве, найти что-нибудь острое и с кровью вытеснить боль. Но я постоянно напоминаю себе: Келли, Келли, Келли. — Он ударил меня. Вот откуда порез на боку. Он был зол из-за драки с Калемом и должен был забрать меня из полиции, и все об этом знали. Поэтому он отвез меня домой и начал бить, сильно. Но я ответил ему, чего не делал никогда прежде. И затем все вышло из-под контроля. Мы обронили несколько ножей, и следующее что я помню, как он ударил меня. Даже не уверен, сделал он это сознательно или случайно. — Слова выливаются из меня, словно кровь, с каждым вздохом мои легкие становятся шире и сильнее. Я чувствую себя свободным, впервые в жизни. Свободен от детства. От шрамов, От порезов, ушибов, бритвы и боли.

К тому моменту как я заканчиваю рассказ, то перестаю сжимать кулаки и вытягиваю пальцы. Жду что скажет Дуг, но вместо этого он останавливает официантку – женщина средних лет со светлыми волосами, заплетенными на затылке. Она одета в ярко-голубое платье и белый передничек. В ее руке ручка и блокнот для заказов.

— Чем я могу помочь двум симпатичным джентльменам? — спрашивает она, держа блокнот и ручку.

— Мне немного блинов, тост с клубничным джемом и большой стакан молока, — отвечает Дуг и смотрит на меня с улыбкой. — Кайден, давай, заказывай все что хочешь. И удостоверься, что этого хватит на следующие несколько часов.

— Следующие несколько часов? — сомневаюсь я. — Это действительно необходимо?

Он кивает.

— Да, я хочу, чтобы ты рассказал мне, что произошло.

— Все? — это непостижимая, недостижимая затея для меня. — Что вы хотите? Чтобы я вывалил мою чертову душу и сердце для вас?

Официантка хмурится из-за моей речи, а еще, очевидно, от того что разговор пошел в странном направлении. Интересно, кем она нас считает. И зачем мы здесь. Мне это вроде как тоже интересно.

— Все. Я хочу, чтобы ты начал с начала, — говорит он и кладет меню передо мной, придавив его пальцем.

Я заказываю большую стопку блинов, бекон и тосты, официантка улыбается, прежде чем уйти. Я ничего не говорю, взяв с солонкой и перечницей, чтобы снова не карябать кожу. Я продолжаю ждать что Дуг заговорит, но он просто сидит тихо, смотря на телевизор за моим плечом.

Тишина, в конечном счете, разрывает моя сознание, и я смотрю на трещины на столе.

— Как далеко вы хотите, чтобы я вернулся?

— К тому моменту, когда отец впервые ударил тебя, — отвечает он спокойно, отведя взгляд от телевизора на меня.

Мои легкие расширяются, когда я вдыхаю, готовя себя к разговору.

— Это было примерно пятнадцать лет назад. Вы точно хотите, чтобы я прошел от начала до конца?

На его лице утешительная улыбка. Такую я не видел ни у одного взрослого, которого знал.

— Я хочу, чтобы ты рассказал мне все. Не стесняйся. Выпусти это все.

Я открываю рот, знаю, что когда выпущу это – все изменится. И я молю Бога, чтобы это были хорошие изменения.

Келли

Мы с Сетом готовимся ко сну, практически не разговаривая друг с другом, а Люк вышел покурить и наполнить ведро для льда. Прошло около часа, с того момента как Кайден ушел, и я не могу перестать думать о нем, о том что он делает, на самом ли деле разговаривает с доктором, как и говорил, и если это правда, то все ли с ним хорошо.

Сет выходит из ванны, когда я забираюсь под покрывало. Нам нем зеленые или даже темно-синие пижамные штаны и белая футболка, а во рту зубная щетка.

Секунду он просто наблюдает за мной.

— Я позвонил Грейсону, — произносит он невнятно из-за того что рот полон зубной пасты.

Я вбиваю подушку, а затем перебираюсь на свою сторону.

— Вы все решили? — Под одеялом скрещиваю пальцы, надеясь, что так оно и есть.

Он кивает и возвращается в ванную, чтобы выплюнуть зубную пасту. Споласкивает зубную щетку, кладет ее на подставку, а затем укладывается на нашу постель. Он перекачивается на свою сторону, включает телевизор и выключает светильник.

— Сказал что люблю его, — говорит он невнятно, и у меня уходит меньше минуты, чтобы осознать его слова.

— Ты любишь его? Ты никогда не говорил мне об этом.

— Да. Очень.

Я распрямляю пальцы.

— И что же он ответил?

— «Я тоже тебя люблю», — отвечает он, и я чувствую радость в его голосе. Он счастлив – это делает и меня счастливой, даже в сложившихся обстоятельствах.

Я немного завидую ему, из-за того что он в состоянии сказать правду и раскрыться кому-то полностью.

— Сет...я очень рада за тебя.

Сет смеется.

— И я тоже за себя рад.

Позже Люк возвращается в номер и ложится в постель. Это вызывает у меня чувство неловкости – спать с ним в одной комнате, но все не так плохо, как мне показалось в грузовике на обратной дороге, когда они разговаривали о съеме одного номера и разделении платы на четверых.

Я еще ворочусь час или около того. Часы светятся в темноте, и снежинки начинают стучать по окну. Я слышу громкое дыхание Сета, я вообще всё слышу. Практически час ночи, и я решаю, что пора встретиться лицом к лицу с одним из моих страхов. Даже не знаю, что привело меня к такому решению. Может быть, это все храбрость Сета или может это то, что действительно мне нужно, чтобы избавиться от тяжести в груди. Я и так слишком многое в нем хранила и, возможно, пришло время облегчить его.

Я собираюсь рассказать Кайдену о своих чувствах. Потому что он имеет право знать, что кто-то любит его, даже если это не взаимно. Я беру мобильный и ноутбук с тумбочки и на цыпочках пересекаю комнату. Щелкаю свет, закрывая за собой дверь, и набираю его номер, открывая письмо на ноутбуке. Меня сразу перекидывает на голосовую почту, потому что я уже звонила ему несколько раз до этого. Я глубоко вдыхаю и начинаю читать вслух то, что чувствую, выпуская правду и раскрывая себя, хотя это и пугает меня.

Возможно, если мне повезет, то это поможет мне добраться до следующего шага в свое будущее.

Кайден

Мы с Дугом до сих пор сидим в закуской, а солнце уже начинает подниматься из-за снежных гор. Официантка начинает задерживать шторы на окнах, когда солнечные лучи проникают в помещение. Она выключает неоновые вывески как внутри, так и снаружи, готовясь к утру.

Я сижу напротив Дуга, заканчивая длинную историю и готовясь покинуть комфортный столик. Я о многом не рассказал ему, особенно о самых темных временах, что заперты далеко в голове, о которых не позволяю себе думать. Дуг сказал что это хорошо и у меня есть время. Это сбивает с толку. Я по-настоящему никогда не думал о своем времени. Я делал вещи изо дня в день и жил жизнью, которой хотел отец. На

середине разговора я рассказал ему, как отец душил меня пока я не начал плакать и не упал в обморок.

Он сделал это из-за того что я потерял пульт. После многочасовых поисков я, наконец, сдался. А я никогда не должен сдаваться. Я даже не боролся с ним. Он начал кричать, а я просто смотрел на него, казалось, что это злило его еще больше. Его лицо было ярко-красным, он ругался и затем набросился на меня. А я просто стоял там, когда он накинулся на меня и обернул руки вокруг моей шеи.

Помню, как смотрел на него и думал: «Пожалуйста, просто убей меня, чтобы это быстрее закончилось». И когда я очнулся от забвения, то почувствовал разочарование.

— Так что же дальше? — Спрашиваю я, пытаюсь вытереть глаза рукавами как можно более незаметно, после того как Дуг оплачивает счет.

Он кладет бумажник обратно в куртку и отодвигает пустые тарелки в сторону.

— Все зависит только от тебя.

Я кладу вилку с ложкой в тарелку и смотрю на заживающие полумесяцы с засохшей кровью на руках. — Тот доктор в Ларами, ваш знакомый, он... он такой же понимающий как и вы? — Мне не нравится идея открыться кому-то еще.

— Он, может быть, даже лучше. — Дуг улыбается. — Но Кайден, ты можешь позвонить мне, когда захочешь. И обязательно приходи на встречу на следующей неделе.

Я киваю, двигаясь к краю стола.

— Хорошо.

Дуг бросает несколько слов.

— Кайден, я чувствую, что должен сказать тебе кое-что... о твоём отце.

Я вздрагиваю. За последние несколько часов я рассказал много страшных вещей об отце, и хотя желаю чтобы это было не так, но чувство вины и предательства лежат глубоко внутри. Может быть, в один прекрасный день они покинут меня.

— Что?

Ему требуется время для ответа.

— Думаю, тебе стоит задуматься о том, чтобы предъявить против него обвинения. То, что он сделал с тобой в ту ночь... ты много чего сможешь сделать ему.

Я качаю головой.

— Не могу... тем более меня самого могут прижать по обвинению.

— Ты не должен делать это сейчас, — уверяет он меня. — Есть долгий временной период для таких вещей... Возможно это то, о чем мы поговорим на следующей неделе. Если ты будешь в состоянии. Но в этом весь ключ. Я не хочу давить на тебя, пока ты не будешь готов.

Обвинения против отца? Я хочу. Идея избавиться от него очень привлекательна. Но каждое зернышко страха, что было внутри меня — пускает корни.

— Ладно, мы поговорим об этом на следующей неделе.

Он кивает, а потом встает из-за стола. Я следую за ним на улицу, застегивая куртку и накидывая капюшон на голову. Закидываю ремень сумки на плечо, пока он садится в машину и уезжает. Я стою под навесом закуской, смотря на восход солнца и небо, переходящее к яркому розовато-оранжевому цвету. Это ослепительно, но я не могу оторваться. Я смотрю до тех пор, пока глаза не застилает пятнами, а затем засовываю руку

в карман за телефоном, чтобы позвонить Люку, подумав, что поездка в машине будет лучше морозной прогулки. Я включаю телефон и ощущаю себя полной задницей. Келли звонила и писала много раз, спрашивая все ли со мной хорошо. Меня не было всю ночь и она, скорее всего, переживала.

Моя голосовая почта мигает и я захожу в нее, задерживая дыхание и боясь того, что она скажет, что все кончено, и, понимая, что не хочу этого. Ощущения усиливаются при звуке ее голоса.

Кайден...

Сет подумал, что было бы хорошей идеей для меня написать о своих чувствах, и пожалуйста, пожалуйста, имей в виду что я написала это перед поездкой на пляж, хотя уверена, что все еще чувствую тоже самое.

Она делает глубокий вздох, и, кажется, вот-вот заплачет.

Прежде чем я встретила тебя, со мной творилась такая путаница. Несмотря на то, что Сет вытащил меня из собственной раковины, я все еще чувствовала себя такой мерзкой и внутри и снаружи...такой разбитой...такой постыдной. Иногда боль была такой сильной, что я не могла с ней справиться и это одна из причин, почему заставляла себя рвать. Одна из причин, почему обрезала волосы в шестом классе. Почему носила мешковатую одежду так долго. Почему хождение в толпе вызывал приступы паники. Почему ненавидела прикосновения. Это была основная причина того, что я делала. И так было все время... Иногда я просто хотела отдохнуть от всего этого, но каждый раз смотря вперед, надеясь увидеть просвет, казалось, что этого никогда не случится. Я правда думала, что так будет вечно, и временами это заставляло меня желать, чтобы вечность оказалось короткой.

Она делает еще один глубокий вздох, и ее голос надламывается.

Я правда думала об этом несколько раз, но это не заходило дальше размышлений. Я рада, что ничего не сделала, даже не смотря на все безобразие и тяжесть приступов паники – это стоило страданий, потому что я получила тебя... Ты спас меня от жизни в отращении к себе и пыток. Ты спас меня от самой себя, от моего прошлого, от болезненного одинокого будущего на которое я настраивала себя. И я думала, что все будет хорошо. Но потом я нашла тебя на полу...в ту ночь...и поняла, насколько ты был сломлен и что тебе тоже нужно спасение. Не только от ран, но и от боли, знаю, что ты заперт в ловушке внутри себя.

Я поняла. На самом деле. И сделаю все, чтобы помочь тебе. Ты просто должен позволить это мне. И я хочу, чтобы ты разрешил помочь, потому что ты мне нужен. Я не могу... Не могу...

Она начинает плакать, и это заставляет мои глаза наполниться влагой. Люди заходят в кафе, а я стою под навесом и плачу, блядь, как малыш. Но это неважно. Слезы, боль, прошлое, ничто из этого. Это просто вещи, что сидят внутри меня, как шрамы на моем теле. Они, конечно, всегда будут там, напоминать, что я пережил, но это не значит, что мне придется сдерживать боль. Шрамы бледнеют и становятся отметинам на коже. Изначально их там не было, и хотя они изменяются – я не меняюсь.

Она тихонько плачет и шмыгает носом, прежде чем заговорить снова.

Я не могу сделать это без тебя. Я...я люблю тебя, Кайден. И я не ожидаю от тебя того же в ответ. Я ничего не жду. Просто хочу, чтобы ты знал, потому что имеешь право знать и заслуживаешь быть любимым.

Становится тихо. На мгновения я слышу ее дыхание, прежде чем она отключается. Ее слова эхом отзывается в моей голове. Словно она знает. Знает, что никто и никогда

прежде не говорил мне этого, за исключением Дейзи, но это было не то же самое. Это была фальшь, и легко было ответить, потому что это были просто слова для нас обоих. Келли имеет значение. Я могу сказать это по выступившим слезам.

Не знаю, что мне делать. Сердце колотится в груди, пока смотрю вокруг на людей, садящихся в автомобили и завтракающих в кафе. Я знаю что хочу сделать. Хочу отключить его, заставить расслабиться, убежать от чувств, что наступают на пятки.

Я встаю, убирая телефон в задний карман, и выхожу на дорогу, в то время как ветер начинает подниматься. Снежинки падает на тротуар и дорогу, но я уворачиваюсь от них, двигаясь вперед, не зная, куда иду. И это нормально. Иногда самые лучшие вещи те, которые не планируешь, решения – принятые в одно мгновение.

Глава 17.

#1 Преодолеть свой худший страх

Келли

— От него до сих пор никаких вестей? — спрашивает Сет, валяясь на кровати с пультом в руках и постоянно переключая каналы. Кайдена не было всю ночь, я ужасно беспокоюсь о нем. Пару раз отправляла ему смс, но он не ответил. Парни уверяют меня, что все в порядке, вот только Люк ушел рано утром, якобы за кофе, а мне кажется, он отправился на поиски Кайдена. По крайней мере, я на это надеюсь.

Положив расческу на стойку, отрицательно качаю головой.

— Нет, пока ничего.

Интересно, слышал ли он сообщение, оставленное мной в его голосовой почте, слышал ли, как я излила свое сердце и душу. Если да, то Кайдэн, скорее всего, расстроен, или зол, или даже напуган. Но мне нужно было высказаться. Больше никаких секретов. Я люблю его, и он должен об этом знать.

Я оставляю волосы распущенными и иду обратно в комнату. Добравшись до кровати, падаю на живот, потягиваюсь.

— Мне нужен кофеин, — говорю, зевая. — Я не выспалась.

Сет отбрасывает пульт в сторону.

— Может, причина в том, что ты полночи разговаривала с голосовой почтой.

Я приподнимаюсь на локтях.

— Ты слышал?

Он кивает.

— Я также слышал, как ты плакала. — Наклонившись, Сет откидывает волосы с моего лица. — Хочешь поговорить об этом?

Покачивая головой, переворачиваюсь на бок.

— Не очень. Я, можно сказать, выговорила на эту тему вчера.

Сет вскидывает бровь.

— Выговорила автоответчику.

Я киваю.

— Кайдэн прослушает сообщение, а это самое главное.

— И что потом?

— Потом он услышит.

Он ждет пояснений.

— И...

Обвожу пальцем цветочный узор на выцветшей простыни.

— И ничего... Я призналась ему не потому, что жду чего-то в ответ. Просто хотела, чтобы Кайден знал о моих чувствах к нему... Он этого заслуживает.

Сет сжимает губы, размышляя.

— Ты сказала, что любишь его?

Я отрываю взгляд от постельного белья.

— Д...да.

— Келли, я... — В глазах Сета проскальзывает жалость. Ему кажется, что это плохо кончится.

Я сажусь, подобрав ноги под себя.

— Сет, обещаю, все будет нормально. Сам факт того, что я призналась Кайдену в любви, много для меня значит... Это значит, что я взрослею. Хотелось бы мне, чтобы он ответил взаимностью? Да. Но в любом случае я рада, что сказала.

Он улыбается одним уголком рта, затем проводит подушечкой пальца по кончику моего носа.

— Хорошо. — Сет тоже садится, свесив ноги с кровати. — Только, Келли, если он не ответит тем же, мне, как твоему лучшему другу и защитнику от злых парней, желающих тебя обидеть, придется надрать Кайдену задницу.

Я прыскаю со смеху и прикрываю рот ладонью.

— Ага, ладно.

Поднявшись, он упирает кулак одной руки в ладонь другой, щелкая костяшками.

— Я не шучу. Я сделаю ему больно, если он причинит боль тебе.

Смех срывается с губ, когда представляю эту картину – высокий, худющий Сет пытается побить Кайдена.

— Ну, спасибо, защитник. Я признательна, что ты готов сам получить по заднице.

Сморщив нос, Сет подхватывает подушку и кидает в меня. Я уклоняюсь, она пролетает у меня над головой, приземляясь в итоге на пол. Я начинаю над ним хохотать, держась за живот, и переворачиваюсь на спину.

— Черт, что тут смешного? — спрашивает он оскорбленным тоном, после чего закатывает рукава своей серой рубашки, играя мускулами. Я едва не умираю от смеха. — Что ж, я доволен, что смог тебя развеселить.

— Извини, — говорю, вытирая слезы. — Просто так забавно воображать подобную сцену.

Сет посылает мне суровый взгляд, который испаряется, потому что кто-то стучит в дверь.

— Ох, отлично, мой завтрак прибыл. — Взяв бумажник с прикроватной тумбочки, он идет открывать. — Если так забавно это воображать, значит перестань воображать. — Сет улыбается, хватая дверную ручку. — Ты ведь в курсе, что нам придется найти

решение дилеммы, связанной с отсутствием машины... — Открыв дверь, он замолкает; его челюсть отвисает чуть ли не до колен.

По ту сторону стоит Кайден, в тонкой куртке; низ его джинсов и ботинки мокрые, и грязные из-за слякоти. Во влажных волосах еще остались снежинки, которые растаяв, стекают каплями по прядям. Губы посинели, глаза красные, как будто он плакал, руки спрятаны в рукава.

— Нет, никакого завтрака для меня, — произносит Сет. — Думаю, это твой заказ.

Он шутит, но веселого тут мало. Кайден вернулся после долгого отсутствия; я сказала, что люблю его, потом рыдала в трубку, рассказывая свою историю. Не знаю, что это значит; не знаю, достаточно ли я стабильна, чтобы выяснить. Хочется верить, что мне хватит сил, что я перестала быть той слабой девочкой. Что я могу выдержать все.

Кайден проводит рукой по голове, взъерошивая волосы, сбрасывая снежинки на пол.

— Привет.

— Привет, — отвечает Сет, оглядываясь через плечо на меня.

Взгляд Кайдена остается на мне, его изумрудные глаза сияют в солнечном свете, проникающим снаружи. Светит солнце и падает снег – такое иногда случается, если облачность неплотная, что позволяет лучам пробиваться сквозь тучи.

Кайден опускает руку, а я просто смотрю на него, лежа на кровати, позволяя холоду проникнуть в мое тело. Я не пойму, слышал ли он мое сообщение, но надеюсь, что слышал.

— Эмм... — Сет кашляет в кулак. — Думаю, мне стоит сходить на ресепшн, выяснить, почему они так долго возятся с моей едой. — Он проскальзывает мимо Кайдена, оставляя дверь открытой настежь.

Кайден не двигается, продолжает рассматривать меня с напряженным, озадаченным выражением на лице, словно боится переступить через порог. Обстановка нагнетается, кирпичик за кирпичиком, пока мы глядим друг на друга, опасаясь шевельнуться, вздохнуть, заговорить первым.

Я сажусь, бриз развивает мои волосы.

— Ты можешь войти. — Мои слова едва не уносит с ветром, они разбивают выстроившуюся вокруг нас стену в пыль.

Не разрывая зрительного контакта, он медленно входит в комнату, закрывая за собой дверь. Поток воздуха иссякает. Шторы задернуты, поэтому вокруг практически темно.

— Я получил твое сообщение, — говорит Кайден, шокируя меня своей прямоотой.

— О... — Такое ощущение, что гортань сжимается. Я подгибаю колени, обнимаю подушку. — Кайден, где ты был всю ночь? Ты встречался со своим терапевтом?

Вздох срывается с его губ; он проводит рукой по волосам, переводя взгляд на стену у меня за спиной.

— Прости, но я не смог бы говорить с ним в твоём присутствии.

— Ты... ты рассказал ему про своего отца? — спрашиваю я. Он странно смотрит на меня, будто по-настоящему изучает. Не знаю, значит ли это, что он ему сказал, или нет. Я вообще понятия не имею, что все это значит. Встав с кровати, поднимаю голову, заглядывая ему в глаза. — Кайден, ты должен кому-нибудь рассказать... Я думала, мы... Я думала, мы заключили сделку.

Он слабо улыбается, затем переплетает свои пальцы с моими. Его руки такие же ледяные, как ветер на улице.

— Я рассказал. Просто не хотел, чтобы ты присутствовала там, пока я делился... отвлеченными подробностями.

Мои плечи дергаются, когда я вновь представляю его лежащим на полу.

— Но ты все равно рассказал? Правда?

Кайден кивает, тяжело сглатывая ком, наверняка вставший в его горле.

— Я не соврал в том смс. Я встретился со своим терапевтом и обо всем ему рассказал.

— И? — Не уверена, какой вопрос сейчас уместен, существует ли такой вообще. Складывается ощущение, что я должна лишь дать ему возможность поделиться тем, чем он захочет.

Вздыхнув, он прижимает руку к груди, растирает кожу над сердцем; беспокойные линии формируются у него на лбу.

— И мне, вроде как, полегчало.

Я внимательно всматриваюсь в черты лица Кайдена и замечаю, что его глаза кажутся чуть-чуть зеленее, плечи менее напряжены, словно тьма, которую он копил в себе, немного развеялась, просветлела.

— Что твой терапевт предложил делать дальше?

Кайден смотрит в никуда, кладя руку мне на щеку. Начинает наматывать прядь моих волос на палец, по-моему, даже не осознавая этого.

— Он посоветовал подумать по поводу выдвижения обвинений.

— Ты это сделаешь?

— Подумаю?

— Нет. Выдвинешь обвинения?

— Еще не решил, — бормочет Кайден. Он отпускает мои волосы, смотрит на меня с такой глубиной во взгляде. — Я хочу, но это тяжело. Мне нужно еще немного времени, — продолжает тихо, растерянно. — Мне бы действительно не помешала помощь... Очень хотелось бы, чтобы братья заняли мою сторону, тогда, по крайней мере, я не буду казаться очевидным лжецом.

— Может, они согласятся, — подбадриваю я. — Ты ведь сказал, что с ними он обращался так же? Возможно, они последуют твоему примеру и тоже захотят выступить против него.

Он качает головой, не прерывая нашего зрительного контакта.

— Нет. Тайлер — наркоман и алкоголик, мне сначала придется дождаться, пока он протрезвеет, а от Дилана ничего не было слышно уже целую вечность. То есть, он не общался ни с кем из семьи.

— Ты знаешь, где он живет? — спрашиваю, проводя пальцем по его покрасневшей коже под глазами. Он плакал. Я буквально чувствую высохшие слезы.

Кайден пожимает плечами, перемещает мою руку к своему рту и закрывает глаза, трепетно целуя ладонь.

— Я никогда не пробовал его найти. — Он наклоняет голову набок, вновь открыв глаза. — Хотя, может... стоит попытаться.

Я киваю, встаю на носочки и обвиваю руками его талию, не раздумывая.

— Ты должен. По крайней мере, мне кажется, что ты должен попробовать.

Он целует меня в макушку, вдыхает мой запах.

— Знаю. Ничего другого я от тебя и не ждал. — Кайден опять припадает губами к моим волосам, затем склоняет голову, целуя мой висок. Его деликатные поцелуи спускаются ниже по щеке, линии челюсти. Я вздрагиваю, поднимаю плечи, когда его дыхание невесомо касается моей шеи. Ее он тоже целует, пробуя кожу на вкус, легко прикусывая.

— Спасибо, — шепчет Кайден, не отстраняясь от меня, обхватив руками талию. Его пальцы давят мне в спину, притягивают меня ближе, выравнивая наши тела.

Я пытаюсь немного наклонить голову вбок, чтобы посмотреть на него, но он кладет одну руку мне на шею, удерживая меня на месте.

— За что? — Я вздыхаю, когда Кайден касается губами моей ключицы, осторожно скользит зубами по коже.

— За то, что сказала те слова. — Его голос звучит так беззащитно, пока он осыпает быстрыми поцелуями мое плечо. На мне майка и пижамные штаны; моя чувствительная кожа остро ощущает его ненасытные прикосновения.

— Это правда. — Последнее слово переходит в стон, потому что Кайден опускает одну из моих бретелек. Вторая рука проскальзывает мне под майку, на живот; холод его пальцев смешивается с теплом, исходящим от моего тела.

Он ведет меня к кровати. Когда мои икры упираются в ее край, Кайден приподнимает меня за талию и кладет на подушки. На мгновение он отстраняется, смотрит на меня, и я чувствую себя обнаженной под его пронизывающим взглядом. Но я не нервничаю. Я знаю, он не причинит мне вреда. А еще мне кажется, что в глубине души Кайден тоже меня любит, хоть и не может этого сказать.

Его губы приотворяются; я задерживаю дыхание в предвкушении.

— Ты такая красивая. И замечательная.

Щеки вспыхивают от комплимента Кайдена. Я упорно заглушаю мучительные воспоминания, связанные со словом "красивая", потому что Калев – единственный парень, который так меня называл.

— Кайден, нет. Я заурядная девушка, и меня это устраивает.

Качая головой, он проводит пальцем по изгибу моей шеи.

— Ты совершенно незаурядная, Келли.

Мне неловко от такой похвалы.

— Не такая уж я замечательная.

— Нет, ты великолепная, идеальная, заботливая, красивая.

Я едва заметно улыбаюсь.

— Ты тоже.

Кайден опускается на колени, заключая мои бедра между своих ног.

— Все то, что ты сказала по телефону... должно быть, было непросто говорить об этом.

Сжав губы, качаю головой.

— Оказалось, не так уж трудно, как я думала. — У Кайдена на лице словно маска, он выглядит озадаченно, пока пытается произнести то, чего так боится, поэтому я говорю вместо него. — Ты не обязан отвечать тем же. Я просто хотела, чтобы ты знал о моих чувствах.

Он пытается что-то сказать, но я поднимаюсь на локтях, хватаю его за футболку, притягиваю к себе и целую, чтобы ему пока не пришлось во всем этом разбираться. Кайден упирает руки в матрац, перенося свой вес на них, чтобы не придавить меня. Его язык уверенно проникает в мой рот. Я чувствую вкус сиропа, и блинов; от него пахнет кофе и снегом. Вдыхаю через нос, вбирая его аромат, не прерывая поцелуя. Кайден грубо прикусывает мою нижнюю губу, посылая опаляющую волну к центру моего живота. В его движениях чувствуется свобода: в том, как он меня целует, как сжимает мою грудь. Я счастлива, если счастлив Кайден, и в данный момент ничего другого мне не нужно.

Его губы отстраняются от моих, но прежде чем я успеваю возразить, он садится, хватая край моей футболки и срывает ее с меня; волосы спадают мне на плечи. Во взгляде Кайдена отчетливо заметно желание, отчего мое тело содрогается; он протягивает руку мне за спину, раскрывает застежку лифчика. Я замечаю коллекцию резиновых браслетов у него на запястье, гадая, не получил ли он их от своего терапевта.

Кайден видит, что я разглядываю их, и тоже переводит взгляд на браслеты. Просовывает палец под один, оттягивает, затем отпускает, после чего снова смотрит на меня.

— Они должны помочь мне излечиться.

Я киваю, глядя ему в глаза.

— Знаю.

Проходит мгновение, и он опять меня целует, накрывает своим сильным телом, прижимая к кровати. Разводит мои ноги коленом, скользит пальцами по внутренней поверхности бедра, практически доводя до безумия. Я открываюсь ему, поглаживаю кончиками пальцев по лопаткам, в то время как Кайден проводит языком по моей шее. Тихие стоны срываются с моих губ, тело выгибается навстречу ему, только внезапно он отстраняется.

— Не останавливайся, — молю я. Кайден немного наклоняет голову, глядя на меня. Я испытываю ужасный стыд оттого, что упрашиваю его. Сама себе удивляюсь. — Прости, — извиняюсь, смутившись.

— Не извиняйся, — отвечает он хрипло. Обхватив меня за талию, переворачивается вместе со мной на бок. Его рука проскальзывает под пояс моих штанов; он вводит в меня палец. Я не могу сдержать стон, прижимаясь ближе к Кайдену. Положив вторую руку мне на шею, он притягивает меня к себе, страстно целует, пока его пальцы двигаются во мне, и в итоге я выкрикиваю его имя.

Когда дымка наслаждения рассеивается, мне становится неловко за такой всплеск эмоций. Щеки заливаются румянцем; я знаю, Кайден это видит.

— Ты в курсе, что ты очаровательна, когда краснеешь? — спрашивает он, проводя пальцем по контуру моих влажных щек.

Я прикусываю губу.

— Извини, что так умоляла... и кричала.

Кайден качает головой, пряди его каштановых волос спадают на лоб.

— Не извиняйся, когда просишь меня о том, чего хочешь. Я дам тебе все, чего ты пожелаешь, Келли.

Все, чего пожелаю? Я хочу услышать, что он меня любит, но никогда не стану требовать этих слов от него. Поэтому, вместо разговоров, я делаю нечто совершенно для меня не характерное, чем шокирую нас обоих. Приподняв бедра, стягиваю свои пижамные штаны, потому что хочу почувствовать Кайдена внутри себя.

Он следит за моим малейшим движением с анималистическим блеском в глазах, которого я никогда не видела прежде. Уверена, каждый участок моей кожи пылает. Я снимаю трусики и ложусь рядом с Кайденом, который до сих пор полностью одет. Несмотря на румянец, это большой шаг для меня; сам факт подобного поступка говорит о том, что моя жизнь движется вперед. Он начинает водить пальцем по моей щеке, затем проводит линию по шее, после чего его теплые руки добираются до моей груди. Кайден не отводит от меня глаз все время, пока ласкает мой сосок. Мое дыхание сразу же учащается. Он переключается на другую грудь, после чего спускается ниже, прослеживая пальцами ребра, достигает изгиба талии. Мне щекотно, но в хорошем смысле. Жар между бедер становится практически невыносимым, приходится сжать ноги, чтобы сдержать ощущение.

Не прерывая зрительного контакта, держа меня за талию, Кайден переносит ногу через мои колени, заключая их между своих бедер. Свободной рукой тянется к вороту футболки и стягивает ее с себя. Теперь, когда обнажена не только я, мне становится лучше. Как только мои пальцы касаются точеных мышц его груди, руки Кайдена опускаются ниже по моему телу. Однако сейчас он не вводит палец внутрь, а поглаживает по внутренним поверхностям бедер.

Кайден продолжает смотреть мне в глаза, словно боится, что я запаникую, если он отвернется хоть на мгновение.

— Ты можешь сказать, если захочешь, чтобы я остановился. Ты же знаешь, да?

Я киваю.

— Знаю. Я тебе доверяю.

Улыбаясь, он ласкает меня большим пальцем, из-за чего мое тело начинает дрожать. Кайден продолжает поглаживать от бедра до колена, переключаясь с одной ноги на другую. Вверх и вниз, но так и не входит в меня, будто дразня. Это сводит с ума, до такой степени, что я, невзирая на смущение, не могу сдержать стонов мольбы и вздрагиваю каждый раз, когда он подбирается совсем близко, а потом опять отступает.

Наконец, Кайден убирает руку и смотрит, испепеляя взглядом, пока я пытаюсь отдышаться.

Не знаю, чего он от меня хочет, но больше не могу терпеть.

— Кайден, пожалуйста... пожалуйста, не останавливайся.

Очевидно, именно это ему было нужно, потому что его губы изгибаются в улыбке. Он расстегивает пуговицу на своих джинсах, не прекращая улыбаться, затем снимает их. Странно видеть его таким счастливым, но приятно. Раздевшись, Кайден возвращается на кровать, вновь накрывая мое тело своим.

Изучает мое лицо целую вечность, словно запоминая.

— Что? — спрашиваю застенчиво.

Он качает головой, по-прежнему разглядывая меня. Я беспокоюсь, что сейчас он опять начнет повторять, какая я красивая и замечательная, только уголки его губ приподнимаются.

— Просто думаю, что никогда бы не оказался здесь, если бы не ты.

Я поднимаю руку и провожу пальцем по линии его челюсти.

— Неправда. На самом деле я ничего особенного не сделала.

Кайден поворачивает голову, целуя мою ладонь.

— Сделала, — шепчет против моей кожи. — Ты спасала меня столько раз. Не только от избиения, или когда вызвала скорую, а потому что показала – тебе не безразлично. — Он пожимает плечами и отнимает рот от моей руки, явно смуглившись. — Ты показала мне, что я достоин заботы. — Кайден хмурит брови. — Но я хочу, чтобы ты знала – ты не обязана оставаться. У меня до сих пор осталась куча заморочек, с которыми мне еще предстоит справиться, к тому же, у тебя собственных проблем хватает. Не хочу взваливать на тебя еще и свои.

Я говорю первое, что приходит мне на ум.

— Кайден, я люблю тебя. — После чего прижимаю два пальца к его губам, чтобы он понял – ему не обязательно произносить эти слова в ответ. Дрожь в моем сердце соответствует моей дрожащей руке, когда я убираю ее ото рта Кайдена.

Его дыхание замирает, в глазах скапливаются слезы. Я тоже едва не плачу. Поразительно, как одно предложение – три простых слова, десять букв – способно обладать такой невероятной силой. В подобные моменты даже наше дыхание будоражит горе, агонию и счастье, которые мы оба похоронили глубоко в сердцах, под колоссальной болью.

Мы смотрим друг другу в глаза, и я думаю, может, той ночью у гостевого домика нас свело не простое совпадение. Может, меня туда привела судьба, чтобы я смогла спасти его, а он смог спасти меня. Чтобы в итоге мы оказались здесь, довольные, свободные, счастливые тому, что оба живы.

Кайден целует меня, я чувствую, как его слезы скатываются мне на щеки, смешиваясь с моими собственными слезами. Я раздвигаю ноги; не прерывая поцелуй, он входит в меня, медленно, в идеальном ритме. Запускаю пальцы в его мягкие, влажные волосы, потом касаюсь щек, чувствуя щетину, рельеф челюсти. Руки Кайдена также исследуют мое тело, дотрагиваясь до каждой частички; его ладони кажутся более грубыми по сравнению с моей кожей, но я наслаждаюсь каждым мгновением.

Запустив руку под колено, он приподнимает мою ногу, слегка склоняется, двигаясь во мне. Я возношусь все выше, быстрее, изо всех сил держась за его плечи. Кайден целует меня с такой страстью, с какой еще никогда не целовал. Прикусывает губы, покрывает поцелуями шею, сжимает грудь, до тех пор, пока меня изнутри не поглощает яростное пламя. Вскрикнув, я выгибаюсь ему навстречу, запрокидываю голову назад. Глубоко вздохнув, жду, когда он ко мне присоединится, после чего закрываю глаза, растворяясь в этом мгновении, отпуская свой второй крупнейший страх и готовясь встретиться лицом к лицу с первым.

Кайден

Выйдя из нее, я переворачиваюсь на спину, чувствуя, как в моей броне появляется все больше трещин. Как бы безумно ни звучало, я каким-то образом вновь становлюсь целым – или становлюсь целым впервые в жизни. Мне хочется жить дальше, взять себя в руки и помочь исцелиться Келли. Решив сделать первый крошечный шаг в этом направлении, поднимаюсь с постели. Она наблюдает, как я иду в другой конец комнаты, совершенно голый; ее щеки заливаются краской, вызывая у меня улыбку.

— Что ты делаешь? — спрашивает Келли, потом садится на кровати, прикрывая свое тело простыней.

Я расстегиваю сумку, которую бросил на пол у двери, роюсь в одежде, пока не найду то, что искал. Холодный металл давит мне на ладонь, когда я возвращаюсь к ней и ложусь рядом.

— Что у тебя в руке? — интересуется она, протягивая руку к моим пальцам.

Позволяю ей их разжать, затем наблюдаю за сменой выражения ее лица, после того как Келли видит кулон.

— Я нашел его, когда мы с Люком бродили по Сан-Диего. Он напомнил мне о тебе, — поясняю.

Она смотрит на меня из-под ресниц, закусив нижнюю губу.

— Почему?

Я поворачиваю кисть; цепочка свешивается с моих пальцев, на ней раскачивается кулон в виде четырехлистного клевера, сделанный из блестящего металла.

— Потому что ты принесла мне лишь удачу, Келли Лоуренс.

Келли тут же хмурится. Она притягивает колени к груди, обхватывает их руками.

— Я принесла тебе одни неприятности. Ты едва не погиб из-за меня.

Я качаю головой, после чего сажусь позади нее, откинув ее волосы на одно плечо.

— Каждая секунда, проведенная с тобой того стоила. К тому же, я в любом случае долго не протянул бы. — В шоке от услышанного, Келли пытается обернуться, но я обнимаю ее за плечи, не позволяя этого сделать. Ей лучше не смотреть на меня, пока я говорю. — До тебя существовала только боль, пустота; мне было все равно, жив я или мертв. Я просто существовал, держался на плаву, не утопая, но и не имея возможности дышать. А потом появилась ты, и я смог наконец-то вздохнуть. Без тебя я, скорее всего, продолжал бы наносить порезы до тех пор, пока однажды себя не прикончил.

— Но с тобой случилось столько плохого после моего появления в твоей жизни, — произносит она сдавленно.

— Все плохое происходило со мной в результате моих собственных решений, из-за проблем, которые существовали задолго до тебя. — Я прижимаю губы к впадинке за ее ухом. — Но ты показала мне то, чего я еще никогда не видел. — Целую край уха, отчего Келли вздрагивает, приподнимает плечо, касаясь моей щеки. — С тобой в моей жизни появилось что-то хорошее... Прежде у меня ничего хорошего не было. — Я целую ее в шею, шепча: — Ты показала мне, что это нормально – чувствовать и хорошее, и плохое. Просто мне понадобилось много времени, чтобы достичь баланса. — Прикусываю мочку, думая о том, как она открыла мне свое сердце и душу по телефону. Я хочу ответить тем же, дать ей знать, что чувствую то же самое, только слова никак не сходят с языка, поэтому я говорю другое: — Я хочу быть с тобой, Келли, больше всего на свете.

Она опускает голову на колени и начинает рыдать, ее тело содрогается. Я утягиваю ее за собой назад, облакачиваясь на спинку кровати. Слушаю, как она плачет. Ее всхлипы звучат в такт ударам моего сердца. Я чувствую, насколько сильно хочу Келли – насколько сильно в ней нуждаюсь. Чувствую, как много она для меня значит. Чувствую боль, которая сосуществует с моими чувствами к ней. Я чувствую, как сильно хочу провести бритвой по руке; ощутить, как расходится кожа; смотреть, как течет кровь; после чего чувствую, что не хочу этого делать из-за Келли. Чувствую, насколько сильно хочу жить и быть с ней.

Мое сердце открывается, и я чувствую все. Каждая эмоция, затаенная внутри, пронесется по венам: хорошее, плохое, боль, тоска, одиночество, счастье, нужда, осознание, что жизнь может предложить гораздо больше того, с чем я рос.

Впервые за время своего существования чувствую все это и говорю себе, что, в конечном итоге, я буду в порядке.

Келли

Я засыпаю в слезах, а когда просыпаюсь, ощущаю себя иначе. Кайден меня обнимает, заключив в свои руки, словно самую важную для него вещь в мире. Он тоже отсыпается после ошеломляющих событий сегодняшнего дня. У меня на шее кулон, подаренный им, потому что ему кажется, будто я приношу удачу. Сет до сих пор не вернулся, и это опять наводит меня на мысль – не установил ли он камеры слежения повсюду, потому что создается впечатление, словно ему известно, какую картину он застанет, если войдет в комнату.

Я чувствую себя легче, смелее. Мне хочется освободиться от единственного груза, который по-прежнему тянет меня вниз. Я хочу рассказать своей семье о Калебе, не только для того, чтобы они узнали, но и из-за желания освободить Кайдена от бремени, ведь он позволил отцу откупиться от Калеба.

Если расскажу родным, они встанут на мою сторону – и на сторону Кайдена, когда поймут, почему он избил его. По крайней мере, я на это надеюсь. Честно говоря, понятия не имею, чем все обернется. Возможно, они сокрушат меня, отказавшись поверить. Однако каким бы ни был результат, пришла пора столкнуться лицом к лицу с моим худшим страхом, положить конец его контролю надо мной. Может, тогда мы с Кайденом сможем спокойно жить дальше, вместе, и груз на наших плечах станет чуть легче.

Решаю проверить голосовую почту, но отбрасываю эту затею после пятого повторяющегося сообщения и переключаюсь на смс. Просматривая список входящих, обращаю внимание на одно. После многочисленных угроз, мать в итоге находит мое слабое место, хотя я не уверена, откуда ей вообще известно о его существовании.

Мама: Келли, я тебя вообще не узнаю. Ты сбегашь с этими мальчишками, от которых жди только беды. Я не позволю им тебя уничтожить, ни твой брат, ни Калеб этого тоже не позволят. Мы все приняли решение, что Калебу стоит выдвинуть обвинения. Тебе нужно вернуться домой и занять сторону семьи. Мы поддержим его.

Я роняю телефон, встаю с кровати. Надеваю джинсы, футболку с длинными рукавами, куртку. Пишу записку Кайдено и оставляю ее на подушке.

Пожалуйста, не беспокойся, когда проснешься, но я должна сказать им сама. Я знаю, ты поймешь. Скоро вернусь. Обещаю.

Люблю.

Келли.

Обувшись, тихо крадусь к двери, стараясь его не разбудить. Как бы мне ни хотелось, чтобы Кайден присутствовал при разговоре, держал меня за руку, был моей опорой, ему и без того сегодня досталось, поэтому я заставляю себя быть сильной в одиночку. К тому же, после подобного сообщения я знаю, что мама накинется на него, как только он переступит порог дома.

Я иду по улице, надеясь, что облака, в конце концов, развеются, пропустят солнечные лучи. *Ты сама во всем виновата, Келли. Именно так все подумают, если расскажешь кому-нибудь.* Я продолжаю идти, быстро и уверенно, шаг за шагом, пока не добираюсь до дома. *Тебе лучше помалкивать. Черт, клянусь Богу, ты пожалеешь, если расскажешь.* Подъездная дорожка расчищена от снега, пикап отца припаркован перед закрытым гаражом. Занавески не задернуты, порожки посыпаны химреагентом от гололеда. Шаг за шагом. Не останавливайся. Я открываю боковую дверь, стою в дверном проеме; шквал невыносимых воспоминаний поднимается в голове. *Пойдем со мной на*

секундочку, — говорит он. У меня есть для тебя подарок. И я, радостная, иду за ним вприпрыжку.

Мама отворачивается от раковины. У нее на плече кухонное полотенце; волосы собраны в пучок. Она не покрашена, одета в брюки и розовый свитер.

— Келли Лоуренс, — говорит мама, бросая полотенце на стойку, упирая руки в бока. — Где, черт возьми, ты пропадала?

Я оборачиваюсь к отцу, сидящему за столом в толстовке с эмблемой школы. Он ест яичницу с тостами, пьет сок; мой брат сидит рядом, переписывается по телефону.

— Мне нужно поговорить с тобой, — говорю папе неровным голосом. Не уверена, почему выбрала именно его, вот только мы отлично ладили, когда я была младше, и знаю, что он отреагирует более уравновешенно, чем мать. — Наедине.

Озадаченно взглянув на меня, папа опускает вилку и без возражений встает со стула.

— Хорошо, милая.

Положив сотовый на стол, брат бросает на меня сердитый взгляд.

— Ты даже не собираешься рассказать маме, где была? Она волновалась.

— Не важно, где я была, — отвечаю. — Важно только то, почему я здесь.

Он хмурится, потом качает головой, после чего возвращает свое внимание к телефону. Мама начинает кричать, что я обязана объяснить свое отсутствие. Меня удивляет, что она не следует за нами в гостиную. Я сажусь на диван, в последний раз мысленно себя подбадривая; отец – в свое потрепанное кожаное кресло напротив. Смотрю на расставленные по комнате фотографии нашей семьи, и даже Калеба.

— Весело было, правда? — я указываю на свое фото с папой – мы в футбольных футболках стоим перед стадионом, улыбаясь. Мне тут восемь, и я счастлива.

Он следует за моим жестом; улыбка трогает уголки его губ.

— Да, хороший выдался денек. — Папа снова смотрит на меня; у него на лбу появляется складка. — Милая, мы с твоей мамой очень переживали... из-за того, что произошло той ночью, а потом ты сбежала с парнями, которых едва знаешь.

— Эти парни мне как семья, пап, — честно отвечаю я. — Они очень поддержали меня в трудную минуту.

Папа тербит завязки на капюшоне своей толстовки, то затягивает, то ослабляет.

— Да, они всегда казались хорошими ребятами. — Он улыбается. — И на поле умели надрать всем задницы.

Мне сразу становится ясно, что я сделала правильный выбор, решив сначала рассказать ему. Отец не заостряет внимание на том, как Кайден избил Калеба, возможно потому, что немного глубже вник в ситуацию.

— Мне нужно тебе кое-что сказать. — Я прочищаю горло. — Будет довольно тяжело, не только говорить, но и выслушать.

— Ладно... — Он сбит с толку, не уверен, что вполне понятно.

Я делаю глубокий вдох. Еще один, и еще, до тех пор, пока не чувствую головокружение. Затем перестаю дышать вообще. *Тебе лучше помалкивать ко всем чертям, в противном случае, клянусь, я сделаю тебе очень больно.* Я сжимаю листок клевера, висящий у меня на шее, из-за потребности прикоснуться к частичке Кайдена, чтобы набраться сил и смелости.

— Ты помнишь мой двенадцатый день рождения?

Похоже, вопрос ставит его в тупик еще больше. Папа слегка склоняет голову набок, его голубые глаза немного сужаются, лоб морщится, пока он оценивающе глядит на меня.

— Да... для тебя тогда вечеринку устроили, верно?

Сжав губы, киваю.

— Пришло много гостей.

— Ты же знаешь, как твоя мать любит устраивать шоу, — он тяжело вздыхает. — Ей всегда нравились сборища и празднества.

Я опять киваю, после чего тороплюсь высказаться, пока пульс и мысли не заглушили голос.

— Нечто плохое случилось со мной... в тот день. — Мне вспоминается, как Калеб меня держал, отчего я начинаю дрожать. *Пожалуйста, слезь с меня. Больно. Я разбиваюсь. Пожалуйста. Помогите мне. Помогите мне. Помогите...*

Папа выпрямляется, сдвигается на край кресла, словно собирается кого-нибудь поколотить или вроде того. Хотя я не этого от него хочу. Я просто хочу, чтобы он знал.

— Пап, пожалуйста, не выходи из себя, когда я тебе это скажу. — Я тереблю край своей куртки, раскрываю молнию на кармане, закрываю обратно, потом возвращаю руку к клеверу. — Мне нужно, чтобы ты оставался спокойным.

Он сжимает руки в кулаки.

— Я постараюсь, но обещать не могу. Келли, милая, ты меня пугаешь.

— Прости. — Провожу рукой по лицу, опускаю свой капюшон, вспоминая, как чувствовала себя тогда. Мне бы хотелось быть невидимой. Хотелось прекратить существование. Я хочу умереть. В комнате становится немного светлее, потому что за окном солнце прорывается сквозь облачную завесу. Я сжимаю клевер, хватаюсь за чувство, данное Кайденом. — Меня изнасиловали. — Вот, сказала. Слова повисли в воздухе, чтобы папа смог их услышать. Будто лейкопластырь сорвала, приподнимая кожу, раны, все, потому что к такому не подготовишься.

Отец смотрит на меня целую вечность, тысячи эмоций сменяются у него на лице: гнев, ярость, досада, боль. Потом происходит то, чего я еще ни разу не видела. Он начинает плакать. Рыдает надрывно, держа голову в руках. Я не знаю, что делать, поэтому встаю, пересекаю комнату и обнимаю его.

Папа продолжает рыдать, а мои глаза остаются сухими. Я наплакалась вдоволь за последние несколько лет, с меня хватит.

~ ~ ~

Беседа с мамой проходит не так успешно, как с папой, особенно когда мне приходится сказать, кто это сделал.

— Нет, нет, нет, — произносит она, словно отрицание станет реальным, если повторить слово достаточное количество раз; постукивает ногой по полу, сидя в кресле перед окном. — Этого не было... Невозможно... — Только каждый раз, когда мама смотрит на меня, я знаю — она понимает, что это правда, и наверняка перебирает в памяти мельчайшие детали из моего прошлого: то, как я обрезала волосы, как начала постоянно прятаться у себя в комнате, как сменила гардероб на "лохмотья", выражалась ее языком. Мама явно думает о том, когда я практически перестала разговаривать со всеми. Когда перестала плакать. Когда перестала жить.

Мы в гостиной, сидим на диване. Отец рядом со мной, близко, словно думает, что по-прежнему может защитить меня от всех ужасов мира. Джексон ушел сразу после того, как я позвала папу поговорить, поэтому он еще не в курсе. Но я гадаю, что сделает мой брат, обо всем узнав – поверит ли мне или примет сторону своего лучшего друга.

— Возможно, — говорю я, удивляясь силе собственного голоса. — Ты вышла на улицу, гости играли в прятки. А он... Кaleb сказал мне, что у него есть подарок. Он отвел меня в мою комнату, и затем... затем это случилось.

Мама качает головой снова и снова, папа вновь начинает плакать.

— Должно быть, тут какая-то ошибка. Хоть бы это была ошибка.

— Нет, — просто отвечаю. — Это действительно случилось, и я вам рассказываю... Мне бы очень хотелось... Я бы очень, хотела, чтобы все оказалось ошибкой. Но желания – всего лишь желания, мам. Я знаю не понаслышке.

Она продолжает заправлять волосы за уши, разглаживать складки на своем свитере, будто ей отчаянно нужно что-то исправить.

— Почему ты не сказала нам сразу, Келли? Я не понимаю.

Не знаю, поймет ли она когда-либо. Моя мать ненавидит темные, отвратительные вещи, происходящие в мире. Ее защитный механизм – игнорировать их. А теперь я говорю, что эти темные, отвратительные вещи жили в ее доме, ели ее еду, улыбались ей, очаровывали ее, медленно убивая ее дочь.

— Из-за стыда... вины... страха, — я пытаюсь объяснить в меру своих возможностей, сосредоточившись на пульсе, ощущении металлического листка клевера, покоящегося у меня на шее. Сам факт того, что произнеся это вслух, сделала случившееся реальным.

— Проклятье! — папа ударяет кулаком по подлокотнику, потом по стене, заставив нас с мамой подпрыгнуть. Его глаза покраснели, а кожа бледная. — Я убью этого ублюдка!

— Нет, не убьешь, пап, — говорю я, качая головой, и дотрагиваюсь до его руки, чтобы успокоить. — Убив его, ты просто обеспечишь себе путь в тюрьму. Я не хочу, чтобы тебя посадили.

Его глаза заполняются слезами. Странное зрелище. Я наблюдаю, как слезы капают ему на колени, когда он говорит:

— Поэтому он избил его? Кайден?

Я киваю.

— Кайден хотел, чтобы Кaleb заплатил... за то, что сделал. И он... он не нашел другого способа.

Папа встает на ноги, возвышаясь надо мной. Он не такой уж крупный – среднего телосложения и роста – но сейчас кажется огромным. — Ох, он заплатит. Я позвоню в полицию.

Подскочив с дивана, я хватаю его за руку, крепко обхватывая пальцами за локоть.

— Ты не можешь... Полиция ничем не поможет... Прошло слишком много времени, пап.

Мама начинает рыдать, истерично всхлипывая, прикрыв лицо ладонями.

— Это так неправильно... Такого не могло случиться... О, Боже...

— Но это случилось, — отвечаю я. Она смотрит на меня сквозь слезы. — Извини, но такова правда.

— Как ты можешь быть настолько спокойна? — Ее голос срывается. — Я не понимаю.

— Я далеко не спокойна, — поправляю, отпуская руку отца. — Я просто... я всего лишь пытаюсь жить дальше. К тому же... — Сдвинув брови, понимаю, насколько сильной себя чувствую в данный момент. — Я была слабой слишком долго, и больше не хочу сокрушаться.

Мама достает телефон из кармана, начинает нажимать на клавиши.

— Абсурд. Этого не было. Нет, не может... этого не может...

— Мам, что ты делаешь? — спрашиваю я. Когда она не отвечает, мы с папой обмениваются вопросительными взглядами.

Он утирает слезы тыльными сторонами ладоней.

— Дорогая, думаю, переписки могут пока подождать.

Она мотает головой, нажимая клавишу в последний раз.

— Я прошу Джексона вернуться домой.

— Зачем? — спрашиваю настороженно.

— Потому что он тоже является частью этого... этого... этого... Я не знаю, чего. — Слезы текут по ее щекам, капают на брюки, оставляя мокрые разводы. Ее глаза припухли; если мама не перестанет плакать, то скоро не сможет видеть.

Я гляжу на отца.

— Ей не нужно плакать, пап... Пусть она перестанет.

Он хлопывает меня по руке в утешительном жесте.

— Она расстроена. — Его челюсть сжимается, он смотрит на меня. Интересно, что он видит. — Я тоже. Нет, я чертовски взбешен. Дерьмо. Все это время... под нашей крышей... — Папа продолжает невнятно бормотать, вены у него на шее вздуваются. Он ходит из угла в угол, а я стою перед диваном, наблюдая разворачивающееся передо мной безумие, словно рушащееся после взрыва здание.

Наконец, мама поднимается и идет к выходу с выражением, полным решимости.

— Довольно...

— Куда ты? — я следую за ней. — Мам?

Она промокает слезы краем свитера.

— Я должна что-нибудь сделать... Мне нужно как-то это исправить... Мне просто нужна еще минута.

Качая головой, я останавливаюсь перед ней, разводя руки в стороны.

— Ты не можешь ничего исправить, мам. Это случилось. Сейчас ты ничего не можешь сделать, лишь быть моей мамой.

Мама анализирует мое лицо несколько мгновений, затем снова начинает плакать, обняв меня. Я давным-давно не позволяла ей себя обнимать, поэтому стою неловко, уверяя, что все будет в порядке. Когда ее глаза высыхают, она садится обратно в кресло, прикрывает лицо руками, понуриив плечи. Отрицание и слезы продолжают до позднего вечера. Отец опять начинает орать, раз за разом повторяя, что Калебу не удастся избежать

наказания. Рыдания и гневные тирады ни к чему не приведут. Все останется по-прежнему: Калев меня изнасиловал, после чего шесть лет жил, успешно избегая наказания. Это ничто уже не изменит, даже после моего признания. Изменяюсь только я, необратимо изменится моя жизнь. Цепи, сковывающие мои запястья, сломаны, я наконец—то свободна.

Джексон так и не возвращается домой. Не знаю, что это значит. В итоге я поднимаюсь с дивана и ухожу, несмотря на протесты матери. Ей хочется, чтобы я осталась и позволила ей себя оплакивать, пока она во всем не разберется. Мама четко убеждена, что сможет неким образом аннулировать случившееся, но я не настолько наивна, чтобы верить в подобную вероятность. Помимо всего прочего, мне нужно быть в другом месте – хочется быть. Там, где я способна обрести счастье.

— Подожди, Келли, пожалуйста, не уходи, — умоляет мама, следуя за мной на кухню. — Мы можем остаться дома и еще раз все обсудить.

Качаю головой, направляясь к двери.

— Мам, я знаю, что тебе необходимо попытаться осмыслить то, о чем я рассказала. Только я уже нашла способ, помогающий с этим справиться, и он мне сейчас очень нужен. — Вообще-то, не просто нужен. Мне необходимо быть с ним.

Пока она продолжает качать головой, папа дает мне ключи от машины, чтобы не пришлось возвращаться пешком, сообщив напоследок, что все-таки позвонит в полицию, просто поставит их в известность. У него покраснели и припухли глаза, потрескались губы. Я отвечаю, что не возражаю, потому что именно это ему нужно услышать сейчас. Выйдя из дома, думаю, а что произойдет, если Калев вновь объявится, будет ли он с Джексоном, когда мама расскажет обо всем.

Как только за мной закрывается дверь, и я остаюсь наедине с собой, развожу руки в стороны, стоя на крыльце под светом фонарей. Небо чистое, звезды сияют на темном фоне. Что будет с моей жизнью дальше? Понятия не имею. Однако с нетерпением хочу выяснить, потому что впервые смотрю в свое будущее, а не в прошлое, и улыбаюсь бесконечным возможностям.

Глава 18.

#65 Смотреть на фейерверк с тем, кого любишь

Кайден

— Мне до сих пор жаль, что я не мог быть там с тобой. — Говорю я. Прошло пару дней, с тех пор, как Келли рассказала правду своим родителям и она, кажется, в порядке, сильнее, более увереннее. Но даже при этом, я рад, что она сделала это, хотел бы я оказаться там, поддержать ее, утешить, сделать все необходимое.

Мы сидим на капоте грузовика ее отца, который припаркован около озера. Чуть ниже проходит вечеринка в честь кануна Рождества и, я вижу костер сквозь деревья. Звезд не видно, небо слегка туманно, а полная Луна ярко светит. Температура ниже нуля, и машина покрыта инеем, но мы завернулись в плед, чтобы сохранить тепло наших тел.

— Я хотел бы быть там с тобой.

— Но я должна была сделать это одна, — произносит она, глядя на небо. — К тому же, все это уже закончилось и, я готова двигаться дальше.

Когда проснулся в номере отеля один, то почти начал паниковать и, чувства приумножились, когда я прочитал ее записку. Она поехала домой, чтобы рассказать то, что с ней случилось. Факт того, что Келли стоит там и рассказывает все им, одна – убивает меня. Я хотел быть с ней в этот момент, помочь ей, успокоить, но, думаю, я

понимаю, почему она захотела сделать это одна. Думаю, Сет всегда был прав. Она намного сильнее, чем кажется.

— Как ты себя чувствуешь? — спрашиваю я, обхватывая ее талию руками, когда она прижимается щекой к моей груди. Вдыхаю запах ее волос — клубника и что-то еще, присущее только Кэлли.

Обдумывает мой вопрос в тишине.

— Невесомой.

Я улыбаюсь.

— Я тоже. — У меня была встреча в понедельник с Дугом, и я чувствую себя легче, чем после встречи в кафе. Интересно, насколько легче я буду чувствовать себя в будущем, после большего количества терапий.

— Еще столько много вещей с которыми надо разобраться, — добавляет она, поворачивая голову так, чтобы можно было смотреть на меня. — И я переживаю, как отреагирует Калев, когда узнает, что правда всплыла.

Мои мышцы начинают бугриться от напряжения.

— Он больше не навредит тебе. Я не позволю ему.

— Я знаю, что не позволишь, — шепчет она, удивляя меня тем, как сильно доверяет мне. Кэлли прижимается лицом к моему плечу и ее теплое дыхание проникает через мое пальто.

— Я думаю... думаю нам следует попытаться найти твоего брата.

— Дилона? — Опускаю подбородок, чтобы посмотреть на нее. — Зачем?

Она поднимает лицо и ее губы находятся достаточно близко к моим, и ощущение ее дыхания успокаивает.

— Потому что, думаю, это поможет тебе с отцом... когда ты решишь выдвинуть обвинения.

Я пытаюсь контролировать свое дыхание, когда думаю о том, как все будет. Что если он разозлится? Что если ничего не произойдет, и он поймает меня и сделает больно? Что если он убьет меня? Мысли о смерти больше не выход из положения, и это пугает меня.

— Не уверен, что смогу.

Она вдыхает и выдыхает через рот.

— Да, ты сможешь... я знаю, что сможешь.

Не уверен, должна ли она быть так уверена в моей уверенности.

— А что если я не буду его разыскивать? Будешь ли ты... — Я затихаю, сжимая и разжимая кулаки, встряхивая ими. — Будешь ли ты все еще любить меня?

Она опускает голову обратно на мою грудь и поворачиваясь спиной.

— Я всегда буду любить тебя.

Я вздыхаю от звука слов и ее голоса, пытаюсь остановить слезы, которые появляются с всепоглощающим чувством, которое проходит по всему моему телу. Я бы хотел сказать ей тоже самое. Я даже открыл рот, но не произнес ни звука.

— Я хочу сказать тебе это. — Говорю я быстро.

Она качает головой.

— Не нужно. Скажи это, когда ты действительно будешь иметь именно это в виду.
— Она скользит ладонями по моей груди, затем переплетает наши пальцы на уровне моего живота.

Мы лежим под звездами, облачка пара вырываются из наших ртов, слушая звуки смеха и музыки с вечеринки. Минутой позже, небо вспыхивает взрывами цветов. Каждый год этот город устраивает грандиозное шоу из фейерверков на озере. Когда я был ребенком, то смотрел его, задаваясь вопросом, какого черта это было таким большим делом? Огонь в небе. Окей. Я не понимал этого. Но сейчас, лежа с ней в моих объятьях, это начинает иметь смысл. Свобода. Вещи начинают иметь смысл.

— С Новым годом, — шепчу я, в то время, как искры сыплются над озером.

Келли

У меня сейчас тот самый момент. У меня было много таких моментов. Такой момент в котором все соединяется: кусочки встают на место, звезды сияют, сердца бьются ритмично. Все идеально, хотя я ни в коем случае не верю, что это продлится долго, но я всегда буду лелеять этот момент.

— С Новым годом, — шепчет Кайдэн, выдыхая, когда фейерверк грохочет и ниспадает к воде вокруг нас.

— С Новым годом, — повторяю я, хотя я уверена, что он просто думал вслух. Мой подбородок упирается в его грудь, пока взрывается фейерверк. — И что же ты решил?

Он обводит мои губы по контуру, обдумывая мой вопрос. Одну руку подкладывает под голову, а другая покоится в моей.

— Не думать о прошлом.

— Прекрасное решение. — Говорю я сквозь улыбку. — Могу я поступить так же?

С усмешкой на губах он вытаскивает руку из-под головы и держит кулак перед собой.

— Забей на это.

Я сдерживаю хихиканье, когда поднимаю свою руку, чтобы ударить кулаком по его, но он в последнюю секунду замирает и, я хмурюсь.

— Что случилось?

Он кусает свою губу, когда садиться, и моя голова съезжает ему на колени. В его глазах отражается все краски фейерверка, он поднимает меня и давит на плечи, пока я не ложусь на лобовое стекло. Мороз пощипывает кожу в том месте, где задралась рубашка, но я не двигаюсь, в то время, как он нависает надо мной, опираясь обеими руками по разным сторонам от моей головы. Он приближает свой рот к моему, я в ожидании, когда он меня поцелует, но прямо, когда наши губы вот-вот соединятся, он медлит.

— Это мило, правда? — спрашивает он, и я киваю, борясь с желанием схватить его за рубашку и притянуть к себе. — Мы должны сделать это традицией.

В моем животе начинает трепетать тысячи бабочек, когда я думаю о том, чтобы провести с ним весь этот год.

— Хорошая идея, — выдыхаю я, скрешивая лодыжки вместе, пытаюсь сдержать нервную энергию, созданную искрами между нашими телами.

— Мы же будем вместе весь следующий год? — проверяет он, и я киваю без раздумий. Я знаю, чего хочу, и не боюсь сказать это. Больше никакой жизни в страхе.

— Хорошо, — говорит он, и затем тянется к моим губам, шепча. — Спасибо, что спасла меня.

— Взаимно, — отвечаю я, и в эту же секунду его губы накрывают мои.

Фейерверк взрывается и гремит над нашими головами, яркий и красочный в темном небе, но я ни о чем не думаю кроме него.

Глава 19.

#11 Попроцаться и двигаться дальше

Келли

Следующие две недели бедны на события. Путешествие, исцеление, признания измотали нас с Кайденом, поэтому остаток зимних каникул мы избегаем наши дома, как можно больше времени проводя в гостиничном номере, кафе или рестораниках. Сет с Люком часто составляют нам компанию. Выпало довольно много снега, но воздух кажется теплым. Мама звонит мне каждый день, утром и вечером. Поначалу я не говорила ей, где живу – не хотела, чтобы она меня нашла, но, в конечном счете, созналась, что остановилась в гостинице с Кайденом и Сетом.

Она этому не очень рада, только мне уже почти девятнадцать, о чем я ей напоминаю.

— Келли Лоуренс, — говорит мама после моего признания. Я сижу на кровати, в шортах и футболке; Кайден лежит позади, рисует пальцами узоры у меня на пояснице. Время от времени он щекочет особо чувствительные участки, отчего я хихикаю. — Это не смешно, — упрекает она сердитым тоном.

Закрываю рот ладонью, чтобы приглушить свой безудержный смех. Успокоившись, опускаю руку на колени.

— Я знаю, мам.

— Тебе нужно вернуться домой... Мы должны поговорить о случившемся. — Мама вздыхает. — Келли, полицейские сказали, что ничего не могут сделать, но даже если бы и могли, Калеб... он... Никто до сих пор не знает, где он. Джексон думает, он сбежал.

— Я и без того знала, что полиция уже бессильна, — отвечаю, ложась рядом с Кайденом. Он в одних боксерах, без рубашки. Когда Кайден меня обнимает, от прочности и теплоты его груди мне сразу же становится спокойней. — И я не удивлена поступку Калеба.

— Но... — Она раздражена; я слышу, как что-то падает на пол. — Черт, — вырывается у мамы – в последнее время она гораздо чаще использует бранные слова. — Я разбила эту проклятую кружку.

— Извини, — говорю, прогибая спину, потому что Кайден рисует сердечки у меня на позвоночнике; его рука поднимается выше, к пространству между лопатками.

— Тебе не за что извиняться, милая, — отвечает мама, вздыхая. — Это всего лишь кружка.

Хоть мы никогда особо не ладили, стоит отдать ей должное, насколько хорошо она справляется со сложившейся ситуацией. После изначального эмоционального срыва мама стала плакать реже и ни разу не возложила вину на меня. Периодически, когда мысленно возвращаюсь в день своего двенадцатилетия, голову заполняют бесконечные вопросы. А что, если бы я все рассказала ей сразу? Что, если бы мне не пришлось страдать молча в течение шести лет? Что, если бы моя жизнь сложилась иначе? Но я сразу же отбрасываю

подобные мысли. Неважно, как все могло получиться. Невозможно вернуться в прошлое и что-то изменить, однако я могу двигаться вперед, создать для себя жизнь, которую хочу.

— Келли, ты меня слышала? — спрашивает мама недовольным тоном.

Я моргаю, прерывая свои размышления.

— Да... нет... а?

Кайден прыскает со смеху у меня за спиной, поглаживая пальцем вдоль моего позвоночника.

— Тебе точно грозят серьезные неприятности, — произносит он глупым, писклявым тоном.

Тянусь назад и щипаю его за руку. Кайден смеется еще громче.

— Что, мам?

Она устало вздыхает.

— Я спросила, не подумала ли ты о том, чтобы обратиться к моей знакомой, психотерапевту из Ларами, когда вернешься в колледж? Мне кажется, это пошло бы тебе на пользу.

— Я не уверена... Меня беспокоит, что может всколыхнуть подобный разговор.

— Келли, я думаю, это важно... после всего, что ты мне рассказала... Мне кажется, тебе необходима помощь. На самом деле, я бы очень хотела, чтобы ты просто осталась дома, с нами, и взяла академический отпуск на семестр.

— Мне нужно вернуться в колледж. Я должна жить дальше.

Мама делает продолжительную паузу.

— Тогда, пожалуйста, хотя бы обратись к терапевту... — Она вот-вот расплчется. — Мне необходимо знать, что ты в порядке.

Я гляжу через плечо на Кайдена.

— Я в порядке, мам. Но если ты действительно этого хочешь, я пойду к терапевту.

— Хорошо. — В ее голосе слышится облегчение. — И еще, звони мне каждый день. И загляни домой, перед тем как уедешь.

— Да, мам.

— Ты будешь звонить мне сразу же, если тебе что-то понадобится?

— Да.

Кайден истерично хохочет, откатываясь в сторону от меня, чтобы она не услышала. Я рассказывала про ее пристрастие все контролировать. Очевидно, ему очень весело наблюдать мою маму в действии.

— Кто это? — интересуется она. — Кто там смеется постоянно?

Я сгибаю шею, глядя на него через плечо. Он улыбается.

— Кайден.

— Ох. — Мама замолкает. Мне слышен стук на заднем фоне, словно она барабанит ногтями по столешнице. — Келли... ты... ты спишь с этим мальчиком?

Меня кидает в жар.

— Что?

Кайден, должно быть, услышал ее, потому что его хохот становится еще громче, заполняя комнату.

— Отдаю ей должное, — произносит он сквозь смех. — Она невероятно забавная.

— Келли, — продолжает мама. — Я не стану тебя судить... Просто хочу удостовериться, что ты осторожна.

О, мой Бог. Какой ужас. Мои щеки, наверно, такие же горячие, как обогреватель под замерзшим окном. Я склоняю голову вниз, по-прежнему прижимая трубку к уху, чтобы спрятать свое пунцовое лицо.

— Да, мам.

— "Да, мам" — в смысле, ты с ним спишь? — уточняет она. — Или в смысле, ты осторожна?

— Скажи ей, что будешь осторожна прямо сейчас. — Кайден смеется мне на ухо. Его дыхание щекочет шею, отчего мои плечи вздрагивают. Он обвивает руками мою талию, тянет меня назад, приподнимаясь с кровати на одной руке. Затем подминает меня под свое сильное тело, опускаясь сверху.

Я хохочу в телефон, потому что Кайден начинает щекотать мне бока. Пытаюсь вырваться и в то же время удерживать сотовый у уха.

— Мам, — говорю я сквозь смех. Его пальцы поднимаются по ребрам, замирая возле груди.

— Скажи ей, что обязательно будешь осторожна каждый день, — дразнит он. Зеленые глаза Кайдена вспыхивают от неукротимого желания. Ущипнув меня за бока, он проводит ладонями по моим рукам, сначала вверх, потом вниз, останавливаясь на запястьях. Обхватывает их и тянет мои руки вверх.

— Мам, мне пора, — говорю быстро. — И да, я загляну к вам перед отъездом. — Прежде чем она успевает ответить, телефон выпадает из моей руки. Кайден соединяет и удерживает мои запястья у меня над головой.

На долю секунды паника сковывает гортань, потому что я резко возвращаюсь в прошлое, когда лежала, придавленная к кровати; мое сердце бьется неровно. Похоже, он все понимает по выражению моего лица.

Хватка Кайдена ослабевает.

— Хочешь, чтобы я отпустил?

Я качаю головой.

— Просто поцелуй меня, пожалуйста.

Уголки его рта приподнимаются. Он склоняется надо мной, наши губы соединяются. Паника и воспоминания сразу же испаряются. Есть только я и Кайден. Больше в мире никого не существует.

~ ~ ~

— Ну, как дела? — спрашивает Сет, радостно запрыгивая в пикап Люка.

Сиденье сплошное и не очень просторное, но не все так плохо. На самом деле, я чувствую себя довольно комфортно в тесной машине рядом с тремя сильными парнями, которые невероятно помогли мне, каждый по-своему.

— Ты бы знал, если бы не исчез. — Я игриво улыбаюсь, пока он застегивает ремень безопасности.

Сет ухмыляется, с недоверчивым выражением во взгляде.

— Очень сомневаюсь, что по мне скучали. — Замок ремня щелкает, и он откидывается на спинку сиденья, опуская рукава своего черного пальто. — К тому же, я хотел дать вам с Кайденом шанс побыть наедине.

— Тебе не обязательно было уходить. Мы практически ничего не делали.

Сет осуждающе изгибает бровь.

— Ага, ну да. Вы двое замуровались в номере, начиная с Нового года. Вы прям как какие-то новобрачные, набросились друг на друга словно кролики.

Я отворачиваюсь от него, чувствуя, что мое лицо заливаается краской, и пытаюсь сдерживать улыбку.

— Сет, перестань, — говорю я, а он хихикает.

Кайден открывает дверь; петли скрипят. Он собирается сесть рядом со мной, но останавливается на полпути, оставив одну ногу на земле, и смотрит на мой румянец.

— Так, Сет, что ты сказал ей на этот раз? — шутливо интересуется Кайден, проведя большим пальцем по моей щеке. Он улыбается; я приподнимаюсь, давая ему возможность забраться на сиденье.

— Ничего, что не говорил раньше, — отвечает Сет с шаловливым блеском в карих глазах. — Просто она всякий раз реагирует одинаково, чем делает процесс еще забавнее.

Я шлепаю его по руке, после чего сажусь Кайденому на колени, аромат его одеколона моментально меня опьяняет. Он обнимает мои плечи, прижимая к своей груди, тянется назад за ремнем и пристегивает нас обоих. На улице идет снег; пушистые снежинки остались в его каштановых прядях. Я аккуратно провожу рукой ему по голове, сметая их. Некоторые тают от моего прикосновения, в результате чего он остается с мокрыми, сексуально растрепанными волосами.

— Итак, куда нам нужно заехать? — спрашивает Люк, забрасывая свою сумку в открытый кузов машины, где до сих пор стоит мотоцикл Кайдена, после чего садится за руль и захлопывает за собой дверь. Двигатель уже работает; Люк включает обогреватель; горячий воздух вырывается из вентиляционных решеток.

— Ко мне, — отвечаю я. — И... — Смотрю на Кайдена, который не был дома с тех пор, как мы уехали в Сан-Диего. По-моему, он вообще не хочет возвращаться. Но ему нужно забрать одежду. К тому же, мне кажется, в глубине души он хочет поговорить с братом, Тайлером. — И к Кайденому, наверно.

В салоне становится тихо, затем Люк вздыхает, трогается с места, включив дворники. Дороги немного скользкие, поэтому он дергает маленький рычаг в центре, переключая привод на четыре колеса. Слышится громкий хлопок, машина дергается.

— Боже. — Сет морщится, сдвигает ноги в сторону, туже затягивает ремень безопасности. — Такое ощущение, что она сейчас развалится на части.

Люк похлопывает ладонью по приборной панели.

— Все в норме. Она просто старенькая.

Закатив глаза, Сет скрещивает руки на груди. Мы молча колесим по узким улочкам. По радио играет песня "Wonderwall" Оазис, потом "Hands Down" группы Dashboard Confessionals. Подъехав к моему дому, Люк паркуется и бормочет:
— Поторапливайся.

— Расслабься, — говорит Кайден, открывая дверцу. Опустив ногу на тротуар, он вылезает наружу, утягивая меня вместе с собой. Когда я твердо стою на земле, Кайден меня отпускает и захлопывает дверь.

Он берет мою руку, идя вместе со мной по подъездной дорожке. Я не задаю вопросов. Кайден не сказал, что тоже собирается зайти, но мне кажется, он мысленно хочет меня защитить. Мы поднимаемся по ступенькам, и я стараюсь не думать о пугающих воспоминаниях, связанных с этим местом. Наоборот, сосредотачиваюсь на хороших моментах, проведенных тут с Кайденом и Сетом.

Только мы достигаем порога, как мама открывает дверь. На ней фартук, поверх кремовой юбки с цветочным узором и белой кружевной блузки. Ее волосы завиты на концах, вокруг шеи – ниточка жемчуга. Помимо прочего, в руках она держит тарелку шоколадного печенья, ослепительно улыбаясь. Кайден явно изо всех сил старается не рассмеяться над маскарадом в духе сериала "Предоставьте это Биверу".

— Я так рада, что вы решили заглянуть. — Мама обнимает меня, балансируя с печеньем в другой руке, потом отпускает и обнимает Кайдена. Он неловко похлопывает ее по спине, обмениваясь сконфуженным взглядом со мной.

Но я лишь улыбаюсь в ответ. Сейчас я люблю свою маму, с ее печеньем, одеждой в стиле шестидесятых годов, и всем прочим, потому что практически уверена – никто так не обнимал Кайдена, помимо меня. Она предлагает нам печенье. С едва уловимой улыбкой, качаю головой, беру одно, чтобы порадовать ее. Во время одного из наших телефонных разговоров я случайно проболталась о своей привычке вызывать рвоту. Не сомневаюсь, теперь до конца жизни мама будет меня откармливать.

Прощание проходит быстро. Папа с Кайденом успевают даже немного поболтать о футболе. Родители не спрашивают Кайдена о том, что случилось с Калемом, или его отцом, хотя по городу циркулируют слухи о попытке суицида, покушения на убийство, и обо всех возможных наказаниях за тяжкие преступления.

Мы практически доходим до пикапа, когда к дому подъезжает Джексон. Моя первоначальная реакция – сбежать от него, потому что обычно они с Калемом неразлучны. Только пассажирское сиденье пусто, поэтому я расслабляюсь, громко выдохнув.

— Ты идешь? — спрашивает Кайден, после чего до меня доходит, что я стою посреди двора, глядя на своего брата.

Прошу его подождать, подняв палец.

— Я на секунду.

Кайден смотрит на меня, его зеленые глаза полны беспокойства.

— Уверена?

Я киваю. Джексон выходит из машины, глядя в мою сторону. У меня совершенно не получается прочитать стоическое выражение его лица.

— Да, мне нужно с ним поговорить.

Кивнув, Кайден направляется к машине Люка, проходя мимо моего брата. Они тихо здороваются, после чего Кайден садится в пикап. Он не сводит с меня глаз, пока я бреду к крыльцу и сажусь на нижнюю ступеньку, чувствуя через джинсы холод от тонкого слоя льда на цементе.

Джексон подходит ближе, держа руки в карманах своей клетчатой куртки с капюшоном. Его каштановые волосы падают в глаза, бакенбарды тоже давно нуждаются в стрижке. Он раскачивается на пятках, смотрит на меня с опаской.

— Слушай, Келли, даже не знаю, что сказать, — начинает Джексон. — Наверно... наверно мне стоит извиниться.

Я слегка шокирована его заявлением. Нахмутив лоб, опускаю взгляд в землю.

— Тебе не за что извиняться. Это не твоя вина.

Он садится рядом, вытягивает ноги перед собой, скрестив лодыжки. От него пахнет сигаретами и алкоголем. Не знала, что Джексон курит, хотя, мне вообще мало что известно о брате. Даже когда мы были детьми, между нами всегда существовало некое соперничество, а после происшествия с Калемом рухнули последние надежды на братско-сестринскую привязанность.

— Я сдал его, — наконец заявляет Джексон. Втянув щеки, он делает вдох, затем резко выдыхает.

— Спасибо. Но полиция ничего не сделает. Они уже не могут. Прошло слишком много времени, и, по сути, есть лишь мое слово против его слова.

Качая головой, Джексон проводит ладонью по своей заросшей щеке.

— Не за это... Я знал, что тут уже ничем не поможешь. — Он опускает руку на колени. — Я сдал его за выращивание травы в подвале у родителей. Даже сказал копам, где он хранит свою заначку.

Я потрясена. Лишена дара речи. Сбита с толку. Счастлива. Изумлена. Благодарна.

— Так он... так значит он в тюрьме?

— Пока нет. — Он тяжело вздыхает. — Когда мама рассказала мне о... — Джексон прочищает горло; ему явно нелегко говорить на эту тему, — о том, что с тобой случилось, я был на вечеринке вместе с ним. Как только я потребовал объяснений, он просто сбежал на хрен, мне даже не удалось дать ему по морде. Он даже не попытался все отрицать. — Его глаза тускнеют от воспоминаний. — В любом случае, он давно приторговывает, и тут, и у себя дома, поэтому я решил хоть за что-то его наказать. Если объявится, то влетит по-крупному. Помимо выращивания, у него под половицами спрятано около двух килограмм травы, а это уже расценивается как незаконный оборот наркотиков. — Тень улыбки появляется у Джексона на губах.

— Откуда ты узнал, что она там? Травка?

— Скажем так, удачно угадал.

— Полицейские не стали тебя допрашивать?

— Я оставил анонимное обращение.

Я благодарна, но мне также очень грустно. Теплые слезы скатываются из глаз; я отворачиваюсь, чтобы он не увидел, как я плачу. Кайден тянется к дверной ручке, однако я качаю головой и закрываю глаза; слезинки продолжают катиться по щекам. Если Калев

вернется, у него будут проблемы. Если нет – будет скитаться на свободе. Несмотря ни на что, брат поступил так ради меня, и я буду вечно ему признательна.

— Спасибо, — шепчу, утирая слезы рукавом пальто.

— Не благодари меня, — бормочет Джексон. В его тоне слышится налет вины. — Это ничто не исправит.

— Ты не виноват, — говорю, заканчивая вытирать щеки, и смотрю на него. — Не виноват.

Он не отвечает, лишь поднимается на ноги.

— Отчасти виноват, знаешь. У меня такое чувство, будто мы все видели то, что хотели видеть, а я постоянно обвинял тебя за стресс в семье.

Я тоже встаю, отряхивая снег с джинсов.

— Люди обычно видят то, что хотят видеть, только это не делает их плохими.

Джексон сжимает губы, затем проводит пальцами по своим длинным волосам.

— Да, наверно. — Он выдыхает, и, моргнув, вновь смотрит на меня, меняя тему. — Значит, возвращается в колледж?

Я киваю, шагая обратно в сторону пикапа, стараясь попадать в свои следы, чтобы не увязнуть в сугробе.

— Ага, занятия начинаются в понедельник.

Он смотрит на моих попугачиков.

— Ты едешь назад с ними?

Улыбаясь, киваю.

— Да.

— С кучкой чуваков?

— Да.

— Это не опасно?

Моя улыбка растягивается еще шире.

— Я в большей безопасности в этой машине, чем где-либо еще.

Джексон цинично вскидывает бровь.

— Тогда ладно.

Я машу ему, начиная отворачиваться, когда он окликает: — Я дам тебе знать, как обстоят дела.

Оглядываясь через плечо, снова киваю. Знаю, я могу лишь надеяться на то, что все получится, что правосудие хоть как-то восторжествует, и Калебу придется заплатить. Но несмотря ни на что, я выговорила, отстояла себя, освободилась от гнетущих воспоминаний, которые руководили мной каждый день на протяжении шести лет. Я нашла свою смелость.

Кайден

— Твою мать, я не понимаю. — Эти слова первыми срываются с моих губ, когда я вхожу в свой дом. Он пуст. Нет ни мебели, ни фотографий, ни книг, ни посуды, ни еды, машины не стоят в гараже. С пола убраны ковры, несколько оставшихся шкафов тоже опустошены, включая мою одежду. Мои родители ее забрали, скорее всего, чтобы наказать меня за существование.

— Они даже жалюзи сняли, — говорю ошеломленно, оглядывая гостиную. — Зачем они это сделали? То есть, на доме нет вывески о продаже, ничего.

Келли останавливается рядом со мной, под люстрой, перед массивным мраморным камином, переплетает свои пальцы с моими, легко сжимая мою руку.

— Они ни разу не упоминали, что собираются переезжать?

Я медленно качаю головой; ее кисть кажется крохотной по сравнению с моей, но невероятно успокаивает.

— Мы с отцом не виделись с тех пор, как он меня избил. — Мне вспоминаются туристические буклеты в мусорной корзине. — Они просто свалили?

— А что насчет твоего брата? — спрашивает Келли. — Он мог остаться здесь? Может, ему известно, куда они уехали.

Покачав головой, поспешно утягиваю ее за собой через открытую дверь. Спустившись по лестнице, обхожу дом вокруг, направляясь к входу в подвал. Раскидав снег ногами, чтобы добраться до двери, хватаю ручку.

Я не расстроен, что больше никогда их не увижу. Просто зол, ведь я все больше склонялся к идее выдвинуть обвинения, но теперь...

— Понятия не имею, что происходит, — бормочу, открывая дверь, в итоге обнаруживая очередную пустую комнату. Остался лишь кожаный диван, на котором мы с Келли и Людом играли в "Правду или действие". Мини-холодильник, телевизор, футон — исчезли. Я вхожу, все еще держась за руку Келли — это заглушает зарождающееся в моем теле чувство одиночества, чувство, что меня бросили.

Стою в дверном проеме, смотрю на комнату, в которой столько раз прятался; моя челюсть отвисает чуть ли не до пола.

— Какого хрена? — Я не двигаюсь, не дышу. Даже думать прямо не могу, мысли пугаются. В дальнем углу виднеется вмятина в стене — отец ударил меня головой о гипсокартон, но не заделал повреждение. Я получил сотрясение от "столкновения с другим игроком команды по бейсболу", как сказала мама докторам. В ковре дыра, которую когда-то прикрывала ножка кресла. Тайлер уронил зажигалку, подкуривая косяк, и она прожгла ковер. Чтобы спрятать повреждение от отца, мы передвинули кресло на это место.

— Может, попытаешься им позвонить? — говорит Келли. — Не родителям, но хотя бы брату.

Не в силах поверить, я качаю головой. Как такое могло произойти? Как он мог просто уехать в Пуэрто-Рико, или Париж, или куда там еще? И почему? Нет гарантий, что отца признали бы виновным, если бы я заговорил. Он мог с легкостью все опровергнуть.

— Я не понимаю, — бормочу, оборачиваясь к Келли. Ее волосы собраны на затылке заколкой, выбившиеся пряди обрамляют лицо. Ее губы начинают синеть, потому что в помещении практически так же холодно, как на улице. — Нам пора, — говорю я, пытаюсь разобраться в своих беспорядочных мыслях.

Она крепче сжимает мою ладонь, удерживая меня.

— Ты уверен? Мы могли бы еще осмотреться, поискать какие-нибудь подсказки.

Я вздыхаю.

— Келли, это реальная жизнь. Тут не будет никаких подсказок, а даже если и будут – все это неважно. Ни для кого. Будет лучше, если я просто уйду... стану жить дальше. — Чувствую, как дыра вновь разрастается в груди, желание себя поранить вырывается на поверхность. — Мне просто нужно уйти.

Келли быстро кивает, понимая, что происходит у меня внутри, и ведет наружу. Я останавливаюсь, чтобы закрыть дверь, наблюдаю, как комната исчезает из виду, сантиметр за сантиметром, пока замок не щелкает.

Мы идет обратно к машине, залезаем внутрь. Келли садится мне на колени. Хоть положение дел и кажется ужасным, я знаю, что это не так. Потому что я не лежу на полу, истекая кровью до смерти, отказываясь бороться за жизнь. Я здесь, сижу с ней, и она замечательная, ради нее мое сердце продолжает биться. Келли дарит мне причину жить без боли, без грусти. Она дает мне надежду на то, что, возможно, все как-нибудь наладится.

Глава 20.

#6 Сделать смелый и решительный шаг, #38 Выбраться куда-нибудь с крупными планами, #44 Есть шоколад, заниматься сексом и наслаждаться Днем Святого Валентина, днем ЛЮБВИ!

Месяцем позже...

Кайден

— О Боже мой! О! Мой! Бог! — Сет подбегает ко мне при этом визжа, как психопат. Библиотека почти пуста, но библиотекарь – молодая женщина с очками в квадратной оправе и пушистыми каштановыми волосами – хмурится, смотря на нас из-за стойки. Повсюду бумажные сердца, развешанные на полках и стенах и даже на потолке. День Валентина через несколько дней, и я все еще пытаюсь придумать, что приготовить для Келли, мне хочется, чтобы это было что-то особенное, идеальное, что-то, что будет олицетворять ее.

— Сет, — смотрю на него и киваю головой на стойку. — Поубавь свой визг.

Он держит смятую в руке бумагу. Часы на пролет я ищу в библиотеке книгу о Дарвинизме. Обычно, я использую компьютер, но профессор Милэни определенно старой школы и всегда требует какой-нибудь источник, откуда взята информация.

— Кого нахрен это волнует? — говорит он и затем поворачивает лицо к библиотекарю, строя рожу. Она шыкает на него, а тот шыкает на нее в ответ. Он разворачивает листок и трясет его, пытаясь избавиться от складок. — У меня охренеть какие фантастические новости!

Я засовываю книгу обратно на полку.

— Нет, нет ни единого шанса, что ты нашел его... Блять! Ты... нет... — Я начинаю заикаться, потому что это невероятно. Это невозможно. Но взгляд на его лице определенно доказывает обратное. — Дерьмо!

Хихикая, он отдает мне лист. На нем распечатанная с компьютера статья. Около статьи лицо, которое смутно напоминает мне старую версию брата, покинувшего дом

много лет назад: темные волосы, слегка поредевшие, такие же изумрудные глаза, как у меня и кривой нос (с тех пор, как он сломал его, врезавшись в стену). Я немею от шока, смотря вниз на его фото.

Не ожидал, что это случится так скоро. Я вернулся от терапевта только вчера вечером и сказал Келли, что готов к поискам брата. Мой психотерапевт, Джерри, пожилой мужчина, который носит рубашки с гавайским принтом и мокасины, предположил, что это, возможно, было то время, чтобы начать поиски Дилана. У меня был хороший аргумент о том, почему не стоит искать его, включая факт того, что я совершил ошибку в ту ночь и разбил кулак о дверь в приступе ярости, когда мне позвонил бывший босс моего отца, разыскивавший его. Никто не знал, где были родители, почему уехали, и удивляло больше всего то, что людям было наплевать. Босс моего отца разыскивал его из-за какой-то вещи. Я не знал, как он раздобыл мой номер, но этот звонок напомнил обо всем моем вне Келли-Сет-Люк-учебном мире. Я облажался, но рассказал про это терапевту. И Келли. Джерри думал, что это будет хорошая идея – начать поиски Дилана, а я волновался, кем он стал или кем он не стал.

— Все в порядке. — Говорит он, жуя мятный леденец, который всегда имеется у него. — Будет хорошо, если ты поговоришь с кем-то о том, через что ты прошел, и возможно, он поможет тебе с вопросами по твоему обвинению.

— Какому обвинению? — Я притворяюсь дураком. — Я рад, что они уехали.

— Да, я знаю, что ты рад, — отвечает он и нацарапывает на кусочке желтой бумаги какие-то заметки. — Но еще, считаю, что ты чувствуешь себя брошенным. Даже если они и делали ужасные вещи с тобой, они все еще твоя семья, и думаю, ты чувствуешь связь с ними.

— Или сторонюсь их, — бубню я в ответ, откидываясь на шероховатую кожаную спинку.

Он что-то записывает, закрывает папку и толкает ее к стопке на краю стола.

— Как на счет этого? — он ставит руки на край стола. — Мы только попытаемся посмотреть на него? Это не повредит, если мы попробуем, правильно ведь?

Я поворачиваю запястье, пока оно не щелкает и не происходит горячий толчок, это случается с тех пор, как я оставил там открытую рану.

— И что если мы найдем его?

Он открывает коробочку с конфетками, что лежит на столе, и закидывает одну в рот, откидываясь на стуле.

— Ну, это уже решать тебе.

После того, как мы сидим в тишине минут пятнадцать, слушая тиканье настенных часов и суету дня снаружи, я соглашаюсь. Когда я иду на ужин в тот же вечер с Келли, Сетом и Люком, они решают взять на себя его поиски.

Я просто не ожидал, что Сет найдет его так быстро.

— Он, кажется, выглядит так же, — подмечаю я, разглядывая его зеленые глаза, которые жутко напоминают мои, и это не очень комфортно.

— Он женат, — говорит Сет, постукивая пальцами по бумаге. — И он учитель.

Я плююсь на него.

— Учитель? Реально, мать вашу?

Брови Сета взлетают вверх.

— Почему ты так удивлен?

Пожимаю плечами и затем поворачиваю голову к выходу, лавируя между тележками с книгами.

— Не знаю... Просто это кажется таким чертовски нормальным. — Я толкаю дверь ладонью и открываю ее. Места вокруг и под шрамами побаливают, и я массирую большим пальцем рубцы, выходя на солнце с бумагой в руке. Солнце сияет, а снег на тротуарах и траве – тает. Это приятно, но в тоже время становится мокро и грязно. Вода из сточных канав на улице затапливает тротуары, а трава выглядит, как пруд.

— Так что ты собираешься делать? — Спрашивает он, перепрыгивая через лужу, и пиная камень с тротуара.

Я качаю головой и обхожу большую дыру, наполненную грязной водой.

— Не знаю.

— Не знаешь?

— Нет, не знаю.

Он не понимает, и я не ожидаю большего от него. Но есть один человек, который понимает.

— Келли в общежитие? — спрашиваю я.

Сет кивает, когда мы обходим гуманитарный корпус и идем по диагонали через лужайку к тротуару, который граничит с улицей. С деревьев капает вода, падая на мою рубашку и бумагу. Легкий весенний ветерок обдувает спину.

— Она корпит над какой-то работой, которую должна сдать к концу года, и она ударилась в... — он показывает кавычки в воздухе, идя лицом ко мне, — «писательскую зону».

Я улыбаюсь при мысли о ней, закрытой в комнате, строчащей в своем дневнике, обнаженной. Хотя я уверен, что последняя часть неправда. Но если я реально хочу, чтобы было так – мне следует раздеть ее. В последнее время она доверяет мне сильно, и наши отношения разгораются невероятно быстро. Но я никогда не давлю на нее... И не хочу.

— Я собираюсь пойти и поговорить с ней, — обхожу бегуна, разогревающегося около дерева. — Ты идешь?

Он качает головой, засовывая руки в карманы его коричневых шорт.

— Неа, у меня свидание, — он спешит прочь «с весной под ногами» к стоянке на противоположной стороне от главного офиса, разбрызгивая воду из луж. Он подходит к машине, возле которой стоит парень с большим мишкой Тедди в руках. Это заставляет меня улыбнуться, думая о Келли, мишке и карнавале.

Я набираю темп, делая шаги как можно длиннее, позволяя ветру подталкивать меня в том направлении, в котором должен идти.

~ ~ ~

Я стучу в дверь несколько раз, до тех пор пока соседка по комнате Вайлет не открывает ее. Она пугающая чика с шипами на одежде и в носу. У нее темные волосы с красными прядками, и еще у нее есть татуировка на шее в виде дракона. Она носит много черного, и у нее всегда такое выражение лица, словно та готова начать драку.

Вайлет однажды вошла в комнату когда мы занимались сексом. Келли была абсолютно подавлена, хотя, я думаю, это было в каком-то роде забавно. Вайлет так не

считала и устроила нам разнос, говоря, что мы должны повесить шарф на ручку двери в следующий раз. Я был немного удивлен ее реакцией. Она имела репутацию в кампусе, и казалось странным, что она так погорячилась из-за секса.

— Ты не Джесси. — Говорит она с рукой на дверной ручке, нахмурившись. Она осматривает меня взглядом, покручивая свой бриллиантовый пирсинг над губой. — Вы двое когда-нибудь расстаетесь?

Скручиваю лист бумаги в руке в цилиндр, качая головой и пожимая плечами.

— Нет, не совсем.

Она закатывает глаза и отступает, впуская меня. Я вытираю мокрые ботинки об коврик перед дверью и затем встаю посреди узкой комнаты между их кроватями. Вместо того, чтобы закрыть дверь, Вайлет наклоняется и берет куртку с сумкой со стула, который стоит около ее кровати и затем направляется к двери.

— Ты не должна уходить. — Обращаюсь я к ней. — Мне просто нужно переговорить с ней.

Она поднимает бровь, смотря сначала на меня, а затем на Келли, спящую на кровати.

— Да, должна... Вас двое – это слишком много для меня. — Она выходит и захлопывает дверь.

С двери падает доска, и я поднимаю ее. Это список Келли и Сета того, что они должны сделать до того, как умрут.

Я удивлен тем, как много было вычеркнуто из списка, особенно одиннадцатому пункту: «танец в нижнем белье». Смеясь про себя, я вешаю доску обратно на дверь и затем подхожу к кровати Келли. Она лежит на спине с рукой накинутой на живот, а ее рубашка слегка задралась, открывая мне кусочек нежной бледной кожи. На ней ожерелье, которое я подарил ей... оно всегда с ней... Это заставляет меня улыбаться каждый раз при виде него на ней, потому что это чувствуется так, будто бы она принадлежит мне. Открытый дневник вместе с коробкой конфет лежит около ее головы. Она как-то умудрилась заснуть с конфетой в руке. Она немного пополнила с рождественских каникул и думаю это к лучшему. Думаю, возможно, это ее терапевт повлиял на нее. Она всегда, кажется, немного веселее, когда возвращается с сеансов. Это больно, временами думать о том, что с ней сделали и о том, что она провела все эти годы в одиночестве. Это, пожалуй, самое большое сожаление в моей жизни. То, что не видел, кто она на самом деле, когда мы были детьми. Возможно, если бы я был с ней тогда, ее жизнь не была бы такой тяжелой.

Я барабаню пальцами по моей ноге, решая, каким способом лучше ее разбудить. Есть масса способов, от использования моих пальцев до языка, но я знаю – мне следует быть осторожным. У нее все еще бывают ночные кошмары, и если я застану ее врасплох во сне – это может расстроить ее.

Я встаю коленями на кровать, и матрас прогибается подо мной. Лист, который я принес с собой, откладываю на прикроватный столик и наклоняюсь над ней, упираясь одной рукой рядом с ее головой. Другой рукой я провожу по ее виску там, где родинка – крошечное коричневое пятнышко рядом с глазом, которое делает ее более идеальной.

Ее веки трепещут, и она издает маленький милый стон, который заставляет меня возбудиться. Улыбаясь, я наклоняюсь еще ближе и прикасаюсь губами к ее лбу.

— Кайдэн, — бубнит она, не до конца проснувшись, но все же зная, что это я.

Я наслаждаюсь этим, чертовски сильно, и мой член в мгновение становятся твердым. Ну, и ладно. Двигаю губы к виску, мягко целую ее в родинку туда, где недавно были мои

пальцы, затем двигаюсь к трепещущим векам и оставляю там нежный поцелуй. Ее тело дрожит подо мной, а грудь приподнимается и прижимается к моей. Мой рот путешествует от ее носа к губам, которые я разделяю, проникая в них и поглаживая своим языком изнутри. Она поднимает веки, и свет, который обволакивает комнату, падает на ее огромные голубые глаза, и я вижу, как они сверкают. Она резко дышит через нос, и я немного приподнимаюсь, создавая маленькую дистанцию между нашими телами, давая ей время на восстановление дыхания.

Она осматривает комнату, и затем возвращает свое внимание ко мне, а сонливость в ее глазах начинает рассеиваться, пока она моргает.

— Как ты сюда вошел?

— Вайлет впустила меня. — Говорю я и наклоняюсь к ней для поцелуя. Она реагирует мгновенно, открывая рот и позволяя моему языку утонуть в ее глубине. На вкус она, как шоколад, а пахнет клубникой. Мой язык исследует каждый сантиметр ее рта.

Когда я отстраняюсь, мы оба тяжело дышим, огонь пляшет в наших глазах, а моя рука под ее рубашкой. Все еще держа руку под ее рубашкой рядом с бюстгальтером, я перекатываюсь, и она оказывается на моих бедрах. Она смотрит вниз на руку с кусочком плавленого шоколада, и ее лицо искажается от отвращения. Она кладет его на тумбочку и вытирает ладонь о джинсы.

— Ладно, это смущает, — говорит она с робкой улыбкой. Затем тянется к полупустой коробке с шоколадом и откладывает ее в сторону.

Я хватаю ее за руку и останавливаю, глядя на каждую надкусанную конфету.

— Окей, я должен спросить. Ты хотела съесть все или только попробовать?

Она вздыхает и бросает коробку рядом с лампой, после ложится на мою грудь, упираясь подбородком выше моего сердца.

— Я не люблю другие вкусы, кроме клубники.

— Предположу, что это сработало. — Ухмыляюсь я. — Кстати, кто дал их тебе? Это заставляет меня выглядеть плохо.

Ее глаза мерцают с частичкой надменности, которая появляется в очень редких случаях.

— А если я скажу, что это был кое-какой парень? Ты будешь ревновать?

— Буду, — отвечаю честно. — На самом деле, я думаю кому-то надо надрать зад.

— Никакого надирания задов.

— Хорошо, но только потому, что так сказала ты.

Она улыбается и проводит языком по губам, увлажняя их.

— Грейсон дал мне их прошлым вечером.

Я смотрю на ее сочные губы, которые блестят после того, как она облизала их, и они такие чертовски манящие, что это сводит мое тело с ума.

— Грейсон Сета?

Она кивает.

— Мы втроем вчера вечером прогулялись. Он очень милый.

Я хмурюсь, вспоминая, зачем пришел сюда.

— Мы только что разошлись с Сетом.

— Где? — спрашивает она. — Я думала он на свидании.

Вздыхая, я хватаю лист бумаги с тумбочки. Развернув, я передаю его ей. Должно быть там сильное сходство, потому что она сразу же узнает, кто это.

— Откуда ты это взял? — интересуется она, садясь и читая текст на бумаге.

Я отталкиваюсь и сажусь напротив нее, скрещивая ноги.

— Сет прибежал сегодня в библиотеку, как сумасшедший с этим. Думаю, он довольно легко нашел информацию, и это заставило меня задаться вопросом, искали ли когда-нибудь его мои мать с отцом.

Она кусает губу, в то время, как тщательно изучает бумагу.

— Здесь говорится, что он живет в Вирджинии.

Я киваю, проводя по побелевшим шрамам на запястье. Они быстро исчезают, но часть их все еще там, как маленькое напоминание о том, что произошло.

— Да.

— Это далеко.

— Знаю.

Она опускает лист на колени и изучает меня мгновение.

— Ты попытаешься связаться с ним?

Я качаю головой и пожимаю плечами, думая о прошлом. У меня никогда не было нормальных отношений с Диланом, к тому же, он сбежал и никогда не пытался забрать меня с собой.

— Что если он не хотел брать меня с собой? Я имею ввиду, есть причина, по которой я не говорил с ним и не видел его годами. И, похоже, у него есть семья и все такое. По крайней мере, так написано в этой статье.

Келли затихает на время, а затем тянется рукой к моему подбородку и приподнимает его пальцем, делая так, чтобы я посмотрел на нее.

— Но что, если... что, если он хочет увидеть тебя? Что, если он просто держится подальше от ваших родителей и этого дома? Или что, если он пытался забрать тебя с собой, но родители не позволили?

Я помню, когда Дилан убежал из дома. Он только закончил школу и не принял футбольную стипендию, частично назло отцу и частично из-за того, что не хотел играть. Отец был так чертовски зол, что сказал ему не возвращаться домой. Никогда.

— Да, возможно. — Я все еще не полностью уверен, но если бы разговаривал с моим терапевтом прямо сейчас, он сказал бы, что я сомневаюсь больше в себе, чем в Дилане. Он много раз говорил это. Он говорит, что у меня низкая самооценка. Это делает меня слабым, как гребанного котенок, и это доказывает его правоту.

— Я позвоню ему ради тебя, — говорит Келли, пододвигаясь на коленях ближе ко мне. — Если хочешь, чтобы я сделала это.

Я раздвигаю пальцы поверх ее ног и хмурюсь.

— Ты сделаешь это ради меня? Позвонишь незнакомцу?

— Я сделаю все для тебя. — Она кладет свои руки поверх моих. — Потому что я люблю тебя.

— Знаю, что любишь, — отвечаю я, ненавидя и любя то, что она сказала. А я все еще не сказал ей этого. Не знаю почему. Я пытался тысячу гребанных раз, но не могу заставить слова выйти из моего рта. Она не говорит ничего об этом, что заставляет меня чувствовать себя еще большим засранцем. Она счастлива даже любя односторонне. — Я должен быть тем, кто позвонит ему.

Ее плечи поднимаются с дыханием.

— Так ты собираешься позвонить ему?

Я киваю, решая проверить и посмотреть, что произойдет.

— Да, позвоню ему вечером, после того, как закончу с тобой.

Она закусывает пухлую губу между зубов, нервно покусывая ее.

— Как закончишь со мной?

Качая головой в знак согласия, я тянусь к ее губам, но отклоняюсь влево и горячо дышу ей в шею.

— Да, я хочу поработать над 46 номером в твоем списке.

— Сорок... шестым... — Она тяжело дышит, когда мой рот проделывает влажную дорожку по ее шее. С каждым движением моего языка, я нежно покусываю ее кожу, перекаत्याю между зубами, а затем облизываю это место.

— Есть шоколад... заниматься сексом, — говорю я, напоминая ей, добираюсь до ключицы и скольжу рукой под ее бюстгальтер.

Она издает хриплый стон.

— Это для Святого Валентина...

Провожу пальцем по ее соску, и он мгновенно оживает. Слегка ущипнув его, я начинаю массировать ее грудь.

— И что? Мы отпразднуем его пораньше... — Я смотрю, как ее голова откидывается назад, и замечаю, как она становится зависима от моих прикосновений. Я обхватываю рукой ее талию и опрокидываю нас на кровать, подминая ее под себя. — И потом, на день Валентина мы снова отпразднуем его.

— Окей, — соглашается она с экстазом во взгляде, затем ее глаза закрываются. — Все, что хочешь.

И она именно это и имела в виду. Она сделает для меня все что угодно... уже сделала. Она подарила мне свой секрет, подарила мне себя, подарила мне свою любовь. И даже если я не могу сказать этого, тем не менее, я чувствую тоже самое по отношению к ней. Она владеет мной полностью, бесконтрольно, необратимо.

Келли

Я так рада за него, и в тоже время боюсь. Он нашел своего брата, и я молю Бога, чтобы все это прошло хорошо... чтобы его брат был лучшим человеком, чем остальная часть его семьи.

Все идет для нас обоих очень хорошо. Мы оба встречаемся с терапевтами, и я не страдаю рвотой с того инцидента в больнице больше трех месяцев назад. Я так счастлива. И эти чувства волшебны, невероятны и пугающи.

Это все еще непросто. Иногда, я вижу кошмары, особенно, когда терапевт заставляет меня погружаться глубоко в мои скрытые воспоминания. Есть еще один момент... когда Кайден решил попробовать кое-что новое со мной, когда мы занимались сексом, и в это мгновение меня перебросило обратно в тот ужасный день. Он был великолепен и держал меня, пока я плакала.

Я также больше общалась с мамой, что не так уж и плохо. Даже папа и Джексон звонят мне. Кaleb все еще не найден и я чувствую, что возможно он пропал навсегда. Я все еще не пойму, что чувствую по этому поводу. Здесь очень много противоречий. Часть меня хочет, чтобы он страдал в тюрьме, но часть меня рада, что его больше нет в моей жизни.

После того, как Кайден рассказывает мне о своем брате, мы немного говорим о том, что он собирается делать, а после он начинает раздевать меня. И начинает облизывать своим языком каждый кусочек моего тела, а я цеплялась за него, пока он скользит внутри меня, двигая своими бедрами напротив моих.

— Люблю тебя, — шепчу я сквозь свои стоны, сжимая его мягкие волосы пальцами.

Он покусывает мою шею и ласкает грудь руками, толкая меня изнутри.

— Знаю.

Он всегда говорит это. А иногда вообще ничего не говорит. Это пока что одностороннее признание, но я продолжаю говорить это ему, потому что он нуждается в этом... нуждается в знании того, что его любят. Я слышу это от родителей, моих дедушек и бабушек, Сета, и иногда от Джексона. Я счастливица и я хочу, чтобы он тоже чувствовал себя счастливым.

Наши бедра раскачиваются гармонично, пока мы не срываемся в пропасть. Мы оба стонем, и из меня вырывается вскрик, который всегда волнует его. После этого, он остается во мне, а его руки отдыхают по обеим сторонам от моей головы. Наши влажные тела прижимаются друг к другу, и наши сердца скачут от продолжительного адреналина.

В конце концов, он опускает голову к моей груди и прижимается щекой, в то время, как я поглаживаю его шею пальцами.

— О чем ты пишешь? — спрашивает он, разглядывая мой дневник, спихнутый на край кровати.

— Ничего, — отвечаю я. — Ну, ничего невероятного. На самом деле, я писала статью для творческого писательского клуба. Это, предполагается, должно быть в научно-популярном стиле, но у меня не очень хорошо получается.

Он приподнимается и выходит из меня. Плюхаясь на свою сторону, он тянет пальцы к дневнику. Я быстро сажусь и выхватываю его из рук, прижимая к груди.

— Ни за что. Это личное.

Он садится, его кожа блестит от пота. Его голая грудь покрыта неровными рубцами, маленькими и большими, темными и светлыми. Иногда я разглядываю их, пока он спит, задумываясь, по какой причине появился каждый из них. Это вроде, как жуткая картина его воспоминаний, которая никогда не исчезнет, несмотря ни на что.

Он скрещивает руки на груди, его мускулы напрягаются и он хмурится.

— Ох, да ну, Келли. Дай почитать мне одну страницу. Мне любопытно, что ты пишешь там все время.

— Это личное... Некоторые вещи... ты наверно думаешь, что я сумасшедшая.

— Я уже думаю, что ты сумасшедшая. — Шутит Кайден, опуская руки на колени. Он приближается ко мне по кровати, пока не ложится на против меня, и его лицо не смягчается.

Вздыхая, я пролистываю страницы, пока не наткнулась на научный рассказ, с которым я боролась, пытаюсь выкинуть его из головы и последовавшие за ним решения.

— Это рассказ, над которым я работаю. Я не очень далеко продвинулась в нем и даже не уверена, имеет ли смысл продолжать это.

Он берет дневник из моих негнущихся рук. Он первый, кому я позволяю читать то, что написала и это ощущается так, будто я разрешаю полный доступ к моей голове. Держа его в руках, он прочищает горло и начинает читать вслух.

— Куда уходят листья. — Он смотрит на меня и улыбается. — Милое название.

Я качаю головой и ложусь на спину, уставившись на трещины в потолке и пытаюсь успокоить неукротимое биение моего сердца.

— Пожалуйста, поторопись. Ты заставляешь меня нервничать.

Он посмеивается себе под нос и начинает читать.

— Я помню, когда была ребенком, то была очарована листьями. Они всегда менялись: зелено-розовые, оранжевые, желтые, коричневые. И потом, в конце концов, когда воздух менялся и становился холоднее, они превращались в ничто. Они опадали с веток деревьев, либо крошились, становясь частью земли, или были сдуты ветром. У них никогда не было власти над своим ходом. Они просто уходили с погодой, и где бы ни подобрал их ветер, они были беспомощными, слабыми и бесконтрольными.

Я помню, когда была подростком, лет 13. Был дождливый весенний день, капли дождя яростно брызгались против земли, а ветер завывал. Я сидела на окне, наблюдая за уличным потоком и за листьями унесенными яростью воды. Они все были цветуще-зелеными, в расцвете сил, только зацветшие, но дождь и ветер уничтожили их.

Но были два листа, которые прилипли к окну моей комнаты, не сдвигаясь. Они продержались на месте сквозь бурю и температурный дождя, даже через воду, которая стекала так сильно, что я не могла видеть сквозь стекло.

Я продолжала следить за листьями, неспособная оторвать взгляда от них, очарованная их решимостью, даже, когда небо потемнело и ветер дул с такой силой, что стекло окна трясло. Я все еще думала о том, какими сильными они оставались, при этом они только листья. Частичка дерева, растения, мелочь, которая не может думать, выбрала сделать все для их свободы, не поддаваясь ветру и дождю, и не покидая этого чертового окна. Станным образом, я завидовала им, их решимости, страсти, ярости, не подчиняясь и не позволяя решать кому-то их судьбу.

Под конец шторма, я заснула в своей постели. Когда проснулась, солнца не было, но земля высыхала. Листья, которые устояли на ветках дерева, были зелеными и свежими. К моему удивлению, листья с окна пропали, и это заставило меня почувствовать грусть и безнадежность. Идея того, что они могли выжить против шторма, приносила мне чувство комфорта.

Однако, когда теперь я оглядываюсь на окно, мне интересно, куда они делись. Возможно, они не сдались и позволили ветру и дождю унести их. Возможно, они как-то смогли вернуться к деревьям. Возможно, что они заново соединились с ветками, продолжают расти и процветать даже после их временного перерыва. А может быть, они были достаточно сильными, чтобы вновь взять контроль над их жизнями, оживить

себя вблизи смерти и заставит себя начать снова дышать... — Кайден заканчивает чтение и смотрит на меня с непонятым взглядом.

Я забираю дневник из его рук и прижимаю к груди.

— Я знаю это история ненастоящая, просто мои мысли. Но это все, что я могу придумать на данный момент.

Он кивает и не произносит ни слова. Он оборачивает руку вокруг моего плеча и тянет меня к себе, в то время, как ложиться на кровать и кладет голову на мою подушку. Я прижимаю лицо к его груди, вдыхая запах и обнимая дневник. Я слушаю его сердцебиение в груди и закрываю глаза, вдыхая и выдыхая параллельно с этим звуком.

— Келли, — говорит он, после долгого молчания.

Я поднимаю лицо ближе к нему и целую его грудь.

— Да?

— Я думаю, что листья возвратились к деревьям.

Эпилог

Тремя неделями позже...

Кайден

Вирджиния довольно милое место – очень зеленое, с множеством деревьев и дикой природой вокруг. Здесь немного теплее, чем в Вайоминге. По крайней мере, так мне кажется. Я здесь всего около часа и большую часть времени проторчал в аэропорту. Полетел один, даже при том, что Келли хотела со мной. Но как бы я не хотел, чтобы она полетела со мной, я не должен разрушать ее жизнь и прогресс, которого она добилась.

— Я пробуду там только неделю, — уверяю ее. — Думаю, это то, что мне следует сделать в одиночку. — Она казалась немного задетой, но после поняла и отпустила меня без дальнейших обсуждений.

После очень странного, довольно неловкого воссоединения с моим братом в зоне выдачи багажа, мы садимся в его внедорожник среднего размера и направляемся к автостраде. Он выглядит практически также как я, только взрослее с редущими волосами и с меньшим количеством шрамов на лице. На нем слаксы и рубашка поло, а внутри машины пахнет фаст фудом.

Мы ведем легкую беседу первые десять минут, обсуждая школу и его семью, и внезапно я хочу узнать:

— Почему ты никогда не звонил? — спрашиваю я, сжимая ручку двери для поддержки.

Он смотрит на меня такими же зелеными глазами, как мои.

— Я пытался, но мать и отец изменили номер, когда я ушел. И после, когда я смог его заполучить, они либо не отвечали, либо бросали трубку. Хотел связаться с тобой, после того как ты уехал.... Но не знаю... жизнь только отчасти мешала этому. — Он делает паузу и сжимает руль, проглатывая комок в горле. — Насколько плохо это было?

Пожимаю плечами, уставившись на дорожную разметку.

— Не знаю.

Он не требует у меня деталей, но он может сказать по моему тону, что это было плохо. И он знал о случае на кухне, когда отец пырнул меня – эта история говорит о многом.

— Ты слышал о них что-нибудь с тех пор, как они уехали?

Качаю головой и прикасаюсь к последнему шраму, который отец нанес мне.

— Нет, но мне интересно почему... и куда они отправились. Такое ощущение, будто они бегут от чего-то.

Дилан кивает с задумчивым взглядом.

— Да, знаю... Думаю, они беспокоятся о том, что ты расскажешь кому-то.

— И какая разница, если я бы сделал это? — задаю вопрос. — Даже если и рассказал кому-то, я бы не смог добиться много. Даже если бы полиция поверила мне, и я смог бы выдвинуть обвинение о нападении, отец смог бы избежать этого, уплатив штраф. И вероятнее всего, он знает это.

Дилан качает головой, поворачивая машину к съезду.

— Попробуй покушение на убийство или даже непредумышленное убийство. Он избивал тебя, Кайден... выбивал из тебя дерьмо. Выбивал дерьмо из нас обоих. — Он прикасается к скуле и пробегает пальцами по маленькому ровному шраму на щеке. — Кто-то должен был рассказать давным-давно об этом и не спускать ему это с рук.

Тишина заполняет пространство, когда мы окунаемся в наши детские воспоминания. Странно находиться с кем-то, кто понимает какого это.

— Мы были напуганы, — говорю я спокойно и он кивает в знак согласия, его глаза сфокусированы на дороге. — Как ты справился с этим? Как смог двигаться вперед?

Он трясет головой и замедляет внедорожник на знаке стоп.

— Я до сих пор не переступил через это, но становится легче, когда находишься так долго вдаль от него. Его гребанная сила, что он имеет над тобой – уйдет прочь.

Я глубоко вздыхаю и выдыхаю. Впиваюсь пальцами в дверь, наблюдая за домами проносящимися в тумане и мне интересно, как выглядит его дом. Знаю, что он женат и не имеет детей. Его жена тоже учитель. Это так нормально и странно для меня, учитывая, кем стал Тайлер. Но предполагаю что эта жизнь. Она не заканчивается для всех одинаково, даже если ее обстоятельства одни и те же, потому что не каждый думает и реагирует как все.

В конце концов, он поворачивает автомобиль к дороге по краю поля и толкает рычаг переключения передач, заезжая на парковку. Я удивлен тем, где мы – не перед домом, а возле тюрьмы, что скрыта за высоким сетчатым забором с витками колючей проволоки.

— Ммм... — Я смотрю на Дилана, ошеломленный. — Что мы здесь делаем?

Он убавляет звук стерео и отцепляет ремень безопасности. Смотрит на здание долгое время до того как заговаривает.

— Ты помнишь, отец иногда упоминал своего, и это всегда звучало так, как будто тот был таким же жестоким отцом, как и наш?

Киваю, уставившись на охранников снаружи.

— Да, припоминаю.

— Ну, ты хочешь узнать правду? — спрашивает и глядит на меня. Его глаза поблескивают и мне интересно, собирается ли он заплакать или что-то типа этого.

— Полагаю, да.

— На самом деле он был хуже, если ты можешь поверить в это. У нашего отца был брат и его отец... наш прадед... убил его... забив до смерти.

Мое сердце останавливается в груди, и на мгновение я переношусь сквозь время на кухню. Нож, входящий в меня. Это больно. Но не только физически. Больно духовно, от того, что это мой отец. Он не должен делать это со мной. Он должен защищать меня, а не уничтожать.

— И сейчас он здесь, — продолжает брат, указывая подбородком на тюрьму.

Делаю паузу, осматривая здание и ограждение вокруг.

— Как ты это выяснил?

— Хотел знать... откуда мы. Почему у нас такая дерьмовая жизнь. Было ли это случайностью то, что мы родились в ужасном доме с ужасными родителями? Или это было неизбежным? — Дилан делает паузу, глядя на забор и острую колючую проволоку. Тогда, наконец, он поворачивает колеса и разворачивает машину, шины взвизгивают, когда он давит на педаль и выезжает на дорогу.

Не уверен, что делать с тем, что он открыл мне или можно ли что-то сделать с этим, но я должен задаться вопросом, закончу ли я как мой отец, также как и его отец. Интересно, Дилан думает о том же? Предпочитает ли физическую боль испытанию эмоциям? Предпочитал ли мой отец? Мне интересны многие вещи в данный момент, и это начинает копиться в моей груди. Все над чем я работал так усердно, избавляясь в течение нескольких месяцев вернулось, тихое штормовое побуждение.

Но потом, мне становится интересно, смог бы отец изменить его жизнь, зная исход? Он мог заставить чувствовать и быть лучшим человеком, как смог я. Не знаю, почему я выбрал именно этот момент, чтобы сделать это. Возможно, я немного облажался и увиливал от этого, но потребность, чтобы сказать это, подавляло меня больше, чем все остальное. Вместо того, чтобы потянуться к чему-то острому, я достаю свой телефон. Набираю номер Келли, и, когда слышу ее голос, шторм в груди утихает.

— Тебе там весело? — спрашивает Келли с надеждой в голосе, желая, чтобы я был счастлив.

Вдыхаю глубоко и произношу это с эмоциями, бурлящими во мне.

— Я люблю тебя.

Она затихает на мгновение, и я слышу ее вдохи и выдохи.

— Я тоже тебя люблю.

На мгновение все в мире имеет смысл. На мгновение темнота в моей жизни освещается. На мгновение все становится идеальным и прежним.

Келли

У меня на лице глупая ухмылка, когда я возвращаюсь к лавкам. Я только что поговорила с Кайденом по телефону, и он признался мне в любви. Я сомневалась, отпуская его одного в Вирджинию. Беспокоилась о его встрече с братом, который оставил его и позволил навредить ему. Но очевидно все прошло хорошо. Потому что он сказал, что любит меня. Любит. Я чуть не запрыгала от радости.

Грейсон, Сет, Люк и я на баскетбольном матче. Толпа шумная, свист и крики заполняют стадион, вместе со звуком кроссовок скрипящих по полу. В воздухе витают ароматы арахиса, попкорна и пота.

— Где Грейсон и Люк? — спрашиваю я, садясь на стул напротив Сета.

Сет указывает на низ нашей секции, где Люк и Грейсон стоят около перил, болтая о чем-то. Грейсон размахивает оживленно руками, а Люк качает головой в знак несогласия.

Карие глаза Сета сканируют мое лицо, пока его рука копошится в ведерке с попкорном.

— Что за глупая ухмылка, моя дорогая Келли?

Моя ухмылка растет, когда хватаю горстку попкорна.

— Кайден только что сказал мне, что любит меня.

Сет роняет ведерко попкорна на пол и оборачивает свои руки вокруг меня.

— Я так рад за тебя, — произносит он, обнимая меня.

Обнимаю его в ответ, смеясь, когда он просовывает ведерко попкорна между нами.

— Я тоже рада за себя.

Он отстраняется с улыбкой на лице, собирая рассыпанный попкорн с колен.

— Знаю, что ты рада, и это очень хорошо. Я действительно не хотел надирать ему зад.

Я тихо смеюсь от этой идеи.

— Уверена, Кайден благодарен.

Огромный мужчина позади нас начинает орать на Люка и Грейсона "сядьте блять!"

— Заткни свой рот. — Вмешивается Сет, стреляя в него глазами через плечо, в то время как Люк, оборачиваясь, показывает ему средний палец.

Задерживаю дыхание, пока напряжение не рассеивается, и Люк с Грейсоном не возвращаются к разговору. Люк гулял с нами последние три дня и всегда вписывался в компанию и никогда не был не к месту.

— Иногда... мне кажется, что Люку... — Наклоняюсь к Сету и понижаю голос. — Что Люку... нравятся... парни.

Сет сидит мгновение, громко хрустя попкорном. Затем он начинает хохотать, да так громко, что почти заглушает толпу. После останавливается и шепчет.

— Люк не гей, Келли.

— Уверен? Может он просто боится открыться, как боялся Брейдан.

— Ага, уверен. — Плечи Сета опадают, когда он выдыхает и качает головой. — Хочешь знать, что я думаю?

Киваю и хватаю горсть попкорна.

— Да, пожалуйста, поделись своими всезнающими мыслями.

Он посылает мне улыбку, наклоняется и выдает.

— Я думаю, что он прошел через что-то, что сделало его более понимающим и принимающим, чем среднестатистический человек. И думаю, иногда люди неверно истолковывают понимание и принятие во что-то другое, чем это не является.

Он определенно прав и я чувствую себя ужасно.

— Ты прав, мне жаль. Я никогда не должна пытаться угадать что-то в людях.

— Не извиняйся, — отвечает он, тыкая меня игриво локтем в бок. — Кроме того, ты одна из таких людей.

— Что? Понимающих и принимающих? — Закидываю горсть попкорна в рот.

Улыбка освещает все его лицо.

— Ты человек, который может видеть вещи с другой стороны, который был в аду и вернулся оттуда. Человек, который искупился и искупил других.

Счастливо улыбаюсь ему в ответ, в то время как толпа сходит с ума вокруг нас, свистя, хлопая и подпрыгивая со своих мест от трехочкового броска. Сет начинает хлопать, и я присоединяюсь к нему, когда мой телефон начинает играть в кармане “Cumbersome” Seven Mary Three.

— Это мой брат! — перекрикиваю толпу, вставая на ноги. — Сейчас вернусь. Он должно быть пытался дозвониться до меня весь вечер.

Я спешу вниз по лестнице, убедившись, что двигаюсь в другую сторону, когда мимо проходит топа парней. Даже после восстановления, толпы и незнакомые ребята действуют мне на нервы. Но самое важное, что я здесь и не прячусь.

Быстро отвечаю, входя в торговую зону, и крики постепенно затихают.

— Привет, — говорю я.

— Привет, — он не звучит радостным, но вообще это его обычный тон. На самом деле я подметила, что у моего брата очень сварливый голос, но это просто он и это не должно приниматься близко к сердцу.

— Прости, что не ответила раньше. — Я направилась к одному из пустых металлических столов в середине помещения, опускаясь на скамью, и опускаю руку поверх стола. — Я на игре и здесь очень шумно.

— Ничего страшного. — Он затихает и вздыхает. — Келли, я не знаю, как тебе это сообщить... мама думает, что мне не следует говорить тебе это... но ты дружишь с Люком и все равно узнаешь.

Комок начинает расти в горле и его тяжело проглотить.

— Что случилось?

Он шумно вдыхает и выдыхает.

— Ладно, полиция обыскала дом Калеба и кое-что обнаружила... заметки, дневники и вещи... и, ну... помнишь Эми Прайс? Сестру Люка? Она была старше тебя на несколько лет и совершила самоубийство, когда ей было 16.

— Я не знала, что она... я не знала этого. — Моя грудь сжимается, вспоминая момент, когда Люк однажды упомянул сестру.

— Она сделала это, и никто не знал почему. — Произносит он. — Помню, как ребята из моего класса говорили, что она шлюха, суперстранная и была укурком, но никто толком не знал ее.

Измени несколько слов и история Эми станет схожей с моей.

— Джексон, что было в этих дневниках, которые они обнаружили?

Он продолжает выдувать воздух, и мне стало интересно, курил ли он?

— Заметки о людях, о тебе, о ней... и все те вещи, которые он проделывал с тобой... с ней... другими девушками.

Присаживаюсь, застывая, как статуя с трещинами и со сколами.

— Откуда ты узнал про это?

— Друг отца Денни – коп, пришел на ужин прошлым вечером и рассказал отцу, хотя он не должен был рассказывать об этом, пока расследование не закроют. Он думает, отцу следуют знать, в дневниках были записи... о тебе.

Джексон продолжает говорить, но я едва слышу его. Я не слышу ничего, кроме биения моего сердца. Даже не уверена, задевает ли меня это за живое. Вызывает ли во мне чувства, что Калев действительно писал обо мне, о тех вещах, которые он совершал, или о том, что сестра Люка убила себя... и возможно... возможно она сделала это из-за внутренних страданий. Возможно, она не могла больше жить с этим.

Коротко заканчиваю разговор и направляюсь к стадиону. Иду к скамейке, и мои глаза мгновенно находят Люка. Он смотрит на меня, изогнув брови с интересом, я чувствую, как мое сердце перемещается к нему. Не знаю, что думать или чувствовать. Потому что даже я получила спасение, сестре Люка так не повезло.

Хватаю клевер, висящий на моей шее, и удерживаю его с каждым пятнышком надежды, которое у меня есть и говорю себе, какая я счастливая. Да, я прошла через много боли, страданий и сломленности. Но я здесь, дышу, и мое сердце бьется. Я процветаю. Я не одинока. И Любима.

Продолжение следует...

Плейлист:

1. "Hate Me" Blue October
2. "Running Away" Hoobastank
3. Dexy's Midnight Runners "Come On Eileen"
4. "Wonderwall" Oasis
5. "Hands Down" Dashboard Confessionals
6. "Cumbersome" Seven Mary Three